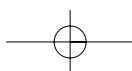
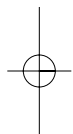
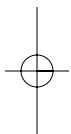
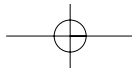

АЛЕКСАНДР СКИРДА

**ИНДИВИДУАЛЬНАЯ
АВТОНОМИЯ
И КОЛЛЕКТИВНАЯ СИЛА**

АЛЕКСАНДР СКИРДА

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ СИЛА

**Обзор либертарных идей и практик
от Прудона до 1939 г.**

Перевод с французского издания 1987 года
под редакцией автора

ГРОМАДА

Париж 2002

ДРУГИЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА

Kronstadt 1921. Prolétariat contre bolchévisme, éd. de La Tête de Feuilles. 1972 (épuisé).

Les Anarchistes dans la révolution russe, éd. de La Tête de Feuilles, 1973 (épuisé).

La Terreur sous Lénine, en collaboration avec J. Baynac, éd. Du Sagittaire, 1975.

J.-W. Makhaïski : le socialisme des intellectuels, éd. du Seuil (collection Points-politique) 1979, présentation et traduction des textes (épuisé). 2e édition revue et augmentée, Les Éditions de Paris, 2001.

En collaboration avec Marcel Body, *Un piano en bouleau de Carélie. Souvenirs de Russie, 1917–1927*. Hachette littérature, 1981 (épuisé).

Nestor Makhno, le Cosaque de l'Anarchie, la lutte pour les soviets libres en Ukraine 1917-1921, éd. A. S., 1982 (épuisé).

2e édition sous le titre : *Les Cosaques de la liberté, Nestor Makhno et la guerre civile russe*, Lattès, 1985 (épuisé).

3e édition revue et augmentée : *Nestor Makhno, le Cosaque libertaire (1888–1934). La guerre civile en Ukraine. 1917-1921*, Les Éditions de Paris, 1999.

На русском языке:

Нестор Махно, казак свободы 1888–1934. Гражданская война и борьба за вольные советы в Украине 1917–1921, Изд. Громада, Париж, 2001.

На португальском языке:

Nestor Makhno e a revolução social na Ucrânia. São Paulo, 2000.

Nestor Makhno. La lutte contre l'État et autres écrits, J.-P. Ducret, 1984, présentation et traduction (épuisé).

На английском языке:

The Struggle Against the State and Other Essays. AK. Press, Edinburg–San Francisco, 1996.

На чешском языке:

Boj proti státu a jiné eseje. Press, Praha, 1999.

Autonomie individuelle et force collective. Les anarchistes et l'organisation, de Proudhon à nos jours, éd. A. S., 1987 (épuisé).

На английском языке:

Facing the Enemy: A History of Anarchist Organization from Proudhon to May 1968. AK. Press, Edinburg–San Francisco, 2002.

En collaboration avec André Bosiger, *Souvenirs d'un rebelle, soixante ans de luttes d'un libertaire jurassien*, Canevas, 1993 (épuisé). Rééd. 1998, éd. Noir, Lausanne, Suisse.

Les Anarchistes russes, les soviets et la révolution de 1917, Les Éditions de Paris, 2000.

Заложить основу свободы индивида, развивая инициативу масс.

П.Ж.Прудон,
Исповедь революционера, 1849.

Я убежден, что время теоретических речей, печатных или устных, прошло. За последние девять лет внутри Интернационала было выдвинуто идей гораздо больше, чем нужно для спасения мира, если бы сами идеи могли его спасти, и я бросаю вызов любому, кто попытается изобрести еще одну. Сейчас не время идей, а время фактов и действий. Сегодня важна, прежде всего, организация сил пролетариата. Но эта организация должна быть делом самого пролетариата.

Михаил Бакунин,
Письмо товарищам Юрской Федерации, 1873.

Надо вбить себе в башку, что нам нельзя надеяться ни на чью поддержку. Только сила наших мышц может нас освободить.

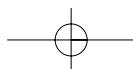
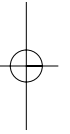
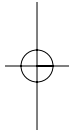
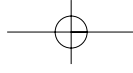
Эмиль Пужэ,
Батюшка-Работяга, октябрь 1894.

Анархизм является не красивым воображением, не кабинетной мыслью философа, а социальным движением трудовых масс, и уже по одному этому он должен сплотить свои силы в общую, постоянно действующую организацию, как того требует действительность и стратегия социально-классовой борьбы.

*Организационная платформа
группы зарубежных русских анархистов*, 1926.

Революционная организация является, прежде всего, и в особенности, эффективным средством пролетариата в его освободительном процессе и не может ни в коем случае представлять собой самоцель. Это катализатор, способствующий радикализации проводимой борьбы, живая лаборатория опытов и анализов, место столкновений, информации, связи и координации. Ее роль состоит в том, чтобы отражать, централизовать и распространять весь осуществленный опыт борьбы своих членов.

Кронштадтская Группа, Париж, 1971.

I

Крах социализма и поражения анархизма

Французская революция открыла эру современных революций. Воспоминание о ней навязчиво возвращалось на протяжении всего XIX века. Тогда другие Бастилии брались штурмом и постепенно, переходя от вооруженных вспышек до восстаний, кульминацией которых стало невиданное бурление 1848 и выступление парижских коммунаров в 1871, революционный проект приобрел форму. С этого момента перспектива его осуществления не покидала умы его сторонников. Между тем, в ходе попыток и опытов, предпринимаемых во имя его осуществления, появилось немало трудностей. Они состояли как в возможно более точном определении его целей, так и в выборе путей для их достижения.

Так, в момент, когда XX век заканчивался и должен был согласно уверенным прогнозам социалистических «пророков» увидеть «освобождение рода людского», это не произошло. Мы вправе утверждать, что ушедший век не осуществил обещаний, сделанных в его начале. Становится, в частности, все более очевидным, что чрезвычайное развитие науки и техники, отметившее нашу эпоху, принесло только горькую утрату иллюзий и трагическое разочарование тем, кто вложил в этот прогресс свои надежды на освобождение. Столкнувшись с упорными фактами, История стала топтаться на месте, скользить и съезжать во все стороны. Когда с нее упала маска, все заметили, что на смену великим революционным вечерам пришли мелкие бледные рассветы.

Из того, что наступившие дни далеки от лучезарных и преисполненных песен, можно ли делать вывод, что сама идея социальной революции устарела? Вовсе нет. Что касается нас, мы убеждены, что она, напротив, остается единственной перспективой истинно человеческого общества. И это так, вопреки разного рода сомневающимся, обскурантистам и оболванивателям, и это так, невзирая на моду и «look» (личину), на липовых социалистов и марксистско-ленинские преступления; и это так, несмотря на ренегатов своего класса, на пресыщенных и аполитичных, тех, кому на все наплевать и кто надеется выжить, оставаясь в стороне от социальной войны.

Но что привело к повторявшимся извращениям и поражениям революционного идеала, его дискредитации и «в целом отрицательному» итогу, который почувствовала на себе, к несчастью, значительная часть населения планеты? Обоснованный ответ потребовал бы долгого и тщательного изучения целого ряда факторов и различных влияний. Мы надеемся в дальнейшем предпринять подобное исследование; в данный момент удовлетворимся кратким изложением некоторых его элементов.

Прежде всего, имела место явная неясность относительно самой идеи революции. Она отождествлялась социалистическими идеологами то с «правом на труд» (в 1848), то с правом трудящихся полностью располагать продуктом своего труда, затем просто с разумной организацией общества производителей или же еще, и в особенности, с предварительным завоеванием государственной власти. Это должно быть сделано для того, чтобы придать социальному управлению направленность, отвечающую интересам «самого многочисленного и самого бедного класса» – пролетариата, – а на самом деле тех, кто взял на себя обязанность представлять его «историческую миссию». Такая эволюция привела к появлению нового «социалистического» класса: Капиталистов Знания и их верхушки – номенклатуры.

Рассмотрение результатов этого глубокого увлечения индустриальным подъемом показывает, что он принес лишь крохи своим исполнителям рабочим, облегчив, конечно, их участь по сравнению с прошлым, но она осталась такой же шаткой, как это можно без труда увидеть в наши дни. Это стремление только к «администрированию дел» путем хорошего «управления людьми» основывалось у социалистов и поверивших им на «катастрофистском» анализе эволюции капиталистической системы. В их воображении ей было предначертано погибнуть в ближайшее время, пав жертвой своих неисчислимых противоречий. Достаточно было терпеливо ждать, и терпение стало главной добродетелью «научного» социализма. Следует отметить, что эту веру разделяли, несколько по-другому, анархисты и некоторые искренние революционеры, а также значительное число пролетариев. Отсюда, напротив, их нетерпение, несколько наивная вера в стихийную революцию и немедленное преобразование социальных отношений. Их поддерживали на этом пути те, кто отказывался «диктовать правила будущего». Это был ловкий и полезный расчет, чтобы скрыть амбиции нового правящего класса и чтобы спрятать действительное соотношение сил между революционерами и их врагами, явными или виртуальными. Подобное ослабление бдительности подтолкнуло многих пролетариев к повстанческим боям, в которые они зачастую бросались очертя голову, без достаточно сознательного и критического отношения как к направленности своих усилий, так и к тому, что завоеваниями их борьбы пользовались до сих пор недооценивавшие новые и внутренние враги.

Это стало вполне очевидным во время крупных кровопусканий рабочим в июне 1848, Парижской Коммуны, в России и в Украине в 1917–1921 и, наконец, в Испании в 1936–1939.

Заметим также, что это чрезмерное внимание к экономическим условиям, рассматривавшимся в конечном счете, в качестве ключевых для любого социального обновления, шло в паре с преобладанием стадного чувства над индивидуальным, устраняя таким образом более глобальное и подрывное видение отношений господства. Исключение составлял только анархизм, поскольку, напротив, он сделал из существования индивида исходную и конечную точку своего революционного проекта. Для него индивид является не только производителем и потребителем, но также и человеческим существом, наделенным критическим сознанием и стремящимся к достижению социальной гармонии и индивидуальной автономии каждого.

Неточность в определениях идеологов XIX века отразилась в «че-харде ярлыков»: обе стороны называли себя поочередно «коллективистами», «социалистами-революционерами», «коммунистами», «социал-демократами» до тех пор, пока в результате разделения не остались сторонники государственного социализма, называемого «научным», и автономисты-федералисты, ставшие впоследствии анархистами, или либертарными коммунистами. Первые оставались длительное время убежденными в неизбежном падении капитализма вследствие самого созревания объективных условий, которые достаточно только немного ускорить, овладев государственным аппаратом. Ясно, как божий день, что система оказалась более живучей, чем предполагалось, и что она даже сумела с умом воспользоваться этим липовым движением протеста. Что же касается завоевания государственной власти, оно привело социалистов всех ориентаций к постоянным отречениям из-за огромных уступок и компромиссов и попросту к сделкам с фиктивным противником – капиталистической буржуазией, претендуя, например, на лучшее управление капиталом, чем сами капиталисты! Все это приносило ущерб их конечным целям, постоянно отодвигавшимся на все более отдаленные и неопределенные дни.

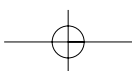
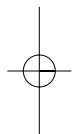
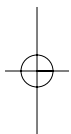
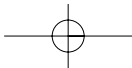
По мнению одной из фракций этих социалистов-государственников, поскольку система не торопилась развалиться, следовало срочно воздействовать на субъективные условия и развернуть усилия пролетарского «Прометея». Именно таким образом бланкистская концепция революционного меньшинства, пересмотренная Лениным и приправленная, по словам социал-демократа Шарля Раппопорта, «татарским соусом», дала рождение организации нового типа: большевистской Партии. Считая себя исключительным выразителем исторических интересов индустриального пролетариата и присвоив себе на этой основе право действовать от его имени и вместо него, эта партия навязывала себя другим в течение десятков лет, проводя настоящую коммер-

ческую кампанию по скупке внутри всего международного революционного движения. Результаты ее гегемонии известны: всюду, где она побеждала, вместо того, чтобы уничтожить экономическое и социальное неравенство, она его только увеличивала и еще более укореняла. На смену слабым и стареющим автократам приходили негибкие и всемогущие партократы. В итоге классовая борьба, преследовавшая вначале освободительную цель, превратилась у социалистов-государственников, реформаторов или тоталитаристов, в банальную «борьбу за места».

Что касается второго члена альтернативы – предмета настоящего исследования, – анархистов, или либертарных коммунистов, они во все времена настойчиво утверждали, что эксплуатируемые должны, освободившись от любого покровительства партий и государства, взять непосредственно в свои руки собственную судьбу. Это следует сделать, упразднив частный или государственный капитализм и заменив его экономическим и социальным режимом, в котором производство товаров потребления и отношения между людьми находились бы в прямой связи с реальными потребностями и желаниями мужчин и женщин, объединенных в свободную федерацию независимых коммун. Этот идеал, долго считавшийся утопическим, был однако убедительно осуществлен на практике – несмотря на чрезвычайно трудные условия – во время двух революционных опытов: в восточной Украине в 1917–1921 и в либертарной Испании в 1936–1939. Таким образом, утопистами оказались не те, кого таковыми считали, а скорее те, для кого все продолжалось бы как ранее, только подправить кое-где эксплуататорский режим, а значит, в действительности сохранить его и продолжать до бесконечности губительные отсрочки.

Однако, если анархизм возник как радикальная составляющая часть революционного проекта, и если его критические положения были неоднократно подтверждены исторической эволюцией и сохраняют, следовательно, несомненную актуальность, то проповедуемые им средства и его организационная практика приводили иногда к недоразумениям и даже к тупикам. Ему часто не доставало согласованности и единства. Именно это является проблемой. Колеблясь между далеко идущей индивидуальной автономией и зачастую громоздким коллективным действием, анархисты регулярно терпели неудачи в попытках придать событиям и исторической эволюции окончательный освободительный характер. Можно ли объяснить это поражение неблагоприятным историческим контекстом, неизбежностью объективных законов, человеческой природой или же врожденной недееспособностью, «мягкотелостью» доктрины и исправимой недостаточностью? Можно бы пространно обсуждать каждый из этих аспектов, но анархистские идеи основываются главным образом *на воле бытия и действия* каждого и всех. Поэтому первостепенное значение, на наш взгляд, имеет

поиск субъективных объяснений этого поражения в процессе становления анархистской мысли со времени ее зарождения более полутора века назад, в тесной связи ее с различными социальными опытами и организаторскими практиками, которые она могла породить. Наша задача состоит не в том, чтобы дать полный перечень анархистских концепций, а в том, чтобы выделить некоторые из них в их самом ярком проявлении и в их самой тесной связи с революционным проектом. Разумеется, они будут представлены в социальном и историческом контексте, из которого их ни в коем случае нельзя изъять, и акцент будет сделан на препятствиях и подводных камнях, на которые они натолкнулись. В результате такого углубленного анализа мы попытаемся актуализировать исходные посылки данного вопроса.

II

От штирнеровского индивида до прудоновского производителя

Анархистские идеи возникают в 40-х годах XIX века как реакция на недавно распространившиеся социалистические и коммунистические взгляды. Отметим следующий парадокс: эти последние родились как противоположность «буржуазному» индивидуализму и стремились к благополучию «большинства». В свою очередь, анархизм направлен против притязаний общества установить опеку над индивидом и проповедует освобождение от ограничений, налагаемых вездесущим государством. Для Штирнера и Прудона, лучше всех выразивших эту реакцию в то время, индивид представляет собой существо из крови и плоти, основную единицу общества. Это существо не похоже ни на одно другое и не имеет ничего общего с «тотальным» человеком, призраком исторического или религиозного становления, которого хотели навязать сторонники общественной или государственной стабильности, а именно, сторонники Сен-Симона, Фурье, Кабэ и другие идеологи обобществления. К тому же у них некоторые индивиды предназначались для особой и элитарной роли, в общем, роли «пророка», и как таковые имели явную тенденцию приписывать себе заслуги и судьбу, которые их в конечном счете превратили в касту или господствующий класс. Это происходило, конечно же, в ожидании пришествия обещанного райского коммунистического общества.

У Штирнера совсем по-другому: для него индивид является «Единственным», «эгоистом», действующим в своих собственных интересах, не нанося при этом урона чужим и не исключая никаких форм объединения по свободному согласию, но зато отбрасывая опеку государства во всех ее формах. Это объединение представляет собой соглашение, заключенное с другими независимыми индивидами на основе абсолютного равенства и на определенный срок, следовательно, расторгимое при первой необходимости:

«Если я могу использовать (любое другое существо. А.С.), я вступаю с ним в соглашение и объединяюсь с ним, для того чтобы усилить

свое могущество этим соглашением и сделать больше благодаря нашей общей силе, я не вижу в нем абсолютно ничего другого, кроме приумножения своей силы, и я его продолжаю так долго, пока оно остается моей приумноженной силой»¹.

Штирнеровский индивид не является «рабочей силой», подчиненной воле коллектива; он «использует объединение и выходит из него, не заботясь о долге или верности, когда он считает, что не сможет больше извлечь из него пользу». В этом нет с его стороны никакой жертвы, так как он соглашается на это ради собственной выгоды, из личного интереса, что же касается жертвенности, он «жертвует только тем, что вне его власти, то есть он не жертвует ничем».

Заметим, что Штирнер проводит различие между революцией и бунтом. Революция

«состоит в коренном изменении условий, существующего положения вещей («status») в государстве и в обществе, это, следовательно, акт политический или социальный. Бунт имеет, конечно, неизбежным следствием изменение условий, но из такового не исходит. Его корни в неудовлетворенности людей самими собой, это не поднятие щитов вверх, а подъем индивидов, их появление, невзирая на инстанции, которые бунт порождает. Революция имела целью новые институции, бунт нас приводит к тому, что мы больше не позволяем организовывать себя, а организуем себя сами, и он не возлагает блестящие надежды на какие-то «институции». Представляя собой борьбу против установившегося порядка, поскольку, когда он удаётся, порядок разваливается сам собой, бунт является только трудным извлечением собственного я из этого порядка».

Если для Штирнера рабочая сила индивида должна освободиться от социальной опеки, у Прудона индивид является прежде всего производителем, которого лишила собственного продукта буржуазия, господствующий класс. Он верит в значимость объединения и федерации людей, которые, установив между собой объединения производителей и потребителей в соответствии со своими потребностями и желаниями, составят коллективную силу, противостоящую государству и собственникам. Когда эти последние потеряют свои прерогативы, их власть исчезнет и эксплуатация уступит место обществу, очищенному от всякого правления: Анархии.

Для Прудона индивид также является «единственным» и своеобразным; он обладает фундаментальным внутренним свойством: своей волей – свободной волей, которая порождает стремление к достоинству, к независимости и составляет условие *sine qua non* свободы:

«Не следует полагать, как это делают современные коммунисты или социалисты, что человек имеет ценность только благодаря обществу, что он является его продуктом, что общество придает ему какую-то

функцию, какую-то особенность, что он ему должен все, а общество ему не должно ничего. Такая система ведет к вырождению личности, к восточному или цезарскому абсолютизму. Она порабощает индивида, чтобы освободить массы. Это тирания, а не объединение. Нет примера сообщества, основанного на энтузиазме, которое не закончилось бы в глупости»².

Эти чрезвычайно ясные строки приобрели с тех пор еще больший вес и привлекают живой интерес к тому, кто написал еще, что «человек не желает, чтобы его организовывали, чтобы его превращали в машину; ему свойственна тенденция к дезорганизации, к отвращению неизбежного»³.

Этот взгляд имеет в основе этическую цель: «достоинство» и целостность каждого индивида, во имя справедливости, определенной как «спонтанно переживаемое и взаимно гарантируемое чувство человеческого достоинства, независимо по отношению к кому и в каких условиях это достоинство нарушено, и чем мы рискуем, защищая его»⁴. Такая направленность устанавливает между людьми отношение связи и солидарности, которое становится основой действительного братства, гарантируемого взаимным уважением их индивидуальной независимости.

В более широком плане речь больше не идет ни о социальной гармонии между всеми существующими классами, ни об объединении Капитала и Труда, а, напротив, о неустранимом их противопоставлении, об их непримиримой борьбе. Здесь к Прудону присоединяется Маркс, на которого Прудон оказал несомненное влияние: утверждение абсолютности классовой борьбы, ценности труда, развития производительных сил и производственных отношений, роли науки, идейно-реалистический принцип (который можно приравнять к материалистической концепции Истории у Маркса). Их объединяет, кроме того, глубокий атеизм (хотя Провидение было заменено у одного на стремление к справедливости, а у другого – на смысл Истории). Несмотря на эти аналитические схождения, по одному значительному различию они, тем не менее, противостоят друг другу: по целевой направленности классовой борьбы. У Маркса речь идет о простой исторической перестановке, в которой пролетариат сменяет пришедшую в упадок или переставшую играть прогрессивную роль буржуазию. Ее достижения остаются, несмотря на все, в силе. Для Прудона речь идет о глубоком и безвозвратном разрыве, роль буржуазии сыграна, и именно против нее должен утвердиться пролетариат, и это должно произойти за пределами ее территории и без участия в ее притворной демократии. Именно из этого рождается идея политического неучастия и тотальной борьбы в экономическом плане; отсюда вытекает необходимость организовать рабочий класс вне господствующего влияния и способствовать его автономному развитию. Этот принцип ведет сначала к анархистской теории, а

затем к революционному синдикализму. Прудоновская формулировка «цех должен заменить правительство» кратко выражает этот взгляд. Следует также отметить, что если для Маркса пролетариат представлен исключительно рабочими крупной промышленности, у Прудона он охватывает рабочих малых предприятий, крестьян-бедняков, и даже мелких ремесленников, не использующих наемный труд.

Незадолго до смерти Прудон напомнил о своем кредо: «Все мои экономические идеи, выработанные за двадцать пять лет, могут быть кратко выражены в следующих трех словах: *сельскохозяйственная и индустриальная федерация*; все мои политические взгляды сводятся к сходной формулировке: *политическая федерация* или *децентрализация*⁵».

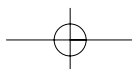
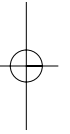
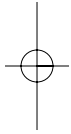
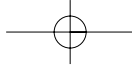
Для достижения этой цели он проповедует «инициативу масс путем согласия граждан, путем опыта трудящихся, путем прогресса и распространения просвещения, революцию через свободу». Путем последовательных революционных актов мы придем к «упразднению всякой власти, духовной, временной, законодательной, исполнительной, юридической, собственности⁶». Коллективная сила, которую он проповедует, похожа как близнец на «умноженную силу» Единственных Штирнера, хотя она была задумана как более длительная и систематическая во времени и в пространстве. Так, он сожалеет о том, что в 1848 Клубы, народные общества по своей сути, как и секции в 1793, предшествовавшие в такой же мере русским Советам, не сыграли более важную роль, и о том, что не подумали об их развитии и усилении.

Вслед за ним или одновременно многие радикальные деятели сорок восьмого года подписывают акт о рождении Анархии. Процитируем *Манифест Анархии* Ансельма Бельгарига, первое анархистское периодическое издание, опубликованное в 1850, в котором автор обрушивается на добровольное рабство, продолжая линию Этьена де Ля Бозси: «Вы верили по сей день, что существуют тираны! Так вот, вы ошибались, существуют только рабы: там где никто не повинует, никто не командует⁷».

Жозеф Дежак, другой сторонник безвластия этих лет, нападает с неудержимой силой и поэзией на неравенство и его музу, Власть: «Беззубая Дуэнья, Мегера с загребущими пальцами, Медуза с челом, увитым змеями, Власть! Прочь и место свободе!.. Место народу, непосредственно обладающему суверенностью, организованной коммуне⁸». Эмигрировав в Америку, Дежак начнет издавать в Новом Орлеане газету на французском языке, *Ле Либертэр*, которая предшествовала органу с таким же названием, основанному в 1895 Себастьяном Форм и Луизой Мишель.

Чтобы лучше оценить заслуги и интерес этих либертарных убеждений, напомним о контексте того времени: реакция Луи-Наполеона свирепствовала во Франции; черное рабство все еще распространено в

Соединенных Штатах; в царской империи рабство русских «белых негров» будет упразднено только в 1861 году; быстрым темпом развивается механизация в индустрии, а вместе с ней заводская каторга; в искусстве господствует самый плоский академизм, а среди наиболее передовых социальных доктрин преобладают клерикализм и государственный социализм. Короче говоря, горизонт более чем тускл.

III

Бакунин: Программы революционного анархизма

Именно тогда на европейскую революционную сцену ворвался тот, кого прозвали «демоном бунта», тот, кому было суждено произвести переворот в умах своего времени: Михаил Бакунин. Участник баррикадных боев 1848, трижды приговоренный к смертной казни и затем помилованный, он провел восемь лет в тюремных стенах. В 1861 ему удалось бежать из сибирской ссылки. Ни в малейшей мере не сломленный длительным заключением, он ринулся, очертя голову, в революционную борьбу. После безуспешной попытки проникнуть в Польшу для оказания помощи местным повстанцам Бакунин в 1864 году остановился в Лондоне. Там он встретился с Марксом, по просьбе последнего, который предложил ему присоединиться к рождавшемуся Интернационалу. Встреча получилась дружеская, Маркс оправдывался за клевету по отношению к своему собеседнику. Впрочем, вскоре он написал Энгельсу, что русский беглец «ему очень понравился, я его нашел в целом лучше чем когда-то, это один из тех редких людей, встретив которого шестнадцать лет спустя, я вижу, что он двигался вперед, а не назад²». Ничто еще не предвещало той потрясающей борьбы, в которой они вскоре будут противостоять друг другу.

Бакунин не сразу присоединился к Интернационалу, поскольку его интересовали более прямые перспективы действия, и он в большей мере предпочитал форму подпольной организации, очень распространенную уже на протяжении многих десятилетий. Само собой разумеется, что в то время ни в одной стране невозможно было открыто объявлять свои революционные убеждения. Поэтому Бакунин отправился в Италию, которую считал благоприятной для осуществления своих планов, и полностью посвятил себя организации национальных и международных подпольных сетей. С этой целью он разработал ряд программ и уставов для тайных обществ на нескольких языках и иногда в нескольких вариантах. Все эти документы существовали, естественно, только в рукописях и продолжительное время оставались распы-

ленными среди его корреспондентов и друзей. Только недавно большая их часть стала доступной публике. Они написаны между 1864 и 1872 и до сих пор мало использовались биографами Бакунина. Его организационная деятельность оставалась вследствие этого мало известной. Поэтому остановимся на ней несколько подробнее.

Первой была составленная в 1864 году во Флоренции «Программа Интернационального революционного братства», или «Альянса». По мнению его биографа Г.Е. Каминского, это произведение Бакунина представляет для анархизма «противовес» *Коммунистическому манифесту* Маркса¹⁰. Действительно, продолжая и развивая в направлении радикализма анализ и положения Прудона, Бакунин выдвинул основные принципы революционного анархизма. Этот текст не получил должной оценки по той простой причине, что он оставался в рукописи до тех пор, пока Макс Неттлау его не воспроизвел в своем монументальном исследовании, и некоторые биографы не начали на него ссылаться. Принимая во внимание ценность этой основополагающей программы, представляется полезным процитировать из нее пространные отрывки.

Выступая против религиозности Мадзини и других социалистов-святош, Бакунин утверждает, что, в первую очередь, революционер должен быть атеистом и требовать на земле и для человека «все то, что религии перенесли на небо и наделили им своих богов». Как следствие, мораль, избавленная от «всяческой теологии и всяческой божественной метафизики», имеет единственным источником «коллективное сознание людей». Как противник «принципа власти» и всех его применений и следствий «то ли в интеллектуальной и моральной сфере, то ли в политической, экономической или социальной», революционный анархист признает, что справедливость воплощается в «осуществлении самой полной свободы и самого совершенного равенства в правах и на деле».

В замечательном по своей четкости изложении Бакунин определяет анархистскую концепцию социальной и политической организации:

«Нужно, чтобы он (революционер) был федералистом, как мы, как внутри, так и вне своей страны. Он должен понять, что наступление свободы несовместимо с существованием государств. Он должен стремиться, следовательно, к разрушению всех государств и одновременно всех социальных, политических и религиозных учреждений; таких, как официальные церкви, постоянные армии, центральные власти, бюрократия, правительства, унитарные парламенты, государственные университеты и банки, а также аристократические и буржуазные монополии. Для того, чтобы на руинах всего этого могло, наконец, подняться свободное человеческое общество, которое будет с этого момента организовано не как сегодня, сверху вниз и от центра к периферии, путем насильственного единения и концентрации, а исходя из свободного союза индивида и автономной коммуны, снизу вверх и от периферии к центру, путем свободной федерации.

Нужно, чтобы он принял, как в теории, так и на практике и во всей полноте его последствий, этот принцип: каждый индивид, каждая ассоциация, каждая коммуна, каждая провинция, каждая область, каждая нация имеют абсолютное право располагать собой, объединяться или не объединяться, брать в союзники, кого они захотят и расторгать свои союзы, невзирая ни на какие так называемые исторические права, ни на соответствие интересам соседей; и нужно, чтобы он был твердо уверен, что только тогда, когда они будут построены на всемогуществе их внутреннего притяжения и необходимости, когда они будут естественными и освященными свободой, эти новые федерации коммун, провинций, областей и наций станут действительно сильными, плодотворными и нерасторжимыми»¹¹.

Остановимся на другом отрывке, в котором дается актуальнейший анализ национального права:

«Нужно, таким образом, чтобы (кандидат на прием в Альянс) отказался от так называемого принципа национальности, принципа двусмысленного, полного лицемерия и ловушек, принципа исторического государства с его амбициями, в пользу значительно более великого, значительно более простого и единственно законного принципа свободы: каждый, индивид или коллективное образование, которые свободны или должны ими быть, имеют право быть собой, и никто не имеет права навязывать им свой костюм, свои обычаи, свои убеждения и свои законы; каждый должен быть абсолютно свободным у себя».

Само собой разумеется, эта национальная свобода не должна выливаться в «патриотизм собственной колокольни», совсем наоборот:

«Все эти узкие, смешные, губительные для свободы и, следовательно, преступные идеи величия, амбиций и национальной славы, выгодные только для монархии и олигархии, сегодня также выгодны для крупной буржуазии, потому что они им помогают обманывать народы и натравливать их друг на друга, чтобы лучше их поработить».

Еще одно главное положение:

«Поскольку единственным производителем социальных богатств есть труд, всякий, кто ими пользуется не работая, является эксплуататором чужого труда, вором, и поскольку труд является главнейшей основой человеческого достоинства, единственным способом, которым человек реально завоевывает и создает свою свободу, все политические и социальные права должны будут принадлежать с этого момента единственно только трудящимся».

Здесь мы находим направляющую линию, по которой будет развиваться революционный синдикализм.

Точно так же в отношении крестьянского вопроса:

«Земля, бесплатный дар природы каждому, не может и не должна быть ничьей собственностью. Но плоды ее, являясь продуктом труда, должны принадлежать только тем, кто ее обрабатывает своими руками».

Отметим также разрыв с патриархальным и семейным видением Прудона: женщина и ребенок воспринимаются как индивидуальности, во всех отношениях равные с мужчиной:

«Женщина, отличная от мужчины, но не низшее существо, умная, работающая и свободная, как он, должна быть объявлена равной ему во всех политических и социальных правах; в свободном обществе церковный и гражданский брак должен быть заменен свободным браком, и содержание, воспитание и обучение всех детей должны осуществляться одинаково для всех за счет общества, которому, защищая их против глупости, невнимания и злой воли родителей, не придется их разлучать, поскольку дети принадлежат не обществу, не родителям, а собственной будущей свободе».

По поводу именно свободы приведем отрывок, где Бакунин дает очень изящное ее определение:

«Вовсе неверно, что свобода человека ограничивается свободой всех остальных. Человек является действительно свободным только в той степени, насколько его свобода, свободно признанная и представленная, как в зеркале, свободным сознанием всех остальных, находит подтверждение своей бесконечности в их свободе. Человек действительно свободен только среди других также свободных людей: и поскольку он является свободным только как человек, рабство одного человека на земле, будучи оскорблением самой сути человечества, является отрицанием свободы всех. Свобода каждого, таким образом, осуществима только в равенстве всех. Осуществление свободы в равенстве в правах и в действительности является справедливостью».

Что же касается осуществления социальной революции, можно предположить, что Парижская Коммуна в 1871 году воодушевлялась планом, разработанным Бакуниным:

«Революция одновременно распространится повсюду и приобретет федералистский характер. Свергнув существующее правительство, коммуны должны будут революционно реорганизоваться, избрать руководителей, администрацию и революционные трибуналы, основанные на всеобщем избирательном праве и на реальной ответственности всех чиновников перед народом. Для защиты революции их добровольцы сформируют одновременно коммунальную милицию».

Вместе с тем, ни одна коммуна не останется изолированной, в противном случае она погибнет, и ей придется, следовательно столкнуться

«с необходимостью распространять революцию вне своей территории, поднимать все соседние коммуны по мере того, как они будут подниматься, федерализироваться с ними для совместной обороны». Делегаты или депутаты, отправленные каждой коммуной в «условленный пункт сбора», будут «наделены обязательными, ответственными мандатами, которые могут быть изъяты». В провинцию и во все коммуны и ассоциации повстанцев будут направляться «революционные пропагандисты», а не «официальные революционные комиссары с какими-либо повязками».

Подчеркнем, что почти все эти положения и все определенные принципы не были личным изобретением Бакунина; в большинстве своем они распространялись подпольно с 1830-х годов. Напротив, их выражение и осуществленный синтез являются полностью новыми, и это вовсе не случайно: Бакунин читал многие работы Сен-Симона, Фурье и Прудона. Сверх того, он был «воспитан» на собственном опыте участника европейских событий сорок восьмого года. Таким образом, он писал эту программу, воодушевленный теоретической зрелостью и результатами социального экспериментирования.

Бакунин написал другую версию этой программы для своих шведских друзей; действительно, именно из Швеции он сделал попытку отправить подкрепления в Польшу во время восстания 1863 г. и всегда стремился сохранить там точки опоры для последующих действий в России. Здесь уместно дать разъяснения по поводу предлагавшейся формы подпольной организации: принимая во внимание обстоятельства той эпохи, нужно рассматривать ее как единственную практическую возможность для тех, кто хотел переделать мир. К тому же, Бакунин находился под влиянием своего краткого и разочаровавшего его пребывания у массонов и, особенно, под влиянием конспиративных привычек присоединившихся к нему итальянцев-мадзинистов. В глубине души он верил только в действие масс и сохранял по этому поводу свои убеждения участника революции сорок восьмого года. Вместе с тем, он считал необходимым существование тайной организации, которая служила бы в некотором роде «штабом» для революции, штабом анонимным и тайным, который, конечно же, не должен подменять народ в его освободительной борьбе. Этим он четко отличается от тайного общества бланкистского типа «совершенно по-другому регламентированного и организованного полностью на деспотизме, достойном властного духа Луи Бланки». Целевая направленность бакунинской концепции полностью отлична: речь не идет о том, чтобы установить диктатуру одного или группы заговорщиков, ни какого-то места или города над другими; абсолютная и, так сказать, диктаторская централизация исключена:

«Я хочу, чтобы порядок, спокойствие в делах были результатом не единичной воли, а хорошо организованной коллективной воли многих членов ассоциации в каждой стране и во всех странах. Это значит за-

менить руководство одного центра оккультным, но мощным действием всех заинтересованных. Но чтобы такая децентрализация стала возможной, нужна реальная организация, а организация не может быть без некоторой регламентации, которая в конечном счете не что иное, как продукт соглашения и взаимного контракта»¹².

Более того, такой подход является также антагонистским: конечные цели бакунинского Братства провозглашены открыто, тайными остаются только средства, тогда как у бланкистов все секретно: как конечные цели, так и средства и внутренние структуры, поскольку все это зависит от единственного человека – революционного диктатора. Их концепция прямо унаследована от якобинцев и Бабефа.

В более поздней программе тайной революционной организации «Интернациональные Братья» (1868) Бакунин, впрочем, с еще большей силой обрушивается на якобинскую или бланкистскую концепцию революции. С расстояния времени мы все еще можем констатировать ее жгучую актуальность:

«Не следует удивляться, если якобинцы и бланкисты, которые стали социалистами скорее по нужде, чем по убеждению, и для которых социализм является средством, а не целью Революции, поскольку они хотят диктатуры, то есть централизации государства и чтобы государство их привело к логическому и неизбежному восстановлению собственности, очень естественно, что, не желая осуществить радикальную революцию против вещей, они мечтают о кровавой революции против людей. Но эта кровавая революция, основанная на построении революционного сильно централизованного государства, имела бы неизбежным результатом, как мы более убедительно покажем в дальнейшем, военную диктатуру нового хозяина. Триумф якобинцев или бланкистов значил бы смерть Революции.

Мы являемся смертельными врагами этих революционеров, будущих диктаторов, ограничителей и попечителей Революции, которые еще до того, пока монархические, аристократические и буржуазные государства будут разрушены, мечтают уже о создании новых революционных государств, таких же централизованных и еще более деспотичных, чем государства, которые существуют сегодня, которые так привыкли к порядку, созданному какой-либо властью сверху, и испытывают такой ужас перед тем, что им кажется беспорядком и что является ничем другим, как откровенным и естественным выражением народной жизни, что раньше даже, чем революция осуществит хороший и спасительный беспорядок, уже мечтают о его конце и обуздании силой какой-нибудь власти, у которой от революции останется только название, и которая в действительности будет только новой реакцией, поскольку она в действительности снова обречет народные массы, которыми будут управлять при помощи декретов, на повиновение, неподвижность, смерть, то есть на рабство и эксплуатацию новой квазиреволюционной аристократией»¹³.

Исторический опыт доказал правдивость этого предвидения.

IV

Бакунинская организация

Бакунинская организация имеет целью объединить только сотню братьев-интернационалистов и переменное число братьев национальных для каждой из европейских стран, не более двух-трех сотен для самой большой из них. Они характеризуются следующим образом: «преданные, энергичные, умные личности и, в особенности, искренние друзья народа, без амбиций и тщеславия, способные стать посредниками между революционной идеей и народными инстинктами».

Движимые этической страстью, эти революционеры будут осуществлять «не какую-то явную власть, а коллективную диктатуру всех членов Альянса... диктатуру без повязки, без звания, без официального права и тем более мощную тем, что у нее не будет никаких внешних признаков власти»¹⁴.

Хотя Бакунин считает нужным уточнить: если «вы будете развлекаться игрой в Комитеты общественного спасения и в официальную, явную диктатуру, вас проглотит реакция, созданная вами же». Употребление термина «диктатура», даже лишено всякого смысла благодаря контексту, чревато всякими двусмысленностями. Приведем мнение Артура Ленинга об этих «невидимых предводителях среди революционной бури»:

«Для Бакунина речь шла о том, чтобы вдохновить своими идеями небольшую группу людей, имеющих реальную и эффективную значимость, а также внушить им волю к действию. В свою очередь, они должны действовать в среде и в той плоскости, в которой они развивают свою деятельность, то есть в плоскости организации и принципов Интернационала. Самые близкие среди них должны совещаться между собой и с Бакуниным. Таким образом Бакунин имел связь с борцами из разных стран и поддерживал с ними личные отношения через переписку и, по возможности, встречи. Ему удавалось таким образом привести в гармонию пропаганду и возможное действие. В рабочем движении и, в особенности, в революционном движении, подобный способ действия не является чем-то особенным»¹⁵.

Близкий друг Бакунина Джеймс Гийом приводит свидетельство о природе этой организации, которая не имела ничего общего со старыми тайными обществами, в которых следовало «повиноваться приказам сверху». Она представляла собой «свободное сближение людей, которые объединялись для коллективного действия, без формальностей, без торжественности, без таинственных ритуалов, просто потому, что они доверяли друг другу и потому, что соглашение им казалось более предпочтительным, чем изолированные действия»¹⁶.

Члены бакунинской организации объединены друг с другом на основе доверия. Если в нее проникает какой-то член с дурными намерениями, вся организация становится непригодной. Бакунин в этом убедился на собственном опыте в результате своих отношений с Сергеем Нечаевым. Русский, сын крепостного, студент, преследуемый царским режимом, Нечаев проникся смертельной ненавистью ко всей существовавшей системе и подчинил все средства, праведные и неправедные, своей высшей цели: разрушению царизма до самых его корней. Он начал с участия в студенческих движениях протеста, затем, поставив их под свой контроль, превратил их в широкий заговор против режима. Он назначил даже дату решающего восстания – 1870, вполне убедительную, поскольку это был год, когда крестьянам, только что освобожденным от крепостного права, приходилось еще нести на себе его тяжелое бремя и выкупать свои собственные земли у своих бывших помещиков. В поисках поддержки и средств для своих планов Нечаев прибыл в Швейцарию, встретился с Бакуниным и, ослепив миражом повстанческого апофеоза на его родной земле, ввел в заблуждение и обманул его доверие: он сумел заполучить кругленькую сумму и втянул старого повстанца в свои сомнительные интриги.

Вернувшись в Россию, где ожидаемый большой день провалился, и попав в собственную ловушку, Нечаев совершил убийство студента, единственная вина которого состояла в том, что он поставил под сомнение его авторитет и реальность его планов. Полицейское расследование вскоре пролило свет на это грязное убийство, причем, с поспешной помощью самих сообщников Нечаева и, отягощающее обстоятельство, членов его организации.

Дело вылилось в громкий скандал, который замарал всю русскую революционную среду. Бакунин, в частности, был обвинен в подстрекательстве Нечаева, и ему приписывают авторство *Катехизиса революционера*, своеобразного макиавеллического пособия для заговорщиков, найденного у одного из сообщников Нечаева. Однако тон и содержание этого текста не имеют ничего общего с бакунинским радикализмом, в особенности, это касается наставлений по подлой манипуляции другими. Влияние русского бланкиста Ткачева и мемуаров бабувиста Буонарроти было убедительно установлено впоследствии, в особенности в последние годы в работах Михаэля Конфино, Артура Ленинга, Пирумовой и самого последнего по времени из советских биографов

Бакунина, Графского. Тем не менее, многие западные историки не боятся, иногда и ныне, представлять Бакунина как отца «якобинского иезуитства» Нечаева.

Нечаеву удалось тем временем укрыться в Швейцарии и представить свое дело в более выгодном для своей персоны свете, обвинив убитого студента в намерении донести на него. Несмотря на это, Бакунин понял его игру и отмежевался от него в письме первостепенной важности, также обнаруженном несколько лет назад М.Конфино. Это обстоятельство может быть объяснено заботой Бакунина не предавать гласности это письмо, чтобы не повредить интригану Нечаеву, находившемуся в то время в трудном положении из-за угрозы выдворения из страны, из-за – можно сказать – слепой солидарности против царизма.

В этом письме, обозначившем их разрыв, Бакунин заявляет Нечаеву, что

«система обмана, делающаяся все более и более вашею главною, исключительно системою, вашим главным оружием и средством, гибельна для самого дела (...). Но этот мир (революционеров) надо действительно организовать и *морализовать*. Вы же своею системою его развращаете и готовите в нем себе изменников, народу же эксплуататоров. (...) следуя иезуитской системе, вы систематически убиваете в них всякое человеческое личное чувство, всякую личную справедливость – как будто бы чувство и справедливость могли быть безличными – воспитываете в них ложь, недоверие, шпионство и доносы, рассчитывая гораздо больше на внешние пути, которыми вы их связали, чем на их внутреннюю доблесть».

Это не потому, что Бакунин имел тенденцию идеализировать «добродетельных» революционеров; у него не было иллюзий на этот счет: они действуют не только по «совести и по намерению», а по причине своего собственного положения в обществе. Если их поместить в

«положение, которое бы позволило им эксплуатировать и притеснять народ, – можно сказать, наверное, что они будут его преспокойно эксплуатировать и притеснять. След[овательно] самостоятельной добродетели в них мало. Надо, пользуясь их бедственным, помимо воли их, добродетельным положением, постоянною пропагандою и силою организации возбудить, воспитать, укрепить в них и сделать страстно-сознательно эту невольную добродетель. А вы делаете совершенно противное».

Пользуясь случаем, Бакунин вновь определяет цель и задачи революционной организации: «Способствовать самоопределению народа на основе абсолютного равенства, полной человеческой свободы, без малейшего вмешательства какой-либо власти, даже временной и переходной, то есть без посредничества всякого государства». Он вновь

напоминает: «мы открытые противники любой официальной власти, даже если это (ультрареволюционная) власть; будучи противниками всякой публично признанной диктатуры, мы являемся анархистами социал-революционерами»¹⁷. Чтобы рассеять всяческую двусмысленность, Бакунин вновь настойчиво утверждает, что взаимное доверие революционеров может утвердиться только на основе

«абсолютной искренности между членами. Изгнание всякого иезуитизма из их отношений, всякого подлого недоверия, коварного контролирования, шпионства и взаимных доносов, отсутствие и положительный строгий запрет всех пересуживаний за спиной. Когда один член имеет что-нибудь сказать против другого члена, тот должен сделать это в общем собрании, в его присутствии. *Общий братский контроль* всех над каждым, контроль отнюдь не привязчивый, не мелочный, а главное не злостный, должен заменить вашу систему иезуитского контролирования и д[олжен] сделаться нравственным воспитанием и опорой для нравственной силы каждого члена; основанием *взаимной братской веры*, на которой зиждется вся внутренняя, а потому и внешняя сила Общества»¹⁸.

Однако он делает уступку Нечаеву в том, что его иезуитская система – ложь, хитрость, обман и, в случае необходимости, насилие – может быть использована против врагов. Здесь рождается новая двусмысленность, поскольку понятие «враги» может быть достаточно неопределенным – с тех пор мы многократно были свидетелями этого – и, в особенности, из-за противостояния мы видели столько раз, как недавние друзья превращаются внезапно в непримиримых врагов, что, кажется, следует отнестись сдержанно к этой уступке Бакунина Нечаеву, конечно же, продиктованной обстоятельствами.

По сути, исследовав крайние пределы своих организационных принципов, Бакунин обращается, в конечном счете, к своему абсолютному критерию: этическому чувству (реверанс в сторону Фурье). Руководя сознанием и действием революционера, оно, несмотря ни на что, опирается на барьер, которым является «братский контроль каждого со стороны всех», таким образом, чтобы смогло установиться «единство мысли и действия». Однако эти внутренние отношения не предоставлены фантазии, это далеко не так, они управляются уставом и очень точным предписанием, привлекая самое пристальное внимание Бакунина.

Рассмотрим, например, Тайный устав Альянса Социалистической Демократии, датированный 1868 годом. Его определяющая структура представлена «Постоянным Центральным Комитетом», верховным органом которого является Генеральная Ассамблея. Стать его членом можно только при наличии единогласия; исполнительную власть Альянса составляет, по крайней мере вне Генеральной Ассамблеи Цент-

рального комитета, центральное бюро, состоящее из нескольких членов; в его обязанности входит, в частности, поддержание отношений с национальными комитетами и бюро, в случае необходимости отправление им по просьбе центральной секции чрезвычайных делегатов для пропаганды и действий. Дополнительная структура, Наблюдательный Комитет, следит за тем, чтобы никто не превышал свои полномочия. Одна из поставленных целей состояла в привлечении максимального количества рабочих организаций в Интернационал с тем, чтобы работа Альянса представляла собой только политическое и революционное развитие этой Ассоциации.

Устав «Интернационального братства», другой бакунинской организации, принимает в целом такое же внутреннее функционирование, за исключением того, что генеральные ассамблеи заменяются съездами, на которые должно собираться большинство членов, и которые по текущим вопросам могли принимать решения только простым большинством, а по важным вопросам – двумя третями голосов. Остаются также Центральный комитет и Национальные комитеты, которые подразделяются на исполнительное бюро и наблюдательный совет. Единодушие достигается за счет приема новых братьев. Национальный комитет образуется при наличии не менее трех братских членов. Решения об исключении принимаются простым большинством, но должны быть подтверждены во всех случаях последующим съездом.

В более поздней редакции программы того же Интернационального Братства Бакунин указывает, что эта организация имеет целью не только готовить революцию. Она должна будет также сохранить себя во время революции, с тем чтобы заменить своим коллективным, строго солидарным и оккультным действием «любое правительство или любую официальную диктатуру, которая не пропустит возможность задушить революционное движение в массах и прийти к реконструкции политического государства, руководящего, осуществляющего опеку и тем самым неизбежно бюрократического, военного, угнетающего и эксплуатирующего – то есть к новому господству буржуазии». Это еще одно замечательное предвосхищение будущего революций. Отметим, во всяком случае, у Бакунина необходимость постоянства революционной организации, осуществляющей критическую и бдительную деятельность.

В этой же программе немного ниже Бакунин формулирует высший закон своей организационной деятельности:

«заменять всегда и всюду коллективной мыслью и действием всякие индивидуальные инициативы», (так как для него) «в социальной революции будут иметь место только коллективная мысль, воля, действие»¹⁹.

Принимая во внимание все эти составляющие, мы можем получить достаточно четкое понимание того, какими могли быть бакунинские организации и братства, которые представляли собой в действительности

ти, в условиях той эпохи, особого рода анархистские организации и даже, в некоторых случаях, прототип либертарной коммунистической организации, какой ее можно себе представить в наши дни.

Для Бакунина было ясно, что такая особая организация должна ограничиться своей четко определенной ролью «невидимого» штаба. Для него не могло быть и речи о том, чтобы она подменяла собой эффективные действия настоящих революционных сил, которыми были в то время рабочие и наиболее уязвимая часть пролетариата, люмпен-пролетариат, на Западе, крестьяне, бездомные бродяги, свободные казаки, различные деклассированные элементы, вплоть до разбойников (не имеющих ничего общего с уголовным миром в западном смысле) в России.

В отношении рабочих Бакунин продолжает прудоновскую линию: они должны организоваться «вне буржуазного радикализма»:

«основа этой организации давно найдена: это цеха и федерации цехов; создание касс взаимопомощи, инструмента борьбы против буржуазии, и их федерации не только национальной, но и интернациональной; создание палат труда, как в Бельгии»²⁰.

Что касается русских крестьян, он рекомендует использовать основы сельской общины, чтобы непосредственно установить свободное общество. Он принимает также во внимание потенциал части буржуазной и аристократической молодежи, которая может эффективно посвятить себя революции, «идя в народ», то есть служить ему, работая в социально ориентированных профессиях, таких, как учителя, врачи, агрономы и т. д. Этому совету в России в то время следовали многие.

Все эти бакунинские работы имели на протяжении 1870 годов как в России, так и на Западе преобладающее влияние. Этот факт противоречит мнению, распространенному политическими лгунами и некоторыми так называемыми «буржуазными» историками, готовыми пресмыкаться и служить своим пером халифам на день, о том, что Бакунин якобы был неспособен выразить глубоко и связно цели и средства социальной революции. Чтобы не быть голословным, приведем образец писаний одного из такого рода «историков», процветавших в 1950-1960, Анри Арвона, «доцента университета, доктора филологических наук». Этот господин избрал своей специальностью раскол анархизма «изнутри», посвящая ему исследования внешне объективные, а в действительности ориентированные очень отрицательно. Рассмотрим небольшую его работу *Михаил Бакунин, или жизнь против науки* (целая программа!). Приведем из нее несколько показательных отрывков:

«В живописной галерее революционеров XIX века Михаил Бакунин, “Буревестник”, кажется воплощает подрывное действие во всем, что было

в нем на протяжении прошлого века романтически экзальтирующим и исторически неэффективным (...) В 1870 он был душой Лионского восстания, наслаждаясь таким образом на протяжении нескольких часов опьяняющим удовольствием почти диктаторской власти (...), непосредственным и, надо признать, губительным следствием этой революционной деятельности...» А вот настоящий букет: «Явно лишенная всякой связи с мыслью, которая помогла бы ей выжить, доктрина Бакунина выглядит в наши дни анахронической, немного фантастической и некоторыми сторонами реакционной».

Арвон, разумеется, приписывает Бакунину *Катехизис революционера* Нечаева и желание следовать якобы его девизу «На полной скорости по грязи». Приведем еще несколько цветистых оценок:

«Мысль Бакунина вся испещрена ошибками ... и свидетельствует о неясном уме, обуреваемом страстями, в которых лучше не признаваться (?) (...) направляющей утопией доктрины Бакунина является анархия»²¹.

Чтение подобных сталинолюбских рассуждений позволяет понять, как такие авторы могли одурманивать мозги на протяжении десятилетий в отношении природы и смысла анархистского учения. Оставим это «произведение» и отметим в качестве парадокса у советских историкографов последних лет своего рода реабилитацию Бакунина. Последнее исследование, появившееся в 1985 году и принадлежащее В.Г. Графскому, резко отличается от измышлений Арвона: его автор подчеркивает положительную роль Бакунина в борьбе против царизма и основных ценностей буржуазного общества. Текст опирается на подробное изложение его идей и положений, часто при помощи пространных цитат, и в приложении приведено даже несколько показательных страниц из сочинений *Кнуто-германская империя и Государственность и Анархия*. Само собой разумеется, расхождения с научным социализмом, а именно с Марксом и Энгельсом не умалчиваются, а относительно хорошо отражены. Подробно рассматривается то новое, что внес Бакунин – антиавторитарный социализм. Здесь нет готовых суждений, но подчеркнем еще раз, рассмотрение стремится к объективности и научности. Все же не следует терять ощущение реальности, это знак уважения со стороны противника, и, как надлежит в подобных случаях, бакунинские идеи, преломленные через призму марксизма-ленинизма, представлены в невыгодном свете или неполно:

«Михаил Александрович Бакунин (1814–1876) – русский революционер, один из видных представителей революционного народничества и анархизма. Искренняя и страстная вражда ко всякому угнетению и готовность жертвовать собой во имя торжества социальной революции привлекали к нему симпатии многих революционно и демо-

кратически настроенных людей. Вместе с тем смутное и в целом иллюзорное видение конкретных путей социального освобождения способствовало превращению его в идейного противника научного социализма.

(...) С его именем связано зарождение и распространение идей так называемого коллективистского анархизма (...) Наиболее сильными сторонами учения М.А. Бакунина были яркие разоблачения эксплуатации и всевозможных форм гнета в современных ему обществах, протест против религиозного мракобесия, угодничества либеральной науки, а также защита революционных методов борьбы от буржуазных реформистов»²².

Наконец, Графский оправдывает свое исследование актуальностью Бакунина, вызванной возрождением анархизма на западе, что объясняется, по его мнению, кризисом, в котором запад находится вот уже несколько лет. Отметим, во всяком случае, уважение и стремление объяснить суть бакунинского учения, чего не найти у Арвона и еще менее у его соперника Жака Дюкло, гелеушного прислужника, который в коликах из-за запора родил приснопамятные *Тень и свет – Бакунин и Маркс*.

V

Альянс, Интернационал и конфликт с Марксом

Не считая это смягчающим обстоятельством для историков-бакунинофобов, напомним, что большинство приведенных здесь текстов Бакунина оставались неизвестными до появления выдающихся работ М.Конфино и, в особенности, Артура Ленинга. Это обстоятельство не мешало бакунинским идеям оказывать несомненное влияние на тех, кто был с ними знаком. Лучшим доказательством этому является Альянс, которому удалось объединить семьдесят международных братьев (из сотни тех, кто имелся ввиду) и насчитывал на своей женевской секции в 1868 году сто сорок пять членов. Именно его сторонники основали внушительную испанскую и активную итальянскую секцию, которые присоединились к Интернационалу.

Действительно, вслед за отказом Лондонского Генерального Совета Интернационала на первую просьбу о глобальном вступлении в него, Альянс принял решение о роспуске своей тайной международной организации и сохранении только своей легальной секции в Женеве. Известно, что Маркс использовал в качестве главного аргумента для исключения Бакунина и Джеймса Гийома продолжавшееся существование тайного Альянса. Как обстояли дела в действительности? Если постоянные контакты между членами Альянса продолжались, большей частью благодаря установленным личным связям, и если испанская ветвь, *la Alianza*, сохранила свою подпольную структуру, поскольку она отвечала местным условиям борьбы, по мнению Ленинга, Альянс, несомненно, больше не функционировал как тайная организация, и, следовательно, обвинение Маркса было необоснованным. Впрочем, оно не было поддержано в докладе следственной комиссии, созданной на конгрессе в Гааге, и Марксу пришлось выдвинуть личное обвинение против Бакунина, чтобы получить поддержку членов указанной комиссии. В этой связи приведем факт, которому суждено было иметь важные организационные последствия: в составе этой пресловутой комис-

сии, состоявшей из пяти членов, находился агент французской полиции Ван Хеддегем по кличке Вальтер, который, впрочем, отсутствовал в момент отчета и голосования комиссии, то ли для того, чтобы это грязное дело осуществили «еще большие полицейские», чем он, то ли для того, чтобы не привлекать слишком много внимания к своей маленькой персоне, поскольку он вскоре высказал сожаление в том, что Бенуа Малон не был включен в число осужденных и исключенных. Добавим, что среди наемных свидетелей со стороны обвинения против Бакунина и Альянса находился еще один французский провокатор, Дантрег по кличке Сварм, тоже член марксистской клики. Мы увидим далее извращающие и губительные последствия этого полицейского внедрения в ряды сторонников Маркса.

Кажется вполне очевидным, что бакунинский Альянс в форме тайной организации был действительно распущен. Вместе с тем, вероятно, Маркс искренне верил в его продолжающееся существование. Впрочем, он сам состоял в нескольких тайных обществах и, по мнению А.Ленинга, Бакунин сам также был убежден в 1872, что Маркс входил все еще в оккультную организацию вместе с шестью бывшими членами Лиги Коммунистов, немецкого тайного общества, существовавшего в 1847–1850 годах, заседавшими теперь рядом с ним на Генеральном Совете в Лондоне. К тому же Бакунин, несомненно, хранил в памяти странный разговор, состоявшийся у него с Марксом в 1848 году:

«Я встречался (с Марксом) в Берлине. Наши общие друзья заставили нас обняться (Бакунин был обвинен *Рейнской газетой*, которой руководил Маркс, в том, что он «русский агент», поэтому он таил на него обиду – А.С.). И тогда в ходе разговора, полусерьезного полушутливого, Маркс сказал мне: «Знаешь ли ты, что я нахожусь сейчас во главе тайного коммунистического общества, настолько хорошо дисциплинированного, что если бы я сказал одному из его членов: «Иди убей Бакунина», он бы тебя убил». Я ему ответил, что если (его) тайному обществу больше нечего делать, как убивать людей, которые ему не нравятся, оно может быть только обществом лакеев и смехотворных фанфаронов»²⁵.

Как было показано ранее, Альянс был для Бакунина особой революционной организацией, поэтому рассмотрим, каким образом он понимал его отношения с Интернационалом, массовой рабочей организацией, которая насчитывала на то время около двух миллионов членов, 1 200 000 из которых в Европе²⁶:

«Альянс является необходимым дополнением Интернационала (...). Но Интернационал и Альянс, стремясь к одной конечной цели, имеют в то же время разные задачи. Миссия Интернационала состоит в том, чтобы объединить рабочие массы, миллионы трудящихся, вопреки различиям наций и стран, вопреки границам между всеми го-

сударствами, в единое огромное и компактное тело. Альянс же имеет своей задачей дать этим массам действительно революционное руководство. Их программы, не будучи никоим образом противопоставлены, различаются по самой степени их разработанности. Программа Интернационала, если только ее принимать всерьез, содержит в зародыше, но только в зародыше, всю программу Альянса. Программа Альянса представляет собой полное изложение программы Интернационала»²⁷.

Таким образом, Интернационал имел целью только объединить рабочие массы разных специальностей всех стран на широкой и не определенной политической базе, так как если бы его «основатели дали этой большой Ассоциации политическую доктрину (...) социалистическую, философскую, определенную и положительную, они совершили бы ошибку»²⁸. Для Бакунина, таким образом, это был прообраз профсоюзного интернационала, исключительной целью которого ставилась защита интересов рабочего класса на его избранном поприще – экономическом – на этой основе развитие его классового сознания в революционном направлении. Это совершенно не мешало, как раз наоборот, бывшим членам Альянса работать внутри его в направлении радикализации всего движения. Они это делали, не принимая во внимание Маркса и его растущее влияние на Генеральный Совет в Лондоне. Вследствие этого конфликт был неизбежным.

Мы не будем касаться здесь всех антагонистических противоречий и расхождений, которые разделили этих двух деятелей, этим мы бы отклонились от нашей темы, поэтому рассмотрим только их разногласия в стратегическом и организаторском планах.

Напомним, что для Маркса только коммунисты могли быть мозгом рабочего движения.

«Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения». (Кроме того, по его мнению) «часть буржуазии переходит к пролетариату, именно – часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения»²⁹.

Было очевидно, что пролетариат не в состоянии выделить собственных руководителей и должен подчиниться руководству «буржуазных идеологов». В этом Маркс только следовал якобинской и социалистической традиции первой половины XIX века; он мог, таким образом, принять только централистскую организационную концепцию и проявить полное непонимание бакунинского тезиса о «свободной организации рабочих масс снизу доверху», которую Маркс просто-напросто называл «глупостью»³⁰.

Его деятельность в рамках Лиги Коммунистов в 1848 году свидетельствует об этом выборе: поскольку члены Лиги имели проблемы с немецкой полицией, он получил при помощи некоторых своих сторонников полную свободу действий по вопросу решения судьбы организации:

«... нынешние обстоятельства требуют чрезвычайно энергичного руководства Союзом, для чего безусловно необходимо предоставить в данный момент руководителям право действовать по своему усмотрению;

(Центральный комитет Союза Коммунистов) постановляет:

1. Центральный комитет переносится в Париж.
2. Брюссельский Центральный комитет уполномочивает члена Союза Карла Маркса осуществлять в данный момент, действуя по своему усмотрению, центральное руководство всеми делами Союза, за что он несет ответственность перед новым Центральным комитетом, который должен быть образован, и перед ближайшим конгрессом.
3. Брюссельский Центральный комитет поручает Марксу, как только позволят обстоятельства, образовать в Париже по собственному выбору новый Центральный комитет в составе наиболее подходящих для этого членов Союза и для этой цели вызвать туда даже тех членов Союза, которые не проживают в Париже.
4. Брюссельский Центральный комитет распускается.

Постановление принято в Брюсселе, 3 марта 1848 года.

Центральный комитет.

Подписали Энгельс, Ф.Фишер, Жиго, Г.Штейнгенс, К.Маркс»³¹.

Вскоре Маркс объявляет вместе с Энгельсом о роспуске своей организации, даже не проконсультировавшись с другими ее членами! В рамках этого первого организационного опыта просматривается поведение, которого он будет придерживаться в рамках Интернационала. Его поведение осталось таким же, соответствующим, можно бы сказать ради шуток, его «нарциссическому централизму». Так, он выбивает себе карт-бланш от Генерального Совета для написания от своего имени Посланий и Циркуляров; чтобы ввести новых членов в состав Генерального Совета он прибегает к кооптированию, имея королевское право выбора, а когда потребовалось обеспечить надежное большинство, как, например, на конгрессе в Гааге, он раздает незаполненные мандаты своим сторонникам.

Французская пословица говорит, что никто нас так не обслужит, как мы сами, этот случай – прекрасная к ней иллюстрация. Еще один скабрешный пример: во время Лондонской конференции в 1871 году делегаты секции Интернационала располагали только десятью мандатами, тогда как члены Генерального Совета имели тринадцать. Также Маркс наделил себя вместе со своим *alter ego* Энгельсом правом представлять многие страны: Россию, Германию, Испанию, Италию, Данию,

при этом ни один, ни другой не имели обязательства отчитываться перед Лондонским Советом Интернационала. Однако при этом явно бюрократическом стремлении Маркса и Энгельса представлять какую-то «партию» в полном смысле этого слова, проявляется воля и особенно жестко контролировать судьбы рабочего движения, с тем, чтобы определять его общую эволюцию. Они действовали подобным образом не из-за простого тщеславия, эгоцентризма или же собственного культа личности – они не лишены, однако, тщеславия, – просто из убеждения, что именно они обладают научной истиной о развитии общества.

Эта идеологическая уверенность ясно отражена в письме Маркса Центральному Комитету немецкой социал-демократической рабочей партии в Бруншвиге от 28 марта 1870. В нем он утверждает, что Генеральному Совету Интернационала необходимо оставаться в Лондоне, поскольку он находился в то время в выгодном положении и «держал руку на том большом рычаге пролетарской революции», которым в его глазах была Англия. Вследствие этого он выступал противником создания английского регионального Совета, так как это было бы «безумием, мы бы сказали почти преступлением, отдать (этот большой рычаг) в чисто английские руки». Почему? Потому что, если «англичане и обладают всем необходимым *материалом* для социальной революции, им не хватает *обобщающего ума и революционной страсти*. Компенсировать это может только Генеральный Совет, который способен ускорить настоящее революционное движение в этой стране и, как следствие, повсюду»³². Понятно, что в конце концов англичанам надоело, что ими манипулируют как «рычагом», и лидер тредюнионов Джон Хейлз заговорил о «разбитых кандалах», чтобы подчеркнуть свой разрыв с тиранической властью Маркса и с преданным ему Генеральным Советом Интернационала³³.

Точно так же естественно, что на Конгрессе в Гааге Маркс и Энгельс попытаются воскресить свой старый припев 1848 года, предложив пролетариату организовать в партию и поставить своей «первой задачей» «завоевание политической власти», и, как следствие, трансформировать Генеральный Совет в «центр национальных политических партий – “governing body”» (Маркс).

Ничего удивительного, следовательно, в том, что Маркс воспринимал Бакунина как опасность для почти решающей власти, которой он пользовался в Генеральном Совете, и что он ему приписывал темные намерения, в частности, желание перенести Совет в Женеву, что означало бы, по его мнению, что «Интернационал попадет под диктатуру Бакунина». Его желание устранить этого опасного соперника приводит его к глубокому презрению к Бакунину как в личном, так и в теоретическом плане:

«(Программа Бакунина на конгрессе Интернационала в Лозанне) представляет собой пустопорожнюю болтовню, цепочку пустых идей, которые хотят привести в дрожь, короче говоря, это серая *бездарная* импровизация, рассчитанная на то, чтобы произвести эффект в данный момент (...). Это смехотворная программа, *olla podrida* (отвратительная микстура – А.С.), заколоченная на избитых общих местах (...) Что касается самого Бакунина, *одного из самых невежественных созданий в области социальной теории*, он здесь вдруг предстает как *основатель секты*. Но теоретическая программа этого Альянса это просто фарс».

Ничего удивительного также, что Маркс далее думает только о том, чтобы, по его собственному выражению, «отлучить» русского революционера. Между прочим, для него не может быть и речи о каком-либо постоянном контроле основы Интернационала, каким бы «братским» он ни был ни, тем более, отчете перед кем-либо.

Заметим также, что в отличие от Бакунина, Маркс никоим образом не был человеком действия; действие для него располагалось на уровне анализа, определения позиций, декретов, циркуляров и прочих «сообщений». Например, хотя он и приветствовал громогласно Парижскую Коммуну, он оказался совершенно неспособным организовать в Лондоне хоть одну демонстрацию Интернационала в поддержку Коммунаров.

Точно так же, как кабинетный ученый, он понимал мессианскую роль рабочего класса, возводя его на трон демиурга истории. Очень показательна в этом отношении его критика Бакунина, провозглашавшего, что «рабочие, ставшие представителями народа, перестают быть рабочими»: он отвечает, что это якобы невозможно «настолько же, как и то, что нынешний фабрикант перестает быть капиталистом, потому что он становится муниципальным советником!»³⁴.

Бакунин же, лучше понимавший человеческую природу и социальную действительность, не питал никаких иллюзий относительно рабочего представительства, поскольку он видел, что массе присуща тенденция назначать ответственных, которых она, то ли из-за безразличия, то ли из-за апатии, не подчиняет «постоянному контролю». Это неизбежно становится источником разложения для всех лиц, которые облечены какой-либо общественной властью, по той причине, что

«Посвящая себя всецело деятельности в комитетах, они приобрели приятную привычку командовать, и в силу некоторого рода галлюцинации, естественной и почти неизбежной у всех людей, которые слишком долго держат власть в своих руках, они вообразили себя необходимыми людьми. Таким образом, незаметно образовалось в самих секциях строительных рабочих, ярко пропитанных народным духом, нечто вроде правящей аристократии»³⁵.

По мнению Бакунина, в этой инерции рабочего класса вина эпохи, хотя можно вполне основательно утверждать, что в этом виновата и заинтересованная и в высшей степени

«развращающая пропаганда священников, правительств и всех буржуазных политических партий, не исключая и наиболее красных, распространила множество ложных взглядов среди рабочих масс, и эти ослепленные массы, к несчастью, еще слишком часто увлекаются всякими измышлениями, имеющими целью заставить их добровольно и глупо, в ущерб своим интересам, служить интересам привилегированных классов»³⁶.

Мы далеки от марксистской идеализации рабочего, «нового Прометея». Такая идеализация далеко не безобидна, поскольку она сопровождается «подкреплением», в глазах Маркса решающим, в форме «перехода» буржуазии, «идеологов», которые якобы помогают рабочему вырваться из своего невежества и направить его на путь предначертанной ему исторической роли, и делать это по мере потребности вплоть до того, чтобы встать на его место и стимулировать движение в «правильном» направлении. При помощи подобного анализа Маркс оправдывал собственную роль в рамках Интернационала. Здесь Бакунин вновь подвергает его суровой критике:

«Мы всегда страстно боролись против него, потому что мы убеждены, что если Международное Общество Рабочих (Интернационал) будет разделено на две группы: одну, заключающую в себе громадное большинство и состоящую из членов, вся наука которых будет состоять только в слепой вере в теоретическую и практическую мудрость своих вождей; и другую, состоящую только из нескольких десятков правителей, – это учреждение, которое должно освободить человечество, превратится само в некоторого рода олигархическое государство – худшее из всех государств. Это прозорливое, ученое и искусное меньшинство, которое примет на себя всю ответственность и права правительства, тем более самодержавного, что его деспотизм заботливо прячется под внешней оболочкой учтивого уважения к воле и решениям, всегда им самим продиктованным, этой якобы народной воли; это меньшинство, говорим мы, повинувшись необходимости и условиям своего привилегированного положения, и подвергаясь общей участи всех правительств, постепенно будет становиться все более и более деспотичным, зловерным и реакционным»³⁷.

Бакунин делает из этого вывод, что Интернационал сможет стать инструментом освобождения, только если он «вначале освободится сам» и перестанет делиться на «большинство, состоящее из слепых орудий, и меньшинство из ученых машинистов». Его интуитивная мысль была подтверждена на другом уровне, столетия спустя, появлением марксистско-ленинских «ученых машинистов», вскоре превратившихся

в «механиков Истории», использовавших в качестве горючего десятки миллионов трудящихся.

Организационные концепции и их применение внутри Интернационала выявляли, таким образом, фундаментальные теоретические расхождения, противостоящие друг другу крайние точки зрения и могли привести только к резкому разрыву. Он произошел в 1872 году во время съезда Интернационала. В отсутствие Бакунина, отсутствие вынужденное, так как он не мог пересечь Германию или Францию, не рискуя быть задержанным и брошенным в тюрьму – о чем Маркс очень хорошо знал, – его противники имели преимущество в маневре благодаря большинству мандатов, приобретенных заранее. Пытаясь устранить своего соперника, Маркс совершил ошибку, переведя спор в личный план, обвинив Бакунина в мошенничестве в темном деле с авансом за перевод своего *Капитала*, не возвращенном русскому издателю, Этот недостаток тактической элегантности вызвал всеобщее неодобрение внутри Интернационала, даже среди тогдашних или будущих «марксистов». Рассмотрим, например, как судит об этой интриге несколько десятков лет спустя один из сторонников Маркса (и не из самых малозначительных) ультралевый немецкий коммунист, Отто Руль:

«Маркс восторжествовал над ненавистным врагом, не удовлетворившись разрывом братских партийных связей со своим соперником, он кроме того удовлетворил свое чувство ненависти, унизив его. Бакунин допустил оплошность, по крайней мере если верить в этом Съезде, не вернув 300 рублей Марксу за перевод *Капитала*; и Маркс, тот самый Маркс, замешанный в тысяче темных дел и проживший всю свою жизнь за счет чужих денег, превратил это в дело, достойное повешенья.

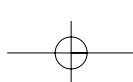
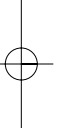
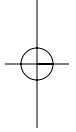
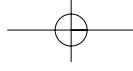
Ему было позволено воинственно бороться за объективную политику, от которой он ожидал, за исключением любой другой, освобождения пролетариата. Он оставался в рамках своего самого строгого закона, собирая Интернационал, чтобы попытаться избавиться от Бакунина, так как Бакунин делал все возможное, чтобы препятствовать его политике и ее дискредитировать. Но то, что он воспользовался для своего торжества таким объективно постыдным средством, как обливание грязью противника, это постыдный поступок, который не лишает чести Бакунина, а напротив, свидетельствует о подлости автора. В этом хорошо просматривается губительная черта этого характера: ни политические вопросы, ни рабочее движение, ни интересы революции, ничто и никогда для Маркса не могло быть важнее заботы о собственной персоне. То, что международный революционный совет, готовый при первой возможности разрушить право личной собственности и буржуазный моральный кодекс, изгнал, запретил и исключил по доносу своего вождя самого обаятельного из своих членов под предлогом нарушения буржуазных законов собственности, это одна из самых кровавых насмешек Истории»³⁸.

Суровость окончательного приговора Отто Руля нам кажется, несмотря на все, неполной, поскольку она касается исключительно использованных средств, а не политических целей, которым они естественно подчинены. Между тем, в Гааге о них речь по настоящему не шла: обсуждение было подменено сведением личных счетов. Однако, если бы оно проходило по чести, то могло бы привести к совершенно другому результату; возможно, даже более выгодному для Маркса, как это показало выяснение относительно к государству взаимных позиций анархистскими коллективистами и социалистами-реформистами несколько лет спустя.

Маркс избрал другой путь: нанося лобовой удар, он воспользовался своим большинством по случаю, чтобы значительно усилить всемогущественную роль Генерального Совета и заставить принять необходимость преобразования секций Интернационала в политические партии, определив им цель – «завоевание государственной политической власти». Затем, увидев, как его обходят его вчерашние союзники, бланкисты, более централизованные и лучшие политики, чем он, Маркс их переигрывает, перенес место нахождения Генерального Совета Интернационала в ... Нью-Йорк, то есть как можно дальше от европейского театра действий. К тому же он доверяет контроль над Советом немецким эмигрантам, отобранным из его верных сторонников.

Этот отчаянный маневр не помог ему избежать полного поражения: большинство секций Интернационала отказалось от решений, принятых в Гааге, и поддерживало связи с исключенными Бакуниным и Джеймсом Гийомом. Юрская Федерация пришла на смену Генеральному Совету и дала толчок деятельности Интернационалу. Несмотря на марионеточный съезд в Женеве в 1873 году, где марксистам пришлось «доставать мандаты из-под земли» (Беккер), чтобы не остаться только среди немецких швейцарцев, фракционный раскол Маркса провалился и исчез в тупиках Истории.

В действительности Маркс повторил то, что произошло с Лигой Коммунистов, когда он утратил над ней контроль. Отметим, что все эти события хорошо известны и фигурируют на должном месте в отчетах съезда и в работах, посвященных Интернационалу. Это, однако, не смутило фальсификаторов и других патентованных манипуляторов, столько потрудившихся на протяжении целого столетия, чтобы нарядить в другие одежды этот жалкий результат, что сегодня приходится настойчиво восстанавливать упрямые факты: Интернационал не исчез в 1872 году, он споткнулся значительно позже на препятствиях, которые мы далее проанализируем, а собственно марксистская фракция была сведена к своему самому простому выражению, то есть чисто германскому. К тому же, многие из самых твердых и верных сторонников Маркса, уже более двадцати лет, таких как Эккартс и Юнг, пришли к критике его маневров, к разоблачению его «диктатуры» и к бегству с его корабля.

VI

Антиавторитарный Интернационал: апогей и конец

Федералисты, собравшись на съезд в Сент-Имье вскоре после Съезда в Гааге, начали с отмены принятых там решений, в частности, об исключении Бакунина и Джеймса Гийома, затем лишили полномочий Генеральный Совет в Нью-Йорке и заняли решительную и четкую позицию по главному вопросу политической борьбы пролетариата:

3-я Резолюция

О сущности политической борьбы пролетариата

Считая,

Что попытка навязать пролетариату единую линию поведения или одинаковую политическую программу в качестве единственного пути, который может привести к социальному освобождению, представляет собой столь же абсурдную, как и реакционную претензию;

Что никто не имеет права лишать автономные федерации и секции неоспоримого права самим определять линию политического поведения, которую они считают наилучшей, и следовать ей, и что всякая подобная попытка нас привела бы неизбежно к возмутительному догматизму;

Что чаяния пролетариата не могут иметь другой цели, как установление абсолютно свободных экономической организации и федерации, основанных на труде и равенстве всех и абсолютно независимых от любого политического правления, и что эта организация и эта федерация могут быть только результатом спонтанной борьбы самого пролетариата, профессиональных корпораций и независимых коммун;

Считая, что любая политическая организация может быть только организацией господства в пользу классов и в ущерб массам, и что пролетариат, если бы он захотел захватить политическую власть, сам стал бы господствующим и эксплуататорским классом,

Съезд, собравшийся в Сент-Имье, заявляет:

1. Разрушение политической власти является первым долгом пролетариата.
2. Любая организация политической власти, якобы временной и революционной для этого разрушения, может быть только еще одним обманом и стала бы такой же опасной для пролетариата, как и все существующие сегодня правительства.
3. Отбрасывая любой компромисс, чтобы совершить социальную революцию, пролетарии всех стран должны установить, вне всякой буржуазной политики, солидарность революционного действия³⁹.

После чего делегаты федераций и секций, испанской, итальянской, Юра, французской и американской, заключили пакт о дружбе, солидарности и взаимной защите против тенденции «авторитарной партии, свойственной немецкому коммунизму, к установлению своего господства и власти своих руководителей над свободным развитием и над этой спонтанной и свободной организацией пролетариата». К ним присоединились вскоре англичане, бельгийцы, португальцы и датчане. Можно сказать, это произошло под влиянием эмоций, вызванных нападками Маркса на Бакунина и Джеймса Гийома, так как некоторые из них, как например, бельгийцы, голландцы и англичане, находились в большей оппозиции к методам Маркса, чем к его идеям, и они вскоре к ним опять вернутся всей компанией.

Твердость позиций, принятых на съезде в Сент-Имье, приобретает свой контраст в связи с отмеченным одновременно ослаблением организационных связей, констатированных на нем: отреагировав на авторитарный централизм бывшего Лондонского Генерального Совета, участники съезда ратовали за полную автономию федераций и секций Интернационала. Более того, они отрицали «предоставление съезду любых законодательных и регламентирующих полномочий», региональных или общих, и утверждали, что ни в коем случае большинство «не должно иметь права навязывать свои решения меньшинству». Они приводили в пример «испанскую организацию в качестве лучшей на сегодняшний день»; забастовка преподносилась как лучшее оружие в экономической борьбе, однако «без иллюзий». Специальной комиссии, состоявшей из одной секции итальянской федерации, было поручено представить проект всемирной организации сопротивления и общий статистический план. Эта комиссия впоследствии была превращена в бюро переписки и статистики.

Стремясь воспрепятствовать повторению бюрократической суеты, федералисты, жертвы того, что мы называем «синдромом Маркса», бросились в другую крайность и отрицали необходимость любой серьезной организационной связи. Их единство неизбежно разрушится, благие пожелания сойдут на нет, изолированность отдельных организаций будет расти и центробежное движение разрушит всякие последовательные попытки к объединению.

В чем причина такого развития? Авторитаризм Маркса и бывшего Лондонского Генерального Совета послужил, разумеется, толчком. Члены Юрской Федерации, собравшись на съезд в Сонвиллье, сделали из этого вывод, что

«будущее общество не должно быть ничем иным, как всеобщим распространением организации, которую примет Интернационал. Мы должны, следовательно, позаботиться о том, чтобы приблизить как можно больше эту организацию к нашему идеалу. Как можно хотеть, чтобы общество равенства и свободы вышло из авторитарной организации. Это невозможно. Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сегодня точным отображением наших принципов свободы и федерации и отбросить всякий принцип, стремящийся к власти и диктатуре»⁴⁰.

Среди подписавших резолюцию находим имя Жюль Гэда, принимавшего активное участие в написании этого текста; позже он заявит о себе, однако, как «чистый и твердый» марксист.

Здесь имелось явное преувеличение: всякая установленная связь или динамическая инициатива рассматривались как авторитарные акты. Возьмем в качестве примера позицию, которой придерживался Поль Брусс – также отказавшийся от нее впоследствии – во время съезда Интернационала в Женеве в 1873 году. В ответ на предложение создать центральную комиссию Интернационала он ответил, не моргнув глазом:

«центральная комиссия даже без власти, не имеющая прав и имеющая только обязанности, мне не кажется безопасной. У нее будут свои создания, своя официальная пропаганда, своя официальная статистика, свои претензии. Она будет пользоваться всеми возможными средствами, чтобы установить свою власть и стать правительством. Вскоре, в другой форме, Генеральный совет, который мы только что свергли, будет фактически восстановлен (...). Если вы хотите разрушить здание авторитаризма, вашей программой является анархия, и вы кажетесь отступающими перед последствиями своего дела. Не колеблитесь. Вы нанесли удар топором, часть здания разрушена. Наносите второй, третий удар, и пусть здание рухнет»⁴¹.

В действительности же под этими антиорганизационными «ударами топора», нанесенными к тому же будущим руководителем реформистской социалистической партии и даже главой муниципального совета Парижа, обрушился именно Интернационал. Как бы там ни было, это общая тенденция членов Юрской Федерации: все организационные усилия или предложения немедленно приравниваются к авторитарным попыткам. Подобные обвинительные процессы могли привести к единственному отрицательному приговору, и, что является отягощающим

обстоятельством, отбить охоту всем желающим заняться последовательной коллективной деятельностью. «Синдром Маркса» установился надолго.

Следует признать, что враждебное отношение членов Юрской Федерации к любой организации и координации основывалось также на другом веском аргументе: опасности, которую представляло внедрение полицейских шпионов. Напомним, что два провокатора сыграли главную роль во время маневра Маркса против Бакунина. Проникшись доверием к их покорности, Маркс, не колеблясь, поручил им, вместе с неким Лароком, реорганизацию французской секции. Лично Лароку Энгельс поручил также сбор денег в Бордо, «не дожидаясь одобрения или отказа Генерального Совета». «Кассир» вскоре скрылся, набив себе карманы! Ван Хеддегем, по кличке Вальтер, получил поручение организовать секцию в Париже, имея все полномочия, так как он располагал «правом временного отстранения организации или любого ее члена в своем округе до получения решения Генерального Совета». Вскоре он был «арестован» и избрал на суде самую жалкую линию поведения: он защищал себя, выплакивая смягчающие обстоятельства, заявил, что он несчастная жертва членов Интернационала, что они воспользовались его молодостью и неопытностью, но сейчас, когда он увидел их в деле и лучше узнал, его единственная забота – разоблачать их. Сам Энгельс вынужден был признать, что это был «шпик и даже бонапартистский агент». Что касается другого марксистского эмиссара Дантрега, по кличке Сварм, он нанес еще больший вред. Приведем слова Жюлья Гэда, который с резкостью разоблачал его в известной статье «Марксистские проконсулы», напечатанной в *Бюллетене Юрской Федерации*:

«Тот самый Сварм, который на конгрессе в Гааге участвовал в исключении из нашей Ассоциации Бакунина и Джеймса Гийома и распространил затем, по собственной инициативе, это исключение на товарища Поля Брусса (из Монпелье), проявил себя недавно перед трибуналом в Тулузе в истинном свете.

Под предлогом принятия рабочих нашего юга в Интернационал и благодаря полномочиям, предоставленным ему Марксом, он *нагонял* социалистическую дичь в сети тьеровской полиции. Именно он выдал тридцать шесть жертв в Тулузе, четыре жертвы в Безье и т. д., и в настоящее время они осуждены благодаря его свидетельским показаниям. Его настоящее имя Дантрег. «Вы главное звено обвинения» – смог сказать ему в лицо председатель суда и не вызвал с его стороны малейшего возражения»⁴².

Эта грубая провокация послужила Гэду основанием для аргумента, окончательно осуждавшего «систему авторитарной организации, опирающуюся на Маркса и Генеральный Совет» и возлагавшего ответственность на «руководящую функцию, которой конгресс в Гааге наделил

центральную организацию»:

Предоставьте рабочему классу в каждой стране организоваться анархически, в соответствии со своими интересами, и Дантреги станут больше невозможными:

1. Потому что трудящиеся каждой местности знают друг друга и им не придется никогда доверяться человеку, который сможет предать их, продать их;
2. Потому что, допустив даже, что доверие их к одному из своих было обмануто, предатель, ограниченный рамками своей секции, сможет выдать буржуазной полиции только одну секцию.

Автономия секций, федераций – это не только дух Интернационала, но и его безопасность».

В исторической ретроспективе забавно отметить, что будущий хранитель марксистской ортодоксальности был на острие борьбы против Маркса и Генерального Совета. Как бы там ни было, его разоблачение двойной опасности между централизацией и внедрением полицейских шпиков стало пробным камнем для организационных концепций независимых федералистов. Вместе с тем, какой бурлескный фарс для Маркса и Энгельса. Разумеется, он тщательно завуалирован всеми их историографами и толкователями.

Другой аргумент имеет скрытую силу: угроза, что интеллигенция захватит управление рабочим движением. Располагая необходимыми способностями и особенно нужным временем для работы внутри организации, интеллигенции остается только навязать себя людям физического труда. Уже на конгрессе Интернационала в Женеве в 1866 году парижская делегация и многие швейцарские делегаты требовали, чтобы членами Интернационала могли быть только рабочие, занимающиеся физическим трудом, из страха, что «честолюбцы и интриганы пролезут в Интернационал, чтобы овладеть им на более или менее продолжительное время и воспользоваться им в своих личных интересах и, следовательно, увести его в сторону от цели». Это предложение в первый раз было отвергнуто. Представители Парижа вернулись к нему снова во время обсуждения устава. Вновь безуспешно. Парижская делегация настаивала; Фрибург заявил, что «может наступить день, когда окажется, что рабочий конгресс состоит в большинстве из экономистов, журналистов, адвокатов, хозяев и т.п., это будет смешно и Ассоциация будет разрушена»⁴³.

Это предположение не выглядит безосновательным, если посмотреть на руководящие органы организаций, называемых рабочими, на протяжении почти столетия. Парижский делегат Толэн пошел еще дальше:

«Одно дело быть просто членом Ассоциации, и совершенно другое, гораздо более тонкое, выполнять роль делегата на конгрессе. Она

требует дополнительных гарантий относительно дела, о служении которому идет речь. Мы ни к кому не питаем ненависти, но в современных условиях мы должны рассматривать как противников всех представителей привилегированных классов, будь-то из-за их капитала, будь-то из-за их диплома. Достаточно долго рабочий класс обвиняли в том, что он в деле собственного спасения полагается на других, на государство и т. д. Сегодня он хочет избавиться от таких обвинений, он хочет спасти себя сам, без чьей-либо поддержки. Нужно, чтобы его делегаты не принадлежали ни к представителям либеральных профессий, ни к касте капиталистов»⁴⁴.

Таким образом, было высказано прямое недоверие и, возможно, что парижские делегаты открыто метили в Маркса и Энгельса, выдающихся представителей двух указанных категорий. Большинство участников конгресса, представленное английскими, немецкими и швейцарскими делегатами, отклонило окончательно это предложение. Пять лет спустя, после организованной в 1871 году в Лондоне конференции ее участник Поль Робэн, бывший член Альянса, также отметил эту опасность, утверждая, что «рабочие пошлют в Советы, имеющие или стремящиеся к власти, людей полностью или относительно праздных, рантье или представителей привилегированных профессий, адвокатов, журналистов, врачей, освободившихся рабочих, обладающих орудиями труда и использующих помощников». Извлекая урок для себя, Робэн, сам врач по профессии, слагает с себя полномочия:

«Имея одну из этих привилегированных профессий, я больше никогда не соглашусь войти в состав никакого административного или контролирующего рабочего совета и ограничусь тем, что буду оказывать делу социальной революции, которому я остаюсь преданным, специальные услуги, на которые оно может рассчитывать от людей моей профессии.

Моя цель будет достигнута, если мне удастся достигнуть того, чтобы мера, которую я принимаю по отношению к себе, стала обычной; чтобы рабочие с этого момента имели на всех уровнях только административные советы, находящиеся под непрерывным наблюдением Генеральной Ассамблеи или ее специальных и временных представителей; советы, состоящие из настоящих рабочих, испытывающих на себе обычные условия современного индустриального производства, оплачиваемые на обычном уровне за время, потраченное на общее дело, и по мере необходимости получающие помощь от служащих, также оплачиваемых, и за которых они в ответе»⁴⁵.

Вот абсолютно честное отношение, делающее честь автору, но очень плохо воспринятое теми, к кому этот призыв был обращен, Генеральным Советом и Марксом, которые немедленно поспешили исключить этого человека, мешавшего общему празднику. Робэн продолжал активно бороться вместе с Юрской Федерацией; в последующем он посвятил

себя с пылкостью и строгостью своей специальности – педагогике. Он стал одним из неомальтузианцев, сторонников евгеники, затем в возрасте 74 лет решил покончить с собой. Он остается, во всяком случае, замечательной фигурой в эту эпоху самоотрицаний и отречений.

Что касается Бакунина, он принимает активное участие в съездах Юрской Федерации в Сонвиллье и в Сент-Имье, затем в 1872 году воскрешает Международный Союз Социал-Революционеров и занимается впоследствии основанием его славянских секций. Так, он создает программы для русского, сербского и польского Братств, во многом повторяя, но в более завершенной форме, свои предыдущие программы. Он пишет также пространные статьи и письма, разоблачающие марксистский путч в Интернационале. В них можно найти замечательные мысли, предвосхищающие будущее государственного социализма и того, что он именует «кнута-германским» идеалом. К сожалению, большинство из этих произведений оставалось до последних лет неизданным и не оказало желаемого влияния на развитие событий. В связи с ухудшением состояния здоровья старый лев считает свою интернациональную миссию выполненной и 12 октября 1873 года адресует своим товарищам очень красивое прощальное письмо, которое приобретает в действительности значение завещания. В нем он благодарит своих товарищей, в частности из Юрской Федерации, за то, что они сохранили по отношению к нему «свое уважение, дружбу, доверие», несмотря на «вранье наших общих врагов и грязную клевету, которой они его поливали». Он благодарит их за то, что они не позволили себя обескуражить кличкой «бакунинцы», брошенной им в лицо. Подобное постоянство помогло им «одержать полную победу» против «диктаторских попыток г-на Маркса».

Поскольку победа свободы и Интернационала против властных интриг была полной, Бакунин считает, что свобода действовать в «соответствии со своими личными убеждениями возвращена каждому»; поэтому он вправе уйти в отставку из Юрской Федерации и Интернационала. Тем более, из-за состояния здоровья его роль теперь может ограничиваться только теоретической пропагандой, что не кажется ему самым важным в ближайшем, так как письмо заканчивается утверждением:

«сейчас не время идей, а время фактов и действий. Сегодня важна, прежде всего, организация сил пролетариата. Но эта организация должна быть делом самого пролетариата. Если бы я был молод, я бы перешел в рабочую среду, и, разделяя трудовую жизнь своих братьев, я бы участвовал вместе с ними в огромной работе этой необходимой организации. Но ни мой возраст, ни мое здоровье не позволяют мне сделать это»⁴⁶.

С этого момента Бакунин посвящает себя личным проблемам и одновременно создает на русском языке одно из своих главных сочине-

ний «Государственность и Анархия», представляющее собой завершенное произведение, но задуманное как первая часть многотомного исследования, оставшегося, к сожалению, незавершенным. Он хочет также приступить к написанию мемуаров, но желая решить раз и навсегда свои финансовые проблемы и обеспечить будущее своей семьи (своей жены польки и ее троих детей, отцом которых был итальянский интернационалист Гамбуцци, так как, в действительности, это был «брак» по случаю и его спутница располагала полной сексуальной свободой), он пускается в безумное предприятие – создает сельскохозяйственную коммуну в Баронате. Он оказался плохим фермером и разорительным управляющим, что привело к растрате крупной суммы, взятой в долг у компаньона Кафьеро. Последствия оказались драматичными: он поссорился со своими лучшими друзьями и соратниками из Юрской Федерации. Этот разрыв прошел внешне незамеченным, но имел очень губительные последствия внутри федерации. В отчаянии Бакунин попытался найти смерть в одном из восстаний в Италии, едва остался жив и печально завершил свою жизнь в бедности и болезни. До самого последнего момента он сохранял, несмотря ни на что, свой бунтарский дух и учил свою молодую русскую сиделку, что «власть развращает, а подчинение власти унижает»⁴⁷.

Продолжающий свою деятельность Интернационал четыре раза собирался на съезды: в Женеве (1873), Брюсселе (1874), Берне (1876) и Вербье (1877). Это его апогей, период, в общем, получивший оккультное отражение в трудах историков рабочего движения, и, тем не менее, определяющий, так как именно в это время произошло настоящее размежевание между реформистами, сторонниками государственного социализма и завоевания государственной власти, и революционерами, решительными приверженцами экономической классовой борьбы. Разногласия оказались столь глубокими, что их сосуществование стало невозможным. Разрыв произошел на Всемирном социалистическом конгрессе в Генте (1877). Немцы, голландцы, бельгийцы и англичане – по крайней мере, представлявшие их в Интернационале национальные федерации – под влиянием бельгийца Де Папе явно склонились в пользу поддержки участия в буржуазных учреждениях. Автономисты, объединенные вокруг Юрской Федерации, не проповедовали, однако, воздержание от политической борьбы, как это пытались внушить многие их нечестные противники, напротив, оставаясь верными прудоновской концепции, они осуждали участие в буржуазном парламенте, возведенное в качестве цели в ущерб экономической борьбе рабочих.

Оказавшись между убежденными сторонниками сотрудничества, с одной стороны, и под угрозой международного преследования, с другой, автономисты больше не собирали международных съездов. Их заменили съезды Юрской Федерации, на которые собирались каждый раз и другие иностранные автономисты. Таким образом, это больше не был Интернационал прошлых времен, а скорее движение, близкое к

своего рода организации, хотя более неформальное, чем Союз, и в особенности, с течением времени, все более оторванное от трудящихся масс. Кроме того, в его рядах произошло новое подразделение на тех, кто выступал за пропаганду путем факта восстания, и тех, кто сдержанно относился к подобному.

Уже в 1876 году Малатеста обратился в Итальянскую федерацию с заявлением о пропаганде путем факта. «Факт восстания, призванный подтвердить поступками социалистические принципы» рассматривался как самое эффективное средство пропаганды, единственное средство, которое «не обманывая и не развращая массы, может проникнуть до самых глубоких социальных слоев и привлечь живые силы человечества в борьбу, которую ведет Интернационал»⁴⁸. В том же году импровизированное восстание в Беневенте, в Италии, закончилось провалом, но не обескуражило инициаторов, напротив, однако избранная стратегия отталкивала все же многих. Это последнее обстоятельство в сочетании с репрессиями со стороны хозяев и государства привело к сокращению состава Юрской Федерации, насчитывавшей вначале сотни членов, к нескольким десяткам, и разрушило производственный кооператив часовщиков при организации. В результате этого его главный организатор Джеймс Гийом был вынужден найти прибежище в Париже. А с его отъездом прекратил свое существование *Бюллетень Федерации*. На свет появился новый орган *Ле Револьтэ* («Повстанец»), выходивший в Женеве. Центральной фигурой в нем был Петр Кропоткин.

Географическая изоляция способствовала упадку Юрской Федерации. Нашедшие прибежище французские коммунары и многие русские и итальянские интернационалисты обеспечивали некоторое время международную связь, хотя сами были заняты собственными проблемами. Так, Жюль Гэд, вернувшись во Францию в 1876 году, разыграл свою личную карту и, добавляя по необходимости «воду в вино», начал публиковать свое периодическое издание *л'Эгалитэ* («Равенство»). Поль Брусс, оставшийся на своих экстремистских позициях, основал другой французский орган – *л'Аван-Гард* («Передовой отряд»). Бенуа Малон и Гюстав Лефрансэ, со своей стороны, остались в задних рядах антиавторитарников.

Амнистия коммунарам, провозглашенная во Франции в июле 1880 года, ускорила размежевание и обозначила конец данной эпохи. Гэд и Брусс, эти Кастор и Поллюкс Юрской Федерации, создали вместе Французскую Рабочую Партию, положив в ее основу программу минимум, которую Гэд удосужился найти в Лондоне у внушавшего ему когда-то отвращение Маркса. Их соглашение просуществовало недолго и развязка была, так сказать, комичной: на съездах рабочих в Париже и Сэнт-Этьене в мае и сентябре 1882 года бруссисты оказались в большинстве и изгнали гэдистов! Этим дело не кончилось, каждый создал свою собственную партию, и так они плыли борт о борт на протяжении

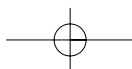
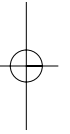
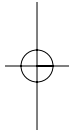
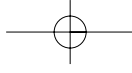
двадцати лет в состоянии «вооруженного нейтралитета», пока снова не оказались вместе, в одной компании с Жаном Алеманом и бланкистом Эдуардом Вайяном и в 1905 году основали сообща социалистическую партию СФИО. Став сторонниками завоевания власти с помощью всеобщего избирательного права, что еще вчера им внушало отвращение, они поспешили завоевать общественную власть, и это им в некоторой степени удалось, поскольку Брусс стал председателем муниципального совета Парижа, а Гэд – Министром Войны в 1914–1916 году.

Как объяснить путь тех, кто гневно выступал одно время против завоевания государственной власти и удушливого централизма марксистского Генерального Совета Интернационала, чтобы стать, в конце концов, самым надежным гарантом капиталистического порядка, сохраняя при этом ярлык «социалиста»? Имеются объективные причины: капиталистическое производство переживает период значительного подъема и выделяет большую часть прибыли рабочим, которые ему необходимы для собственного обеспечения. Обжегшись на кровавых поражениях 1848 и 1871 годов, рабочие все более склоняются к менее сильным лекарствам и позволяют себя обмануть участием в буржуазных инстанциях, надеясь, что благодаря этому условия их жизни улучшатся. Социалисты оказались как раз в нужном месте, чтобы выразить эти чаяния. Относительно субъективного объяснения отречения ультра-революционеров, оно обозначает возвращение восояси молодых буржуа, пришедших в себя после легковесных экзальтаций, но это было «почетное» возвращение. Тем более, что отстраненная от управления обществом интеллигенция находит в этом идеальное средство, чтобы заставить признать свои «особые таланты и способности». Как следствие, продолжая поддерживать дело рабочего класса, она приобретает что-то вроде «легитимности» в оправдании «правильности своего выбора», заплатив за это отказом от анархистских увлечений своей молодости, чтобы быть готовой разделить «ответственность» государственной власти с буржуазией, когда-то покрытой таким позором.

Что касается экстремистских бунтарей, они считают агонию системы совсем близкой и думают, что смогут ее ускорить с помощью нескольких показательных восстаний и покушений, подобно русским народникам, считавшим, что можно свергнуть самодержавие, убив Александра II. Это бегство вперед на полных парах: во время своего процесса в Лионе в 1883 году Кропоткин пророчил буржуазному обществу всего десять лет существования!

Подводя итог, отметим, что рабочее движение, единое и однородное вначале, постепенно раскололось на несколько соперничающих тенденций, пытавшихся, каждая со своей стороны, воздействовать на факторы экономической и социальной эволюции и революции. Поскольку Большая Катастрофа не наступала, с той и другой стороны пришли к изучению средств, способных ускорить ее приход, настаивая

теперь на субъективных условиях. Таким образом, эти тенденции преобразуются в специальные организации, для того чтобы лучше довести до рабочих идеологическое послание и усилить его влияние. Примечательное исключение составляли те, которые с этого момента стали называть себя анархистами, и кто, веря в близость социальной революции, отрицал именно всякую организационную необходимость, с одной стороны, потому что они хотели соответствовать уже сейчас правилам, действующим в обществе их желаний, и с другой, потому что, помня о синдроме Маркса, они опасались любой хоть немного структурированной организации.

VII

Пропаганда фактом и «финансовая поддержка Анархии»

Для антиавторитарников несовместимость с социалистами-реформистами и государственниками стала столь очевидной, что безотлагательным стал вопрос о том, как отмежеваться, хотя бы изменив название. Во время съездов Юрской Федерации 1879 и 1880 года в Шо-де-Фон в Швейцарии, по предложению Карло Кафьеро и Кропоткина, анархистский коммунизм был определен как цель, а коллективизм – как переходная форма общества. Эти задачи требовали «упразднения всех форм управления и свободного объединения групп производителей и потребителей».

На тайной встрече, состоявшейся в 1880 году в Вевэ, также в Швейцарии, тридцать два анархистских «политических руководителя», среди которых Кропоткин, Елисей Реклю, Пьер Мартэн и пятеро других французов, определили тактические средства для достижения анархистского коммунизма. Они единодушно рекомендовали пропаганду фактом и приняли программу, разработанную швейцарцем Херцигом и немцем Оттером:

- «1) Полное разрушение существующих учреждений при помощи силы.
- 2) Необходимость предпринять все возможные усилия для пропаганды действием революционной идеи и бунтарского духа.
- 3) Выход за пределы законности с тем, чтобы вести борьбу на поле незаконности, которая является единственным путем, ведущим к революции.
- 4) Технические науки и химия уже принесли пользу делу революции, поэтому следует рекомендовать организациям и отдельным членам групп, придавать большое значение изучению и использованию этих наук как средств нападения и защиты.
- 5) Автономия групп и индивидов признается, но только для поддержания единства действия, каждая группа имеет право общаться непосредственно с другими группами, и для способствования этим от-

ношениям следует создать центральное бюро международной информации»⁴⁹.

Эта программа в тот момент держалась в секрете, и Жан Мэтрон, который ее приводит в своей диссертации, представляющей собой монументальный и необходимый источник об этом периоде, разыскал ее в архивах полиции, что свидетельствует о полицейском присутствии на этом официальном собрании, хотя неизвестно, как оно отразилось на его результатах, положительно или отрицательно. Отметим, тем не менее, одно странное организационное решение: «признание» автономии, «права общаться» и создание бюро «информации». Возможно одно объясняет другое. В противном случае на этой схеме так или иначе отразился образ будущего общества, но очень неясно.

Полицейское присутствие, напротив, было более шумным во время создания первой французской анархистской газеты *Социальная революция*, появившейся после Коммуны. Префект парижской полиции Луи Андриё уже отличился десять лет назад, выступив против Бакунина и лионских коммунаров. В своих *Мемуарах* он объясняет и оправдывает эту полицейскую инициативу. Начинает он с ошеломительного постулата, чреватого вопросами вплоть до наших дней: «Известно, что авторы политических преступлений, когда они остаются неизвестными, всегда являются агентами-provокаторами, и что всегда затевает полиция!».

Обеспокоенный слухами о пропаганде фактом и планах взорвать Бурбонский дворец (Палату депутатов) и узнав о трудностях анархистов в издании газеты, Луи Андриё воспользовался подвернувшимся случаем, чтобы проникнуть внутрь этой среды и «оказать финансовую поддержку Анархии». Поскольку этот случай представляет собой образец такого рода действий, приведем пространную цитату из пикантного рассказа об этой провокации:

«Товарищи искали кредитора; но подлый капитал ничуть не спешил дать ответ на их призыв. Я подтолкнул плечом подлый капитал, и мне удалось внушить ему, что это в его интересах издавать анархистскую газету. Доктрину нельзя упразднить, помешав ей показать себя, а доктрины, о которых идет речь, не выиграют от того, что о них узнают лучше. Предоставить анархистам газету означало установить телефон между комнатой заговорщиков и кабинетом префекта полиции. Нельзя иметь секреты от кредитора, и я мог узнавать изо дня в день самые тайные замыслы, спасая Бурбонский дворец, представители народа могли мирно продолжать свои обсуждения. Впрочем, не думайте, что я прямо предложил поддержку префекта полиции. Я отправил одного хорошо одетого буржуа найти одного из самых активных и самых умных среди них. Мой агент ему объяснил, что располагает некоторыми средствами, заработанными на торговле лекарствами, и хотел бы потратить часть своих доходов на содей-

ствие анархистской пропаганде. Этот буржуа, пожелавший отдать себя на съедение, не внушил никаких подозрений товарищам. Его руками я вложил в кассу государства залог, и газета *Социальная Революция* вышла в свет.

Это была еженедельная газета, поскольку моя щедрость не зашла так далеко, чтобы тратить деньги на ежедневную газету. М-зель Луиз Мишель была звездой моей редакции, нет надобности уточнять, что «великая гражданка» не осознавала той роли, которую я ее заставлял играть, и я признаю с некоторым замешательством, что поставил ловушку для некоторых товарищей обоих полов.

Ежедневно вокруг редакционного стола собирались наиболее авторитетные представители партии действия, вместе разбирали международную корреспонденцию, обсуждали меры, которые следует принять, чтобы покончить с эксплуатацией человека человеком, обменивались рецептами, которые наука предоставляет на службу революции. Я всегда имел своего представителя на этих советах, и в случае необходимости высказывал свое мнение, неоднократно выполнявшее роль громоотвода»⁵⁰.

Очень поучительно! Заметим, что этим «одним из самых активных и самых умных» анархистов был Эмиль Готье, ключевая фигура парижского движения в то время, доктор права и блестящий оратор, но более наивный, чем рабочий-сапожник Жан Грав, у которого в этом деле оказался более тонкий «нюх». Когда агент Андриё бельгиец Спие, известный под фамилией Серро, обратился к нему со своим «предложением», он вначале долго раздумывал, затем хотел согласиться, но с условиями: начать издавать газету, но сразу же отправить подальше Серро. «Пройдоха», а им оказался в данном случае Андриё, это почувствовал и обрушился на Готье⁵¹. Тот все же в конце концов был тронут тем, что на страницах газеты были опубликованы названия французских анархистских групп, фамилии и адреса их членов. Это стало явным фактом и вызвало закрытие после выхода пятьдесят шестого номера газеты *Социальная революция*, просуществовавшей почти год.

Интересно узнать также подробнее «о функции громоотвода», о которой говорил Андриё. Она проявилась в связи с одним псевдоанархистским покушением. После того как были с легкостью отклонены благодаря Серро, который являлся человеком Андриё, планируемые места покушения Национальный Банк Франции, Елисейский дворец, префектура полиции, Министерство внутренних дел, выбор (чтобы «набить себе руку») пал на только что воздвигнутую в пригороде Парижа Сен-Жермэн статую Тьера. Вот действительные обстоятельства, рассказанные в облегченно-юмористическом тоне Андриё:

«Товарищи поехали в Сен-Жермэн, взяв с собой адскую машинку. Это была банка сардин, наполненная пироксилином и тщательно завернутая в платок. Я знал об этом ужасном заговоре, знал, в котором часу они поедут в Сен-Жермэн, знал время запланированного прес-

тупления. Как мне нужно действовать? Требовалось, чтобы акт свершился, и тогда наказание становилось возможным. Я ничуть не сомневался, что следует пожертвовать освободителем нашей территории, чтобы спасти Бурбонский дворец. Когда наступила ночь, заговорщики проскользнули под сенью вековых деревьев, они прошли по улице Республики до улицы Пуасси, где на маленькой площади возвышалась статуя, значительно больше и тяжелее, чем модель. Бледный свет луны падал на лицо бронзового старца, насмешливо глядящего на заговорщиков.

Один из них водрузил банку из-под сардин на цоколь памятника, между ножек кресла, в котором сидел Тьер, развернув на левой ноге что-то, что должно было представлять географическую карту.

Вдоль пьедестала свисал длинный фитиль. Один из заговорщиков поджег его, тогда как его товарищи разбрасывали по земле революционные прокламации. Затем, когда огонь начал медленно ползти вверх по фитилю, заговорщики понеслись со всех ног вниз с холма, побежали по равнине, перелезли через ограждения железной дороги.

Вернувшись в Париж, они с нетерпением ждали новостей из Сен-Жермэна. Они не были свидетелями совершенных ими разрушений и не представляли себе их размера. Каково же было их разочарование, когда они узнали, что им еле удалось разбудить нескольких мирных жителей тихого Сен-Жермэна. Статуя осталась целехонькой, пироксилин не смог повредить бронзу. Единственным следом покушения осталось большое черное пятно. Я знал имена заговорщиков, я был с ними, по крайней мере по доверенности, я все видел и все слышал."

По словам Жана Гравы, это были «два или три южанина, недавно прибывшие из Марселя; революционность... на словах подталкивала их в любую ловушку». Именно они пошли установить эту знаменитую банку из-под сардин, которая вызвала только «взрыв смеха». Можно бы добавить в этот раз, поскольку тот же прием повторялся с тех пор много-много раз и часто имел неблагоприятные последствия. Урок не был в достаточной мере усвоен, и всегда находились наивные или глупые люди, поддающиеся на полицейские провокации. А у подобных шпики-ов всегда находились «защитники», как об этом свидетельствует Грав:

«Разоблачать шпики-ов было бы очень легко, если бы все товарищи хотели рассуждать при помощи просто здравого смысла. Но многим простого здравого смысла недостаточно, когда речь идет о вещах, связанных с пропагандой. Они приводят кучу соображений, не имеющих ничего общего с вопросом, только усложняют его. (...) Если вы выступаете против их "человека", вы это делаете из зависти или потому, что он думает не так, как вы»⁵².

Грав обрушивается таким образом на анархистов с «христианской душой», которые не допускают, что «можно плохо думать о других».

Вместе с тем, он имеет тенденцию приуменьшать влияние шпииков на развитие движения, что представляется парадоксальным для того, кто был обруган в анархистских кругах из-за своей «шпиономании». Тем не менее, в то время имели место известные случаи полицейского внедрения: в 1882 году во время волнений в Монсо-ле-Мин был разоблачен полицейский провокатор Бренэн. В Лионе, в то время центре либертарного движения, агенту префектуры Валадье удалось проникнуть в редакцию анархистских газет, которые подвергались однако постоянной цензуре и репрессиям, поскольку один и тот же орган, например, был вынужден семь раз менять название менее чем за два года!

Полицейские внедрения никогда не были исключительной особенностью анархистского движения, как хотелось это представить кое-кому в известное время, далеко не так! Во все более или менее значительные революционные организации проникали провокаторы и предатели. Начиная с Гризела, который провалил в 1796 году бабефовский Заговор Равных; затем даже великий Бланки, «Заключенный», который провел тридцать три года своей жизни в тюрьме, был скомпрометирован документом Ташро, обнаруженным в 1848 году в архивах полиции, в котором он выдал Барбеса и его товарищей по неудавшемуся восстанию 1839 года (если только это не была с его стороны тактическая уловка, чтобы избавиться от соперников). Во время революции 1848 года новый префект полиции Коссидьер был ошеломлен, обнаружив, что его собственный помощник, назначенный секретарем префектуры, как и капитан его гвардейцев Шеню, являлись агентами полиции Луи-Филиппа, проникшими в тайные революционные общества много лет тому назад. Деляодд даже сидел в тюрьме, чтобы лучше «расколоть» своих сокамерников, которые не могли не доверять столь «чистому» революционеру⁵³.

В русском революционном движении отказ от собственных взглядов, предательство и провокация представляют чуть ли не традицию, которой часто следовали. Назовем вначале Утина, оклеветавшего Бакунина и ставшего безусловным сторонником Маркса: быстро разочаровавшись из-за отсутствия перспектив в Европе, он вымаливает себе прощение у царя и возвращается в Россию. Лев Тихомиров, один из самых видных народников, поступает так же в 1880 годы. Эвно Азеф, руководитель эсеровской боевой террористической организации, был прямым агентом тайной царской полиции (Охранки). Большевистскую газету *Правда* основал в 1912 году агент-провокатор Житомирский. Более того, лидер большевистской фракции в русской палате депутатов (Думе), Малиновский, которого так «пестовал» Ленин, оказался агентом Охранки, и был расстрелян как таковой в 1918 году. Все эти агенты зачастую занимали очень хорошее положение и имели, следовательно, решающее влияние на свои организации и на ход событий. Впрочем, удивляться нечему, на войне, как на войне: буржуазное государ-

ство защищалось как могло против своих врагов. Московское «рабочее» государство позже будет действовать еще лучше, то есть еще хуже, полностью создавая псевдоантибольшевистские организации, манипулируя ими в соответствии со своими потребностями и проникая, среди прочего, в большинство русских эмигрантских ассоциаций.

Отметим, что Андриё вскоре, через четыре года, обнародовал рассказ о своих манипуляциях, может быть, опасаясь обвинений во всевозможных «злоупотреблениях», так как его *Социальная революция* писала только о бомбах, пожарах и взрывах. Ему нужно было таким образом обелить себя в глазах своих наследников в префектуре полиции. Самая любопытная реакция на это откровение последовала со стороны Жюль Гэда: он приписал ему впоследствии «отцовство» анархизма во Франции. Таким образом, тот, кто раньше разоблачал марксистский централизм в рядах рабочего движения как опасность полицейского проникновения, теперь основательно поменял свои взгляды!

В 1880 году, однако, связи с социалистами не были еще разорваны. На съезде в Гавре несколькими присутствовавшим там анархистам удалось даже провести решение, провозглашавшее либертарный коммунизм «конечной целью». Действительный раскол произошел только на Парижском съезде 22 мая 1881 года. Как это ни парадоксально для анархистов, он случился из-за организационного вопроса: они решили выступать на съезде только от имени своих групп, а не от собственного. Натолкнувшись на отказ социалистов, они провели свой собственный съезд с 25 по 29 мая 1881 года, ставший датой официального основания французского анархистского движения.

Международный съезд в Лондоне в июле того же года завершил раскол. Делегаты, 31 человек, обозначенные номерами, а не фамилиями, представляли 46 секций или не включенных в федерацию групп. В числе делегатов находились Луиза Мишель, Петр Кропоткин, Эмиль Пужэ и известный уже Серро, «шпик» Андриё. На съезде были проголосованы две главные резолюции, одна, набравшая «мизерное меньшинство» голосов, касалась создания международного информационного бюро (!), которое должно было находиться в Лондоне и состоять из трех действительных членов и трех кандидатов. Его существование осталось призрачным. Вторым, несомненно, самым главным, было предложение о пропаганде фактом. Оно повторяет почти дословно резолюцию, принятую в Вевэ:

«Съезд высказывает пожелание, чтобы присоединившиеся организации приняли во внимание следующие предложения: совершенно необходимо предпринять все возможные усилия, чтобы пропагандировать действиями революционную идею и революционный дух в той большей части народных масс, которая еще не принимает участия в движении и питает иллюзии в отношении моральности и эффективности законных средств. Выходя за пределы поля законности, в кото-

ром мы главным образом оставались до настоящего момента, чтобы перенести нашу борьбу в поле незаконности, которое является единственным путем, ведущим к революции, необходимо использовать средства, которые соответствовали бы этой цели... Абсолютно необходимо направить наши усилия в эту сторону, помня, что самое простое действие, направленное против существующих учреждений, больше говорит массам, чем тысячи листовок и море слов, и что пропаганда фактом в деревне имеет еще большее значение, чем в городе. Съезд рекомендует организациям и лицам, входящим в Интернационал, уделить большое внимание изучению технических и химических наук как средства защиты и нападения»⁵⁴.

Эта последняя рекомендация заставляет задуматься: они считали, что можно проложить путь социальной революции при помощи взрывов! Насколько стратегическая концепция пропаганды фактом была привлекательна, так как это могло быть действие экономическое, социальное, индивидуальное или другое, которое претворяло бы в конкретную и ежедневную жизнь либертарные чаянья – то, чем занялись вскоре многие товарищи, – настолько ее сведение к простому действию «технических и химических средств» кажется, с течением времени, в высшей степени странным, если не сумасбродным.

За этим последовало еще одно неуместное решение: съезд признал за собой единственное право наметить главные черты того, что ему казалось лучшей революционной социалистической организацией и положился на инициативу групп в отношении «тайных и других организаций, которые им покажутся полезными для триумфа социальной революции». Это соответствовало, в общем, тенденции, уже выраженной на последних съездах Юрской Федерации. Если могло еще оставаться малейшее сомнение относительно его отказа придерживаться своих решений, Лондонский съезд уточнил, что «разумеется, делегаты организаций, которые представлены в Лондоне, не смогли принять окончательных решений. Решить окончательно, принимают ли они эти решения, надлежит самим группам и федерациям». Каким образом? Переписываясь между собой! Так как каждая присоединившаяся группа «будет иметь право прямо переписываться со всеми остальными группами и федерациями, которые смогут предоставить ей свои адреса». Это оказалось лишь благим намерением и замысел остался «на бумаге». Понятно, что воспоминание о централистском Генеральном Совете Маркса не покидало умы участников съезда, но этот отказ от организационной ответственности был попросту самоубийственным, и его эффект бумеранга вызвал вскоре закат либертарных идей, как революционного движения большинства, так что им придется впоследствии пойти другими революционными и социальными путями чтобы выразить себя.

Следует отметить, что Кропоткин противостоял как мог этим решениям. Он был сторонником скорее возврата к бакунинской форме орга-

низации, тайной и публичной, то есть воскрешения Альянса. Дважды он выступил против рекомендации изучать «химические науки» как привилегированное средство пропаганды фактом. Он попытался, кроме того, привлечь внимание к гораздо более важной проблеме «подпольной печати» в странах, где было невозможно свободно издавать газеты, и ему с трудом удалось заставить съезд высказать свою позицию в отношении революционной морали.

Примечательно, что самое большое сопротивление по этим двум пунктам исходило от агента Андриё, Спие-Серро, поддержанного другими парижскими делегатами, 11, 16 и 20 округов, среди которых были и знаменитые участники бомбового покушения с «банкой из-под сардин» на памятник Тьеру. Серро предложил, конечно же, убрать термин «мораль» и выразил решительное несогласие с созданием какого-либо отдела статистики, информации или других приложений, под предлогом, что это означало бы воссоздание под тем или иным именем какой-то «власти». Наконец, он предложил закрыть съезд, не приняв рекомендации по подпольной прессе, и заявил, пытаясь замаскировать свой маневр, что это «долг всех быть солидарными с любым революционным актом». Тогда делегат от Леваллуа-Перре (пригород Парижа), один из его глупых последователей, посеял еще большую сумятицу, сказав, что «трудно определить, где заканчивается революционный акт и где начинается буржуазный». Это была отличная работа по внесению сумятицы, осуществленная без серьезной оппозиции остальных участников съезда, а именно Луизы Мишель, Шарля Малато, Эмиля Пужэ, Грива, Малатеста, Мерлино и других испытанных революционеров⁵⁵.

Отметим присутствие на Лондонском съезде представителя икарийской общины Иова из Соединенных Штатов, которая прошла эволюцию от патриархального и религиозного социализма Кабэ к либертарному коммунизму. (Впрочем, в 1881 году там выходила газета *Либертарный коммунист* под редакцией Жюль Леру, брата Пьера Леру).

С этого момента, Франция стала центром притяжения международного анархистского движения, за исключением Испании, которая следовала своим путем, коллективистским бакунинским, ориентированным на сельских и городских производителей. Она вновь обрела, таким образом, свое призвание «Отчизны революционеров и революций» XIX века. Эволюция анархистских идей во Франции будет порождать международные течения вплоть до 1914 года. Именно поэтому обратим сейчас наше внимание на этот период французского анархизма.

Здесь становятся более частыми «факты восстания», анархистские идеи приобретают все большее распространение и для борьбы с ними власти воспользовались Лондонским съездом в качестве предлога и предъявили обвинение шестидесяти анархистам из Лиона и других мест за попытку воссоздания Интернационала, по-прежнему запре-

щенного во Франции. В свою очередь, обвиненные воспользовались процессом, чтобы повернуть обвинение против буржуазного порядка и придать размах своей пропаганде. Кропоткин, Эмиль Готье, Борда, Пьер Мартэн часами использовали зал заседаний в качестве трамплина, что не помешало им получить все же многолетние сроки заключения. Эмиль Готье, один из самых блестящих анархистских пропагандистов того времени, получил право на привилегированное отношение: он был освобожден досрочно в обмен на обещание порвать с Анархией. Он сдержал свое обещание и посвятил себя с тех пор научным публикациям, далеким от химии и социального поля. Единственный раз, значительно позже, он отступил от своего обещания, когда написал предисловие к воспоминаниям Гордона, бывшего шефа сыскной полиции, другом детства которого, как оказалось, он был! Он довел парадокс до того, что «сделал комплимент» тому, кто арестовал знаменитых анархистов-взломщиков Дюваля и Пини, за то, что тот сохранил «былую мятежную душу» под «трехцветной лентой шефа сыскной полиции». Комплимент, отпущенный «старым и верным товарищем, который сбился с пути!»⁵⁶.

Движение замедлилось, газеты выходили нерегулярно, от съездов отказались как от «пережитков парламентаризма», так как они намечали «единственную линию поведения и лишали свободы федерации». Несмотря на все это имела место попытка созыва Международной анархистской конференции, которая и состоялась в 1889 году и длилась одну неделю. Поскольку не было предусмотрено никакой повестки дня, она прошла «в наихудших условиях анархии, в вульгарном значении этого термина» (Жан Мэтрон). Не принимались никакие резолюции, не состоялось никакого голосования, и в действительности она оказалась просто «разговором ни о чем». Ничего удивительного в этом нет, так как доминирующая во Франции в то время концепция была очень попустительской и допускала:

«Свободный вход и право участвовать в дискуссии для любого товарища, так как до тех пор, пока индивиды будут приходить и говорить от имени других лиц, они будут подвержены соблазну считать, что они выражают коллективное мнение, и однако будут верить, что их мнение, их слово имеют большую ценность, чем если бы они действовали от своего собственного имени; одним словом, они будут перед соблазном законодательствовать...»⁵⁷.

Софизмы такого рода были общим правилом, не для индивидов, изолированных от всяческой социальной жизни, а известных пропагандистов, таких, как Жан Грав, главный редактор газеты *Ля Револют (Бунт)*, который проповедовал свободное согласие и свободную инициативу:

«Отдельные члены будут входить сразу в несколько групп, основанных на разных пропагандистских актах... Когда цель достигнута, пропагандистский акт осуществлен, группа распускается, реформируется на новой основе, расстается с элементами, не желающими принять эту новую концепцию, приобретает новых членов, и пропаганда осуществляется вот так по группам, которые постоянно трансформируются, приучая своих членов двигаться, действовать и не погрязать в рутине и неподвижности, готовя таким образом группировки будущего общества, заставляя индивидов действовать самих, искать себя в соответствии со своими тенденциями, со своими симпатиями»⁵⁸.

Позже, когда он осознает, что эпоха была очень далека, чтобы пристать к берегу «Земли Анархии», Грав смягчит это идиллическое видение пропагандистской деятельности. Тем временем зло будет сделано: раздробленность и подъем индивидуальной автономии разбавят и распылят французское анархистское движение. Жан Мэтрон приводит следующие цифры: 600–800 активистов на всю страну на протяжении десятилетия 1880–1890 годов, и до 1000 активистов, 4000 сочувствующих и 100 000 человек, интересующихся анархистскими идеями, в 1894 году. Это очень мало, учитывая поставленные цели и, в особенности, наступление желанного общества будущего.

Это безумное бегство вперед, разумеется, привело к резкому отрыву от социальной борьбы. Выбор в пользу пропаганды фактом и отказ от любой другой тактики или стратегии неминуемо отделили анархистов пропастью от непосредственных забот трудящихся. Чтобы замаскировать этот недостаток, Анархия принимает форму религии, распространяемой пророками и экзальтированными мечтателями. Этому мистическому порыву не хватало только мучеников, – вскоре они появятся. Действительно, чем более желаемой становится социальная ликвидация, тем более ужасная повседневность становится невыносимой для некоторых, и они совершают тогда поступки, которые «за несколько дней имеют больший пропагандистский эффект чем тысячи брошюр» (Кропоткин, *Бунтарский дух*), не вызывая однако желанного стихийного восстания масс.

Действительно, эта практика означает полный разрыв с традицией союза, единства и солидарности предшествующих десятилетий рабочего движения и Интернационалом, особенно известным своим федерализмом. Напротив, она утверждает как резкая реакция против ценностей единения, как это можно заметить на основе антиорганизационной тенденции, которая будет преобладать в анархистских кругах и облегчит сползание к «бомбизму».

VIII

Антиорганизационники и бомбисты

Газтано Монфредониа, автор диссертации об анархическом индивидуализме, очень хорошо определяет доминирующую характеристику этого периода:

«Индивидуальная инициатива, свободное согласие, свободный коммунизм, пропаганда фактом, спонтанность революционного действия – вот понятия, которые ограничивают идеологическое поле анархизма 1880 годов, и все они отсылают к концепции автономного индивида, агента социальной трансформации»⁵⁹.

Каковы могли быть в этих условиях отношения между этими «автономными индивидами»? Почти никакими, так как нет никакой федерации, никакой постоянной связи, они собираются только периодически в группы. Каким образом? Эмиль Готье это ясно определил на Лионском процессе:

«Следовало бы условиться о том, что такое группа. В Париже, по крайней мере, анархистские группы представляют собой простые свидания, на которые каждую неделю собираются друзья, чтобы поговорить между собой о вещах, их интересующих. Большей частью даже на них встречаются все время новые лица, за исключением маленького ядра из четырех или пятерых верных постоянных членов».

В общем, они представляют собой клубы встреч или «кафе» для анархической болтовни, по крайней мере, без напитков. На тот случай, если его неправильно поймут, Готье вернулся к этой теме на процессе:

«Если попытались выставить аргумент против той или иной анархистской группы, основываясь на том, что существовали членские марки, назначались секретари, периодически собирались приватные собрания... Я предостерегаю обвинение от выдвижения чего-либо подоб-

ного по отношению к парижским анархистским группам, единственным, которые мне знакомы, единственным, о которых я могу говорить со знанием дела, я требую от обвинения доказательств того, что эти анархистские группы были чем-то другим, чем просто местом свиданий, простыми временными собраниями, присутствующие на которых менялись каждый раз, на которые может прийти любой, откуда он может уйти, не выполнив никакой формальности, не уплатив никакого членского взноса, и у него никто не спросит ни его имени ни о его политических убеждениях»⁶⁰.

Они представляли собой чрезвычайно открытые места, без каких-либо обязательств или долга для участников, которые не должны были даже называть свое имя и статус, ни возлагать на себя какую-либо деятельность. Индивид является полностью свободным и автономным в подобной группе, а группа, в свою очередь, тоже полностью свободна и автономна в соответствующей федерации. Между ними нет никакой координации или связи. Более того, как это очевидно из комментария Гаэтано Манфредония, «во имя принципов индивидуальной автономии и свободной инициативы любая постоянная организационная связь отбрасывается как «авторитарная», а значит, антианархистская». Ничего удивительного, следовательно, если душевнобольные, а в особенности агенты-provokatory появляются в этих группах, высказываются в свое удовольствие и произносят самые зажигательные и provokatory речи. Даже Жан Грав в конце концов возмутился, что там были «чокнутые» и мошенники, которые вели бесконечные дискуссии о «праве надувать» своих товарищей. В действительности, нелегальный путь, вполне логический для революционеров, борющихся против системы, которую они ставят под сомнение, по-разному истолковывается одними и другими, вплоть до утверждения «индивидуального воровства» как средства эмансипации, в случае потребности даже посредством убийства. Именно так начал Равашоль: он убил одного старого отшельника, чтобы завладеть его «кубышкой» (поступок, возможно, навеянный, или во всяком случае имеющий параллель с персонажем Раскольникова из романа Достоевского *Преступление и наказание*). Другие занимались нелегальной деятельностью в менее криминальных формах, так стали традиционными свободные браки, бегство с квартиры, дабы не платить за проживание в ней, и другие приемы изворотливости. Разумеется, все эти способы были целиком включены в пропаганду ежедневным действием, но лучшим ее выражением оставалось для многих «дикое красноречие динамита». На протяжении многих лет оно существовало на словах, затем, начиная с полицейской расправы на одном первомайском празднике, началась серия кровавых покушений. За два года она разрушила все либертарные завоевания, и анархист стал обретать образ «человека с бомбой».

Почва с некоторого времени была уже хорошо подготовлена гор-

ластыми индивидуалистами, состоявшими на службе у префектуры: такими как Мартинэ, Жорж Ренар и таинственный редактор *Интернационала*, газетенки, выходившей в Лондоне и подстрекавшей к пропаганде фактом:

«Стало необходимо заставить говорить во весь голос все то, что наука предоставила в наше распоряжение... Таким образом, рядом с кражей, убийством и пожаром, которые естественно становятся нашими легальными средствами (!? – А.С.), чтобы довести наш ультиматум до руководителей теперешнего общества, мы без колебаний поставим химию, мощный голос которой становится абсолютно необходимым, чтобы возвыситься над шумом толпы и дать нам прямо в руки вражеское богатство, не пролив ни капли нашей крови... Давайте займемся химией, давайте живо делать бомбы, динамит и другие взрывчатые вещества, намного более пригодные, чем ружья и баррикады, чтобы привести к разрушению современного положения дел»⁶¹.

Этот орган напечатал даже *Анархистский указатель*, в котором было описано, как производить эти «антибуржуазные средства». Он рекомендовал предать огню все «бумажки» для того, чтобы уничтожить правительство! Анонимный автор таким образом советовал поджечь все помещения министерств, налоговых ведомств, нотариальных контор, и сделать это при помощи самозажигающихся «коммерческих циркуляров»! Само собой разумеется, что подпись под этим провокаторским набором была достаточно понятна. Кое-кто прочел ее безошибочно и получил право на самые худшие оскорбления: «анархистские князьки», «оболваниватели мозгов», «банда докторов, адвокатов и прочих буржуазных отбросов», «шарлатаны, гады и компания». Особенно досталось Жану Граву и его газете *Ля Револют*. Многие обыкновенные мошенники и грабители, работавшие, так сказать, с целью борьбы, а в действительности на свой собственный маленький счет, увидели в этом моральный и революционный залог своих делишек.

Что касается взрывчатки, речь идет теперь не о марсельской «банке сардин» Андриё, а о настоящих и смертоносных бомбах. Способ их изготовления был широко распространен лицами с «самыми благими намерениями», и нашлись экзальтированные личности или «невинные» жертвы манипуляций, которые пошли на их применение. Однако для жалкой эволюции модели этой стратегии должно быть послужили примером уроки русских террористов-народников. Напомним события: после многих кровавых попыток им удалось убить царя Александра II. Конечно, он не был образцом демократии и делал лишь слабые попытки реформ. Тем не менее, в 1861 году он все же упразднил крепостное право в России, возможно, и даже скорее всего под давлением событий и последствий поражения в Крымской войне 1854-1855 гг., против объединенных сил англичан и французов. Однако через это убийство

вся его политика оказалась обреченной в глазах его наследника Александра III, который поспешил установить режим черной реакции. Это был также удар, остановивший тайное движение в крестьянских массах, толчок которому дали тысячи безымянных революционеров, последовавших совету Бакунина идти в народ и служить ему. В своем желании ускорить движение истории несколькими героическими актами русские террористы считали, что им удастся обойтись без необходимого осознания со стороны крестьянских масс, пребывавших в оцепенении от двух с половиной веков крепостничества. Здесь мы также вновь видим весь вред бланкистской конспираторской схемы: маленькая группка «избранных» подменяет собой всех и делает за них выбор.

К тому же эта наихудшая политика шла параллельно со сбивающей с толку невинностью: Желябов, руководитель террористов, сидевший в тюрьме в момент смерти Александра II, громогласно заявил о своей ответственности за покушение, хотя находился вне подозрения. Полиция немедленно заинтересовалась его окружением, расставила ловушки и схватила таким образом оставшихся исполнителей покушения! Последствия провокаций подтверждаются еще раз и в этом случае: один из самых видных террористов, Дегаев, предал своих товарищей и этим нанес последний удар организации. Все это не помешало оставшимся в живых продолжать ту же тактику: в 1887 году провалилась попытка покушения на Александра III, и несколько заговорщиков было повешено. Среди них оказался старший брат того, кто позже станет известным под именем Владимир Ленин. Многие народники ускользнули из сетей полиции и эмигрировали вначале в Цюрих, затем в Париж. Именно в этот момент некий Абрам Хеккельман привлек к себе внимание, под именем Ландезен, своими революционными разглагольствованиями. Несколько лет назад Владимир Бурцев, Шерлок Холмс русского революционного движения, подозревал его в том, что он агент-provocateur. Но напрасно, настолько большим было доверие к нему со стороны его «христианских» товарищей, как говорил Грав. Этот Хеккельман-Ландезен приобрел столь высокий моральный авторитет в группе парижских народников, что 28 мая 1890 года он распределил с «дьявольской тщательностью» (Жан Лонге) достаточное количество бомб среди своих товарищей. На следующий день парижская полиция как бы случайно устроила обыск у них на квартирах и арестовала двадцать шесть человек. Нисколько не обеспокоенный, Хеккельман спокойно оставался у себя дома. Чтобы склонить его к решению уехать, «потребовались настоятельные усилия двух наивных активистов, Б. и С., пользовавшихся большим уважением в русской колонии в Париже. Они прибежали вечером к нему, *сообщили* ему об арестах товарищей и подозрениях, которые нависли над ним»⁶². Таким образом, он исчез из виду на целые годы, достаточные для того, чтобы сделать себе новое социальное состояние: он отрекается от иудаизма, принимает пра-

вославие и женится на молодой бельгийской мещанке. Он продолжает, тем не менее, оказывать настолько существенные услуги царской полиции, что был произведен во дворянство и назначен под именем генерала Хартига на руководящий пост за границей. Только в 1909 году его окончательно разоблачил Бурцев.

Другого тайного царского агента находим в деле о льежской анархистской группе: оказалось, что он являлся ее подставным создателем и руководителем! В этом деле ясно видна рука шефа охраны Рачковского. Несколько лет спустя ему вменяют и подделку известных Протоколов Сионских Мудрецов.

Можно подумать, что эти события, хорошо известные в то время, могли открыть глаза товарищам на опасности «бомбизма». Вовсе нет, они довольствуются тем, что устанавливают границы для этого средства борьбы: так, в 1891 году Кропоткин отмечает, что

«это была ошибка анархистов в 1881 году. Когда русские революционеры убили царя, ...европейские анархисты вообразили, что теперь достаточно будет кучки пламенных революционеров, вооруженных бомбами, чтобы осуществить социальную революцию... Здание, основанное на веках истории, не может быть разрушено несколькими килограммами взрывчатки». (*Ля Револьт*, № 32, 18–24 марта 1891 г.).

Тем не менее, в этом нет самокритики, так как он добавляет, что ошибка была не без пользы, поскольку она позволила анархистам «сохранять свой идеал во всей его чистоте»! Относительно последовавшего затем периода покушений анархисты все же будут избегать похвал и, по словам Жана Мэтрона, «осудят их между строк».

Все началось 1 мая 1891 года. Комиссар полиции Леваллуа-Перре (пригород Парижа) проявил крайнюю рьяность, избив нескольких анархистов, обвиненных в том, что они развернули красное знамя! Некоторое время спустя эти анархисты были осуждены по всей строгости. Такое нарушение справедливости вызвало негодование со стороны их парижских товарищей, и дома судьи и прокурора, возглавлявших процесс по этому делу, стали мишенью для бомбовых покушений. Благодаря доносу одной провокаторши, проникшей в окружение Равашоля, организатора этих взрывов, его быстро раскрыли⁶³. Пикантная деталь: жандармерия немножко опоздала и не застала Равашоля дома в Сен-Дени, так как он только что сменил квартиру благодаря помощи своего соседа, бригадира жандармерии, которого он, случалось, угощал сигарами. Добавим, что в ручной тачке, которую толкал сочувствующий жандарм, среди вещей Равашоля нашлось местечко для ящика с динамитом⁶⁴.

Равашоль все же был арестован немного спустя, из-за своего прозелитизма, когда пытался обратить в свои идеи официанта в кафе от ресторана Вери, который оказался не очень восприимчивым и выдал

его, сделав донос при первой возможности. Товарищи отомстили за Равашоля, взорвав ресторан Вери, а затем – комиссариат Де Бонзанфан и другие места, что привело к многочисленным смертям. Эпоха «бомбизма» была в разгаре. Она вызвала такую панику, что профессия судьи стала рискованной и домовладельцы считали судей нежелательными жильцами, как об этом пишет бывший начальник сыскной полиции Гордон:

«Многие (судьи) лишились квартир, и когда они обращались в другие дома, чтобы снять квартиру, им отказывали, даже не заботясь о вежливости. Однажды один консьерж сказал с глубоким достоинством: “Мосье, мы не принимаем в нашем доме судей”. Господин Дреш, комиссар полиции, арестовавший Равашоля, оставался несколько недель без квартиры и вынужден был жить в доме у одного друга».

Любопытные последствия имели анархистские акты, если только Гордон сильно не преувеличил, утверждая, что один анархист, «который прямо сознавался в своих убеждениях, был, напротив, принят с распростертыми объятиями»⁶⁵.

Движимые тем же жертвенным героизмом, что и русские террористы, анархисты начали буквально применять «взрывные» предписания пропаганды делом, безуспешно проповедовавшие с таким размахом уже многие годы. Многие подобные этой акции, к счастью менее смертоносные, осуществленные анархистами, соперничавшими друг с другом, или просто любителями злых шуток, последовали за равашолевской. Затем ситуация еще ухудшилась из-за кровавых покушений Эмиля Анри, Леотье (который набросился с кинжалом на одного сербского дипломата во время обеда, потому что тот имел на себе украшения и выглядел как буржуа!), Аугуста Вайяна и Казерио.

Между тем, это явление не оказалось для всех вне контроля, государственная власть не преминула повернуть его на свою пользу. Воспоминания бывшего комиссара полиции Эрнеста Рейно в этом отношении очень поучительны.

По его словам, некий Пыбаро, генеральный инспектор административной службы Министерства внутренних дел, в 1893 году сыграл ключевую роль в большинстве политических дел и провокаций этого периода. Этот Пыбаро внешне ничем особенным не выделялся: со «своими большими черными усами, шапкой седых волос и круглым лицом церковного старосты, можно было поклясться по виду, что это добродушный буржуа, мирный чинуша». Но «за этим кругленьким видом пряталась острая пронизательность и напряженная воля. Это был старый рысак, и знал он не одну уловку», сделав «из хитрости добродетель». В лице министра и политика высокого полета Шарля Дюпьи он сумел найти работодателя, соответствующего по масштабам его скрытому таланту.

В 1893 году скандал с Панамским каналом потряс парламентский

режим, настолько он оказался коррумпированным и скомпрометированным. Дюпьи, считавшемся «сильной рукой», было поручено спасти положение. Он попытался провести отвлекающий маневр, как это часто делается в подобных случаях, приказав 1 мая 1893 года закрыть Биржу труда. Это в действительности не обернулось в его пользу. Тогда он выдвинул знаменитого префекта полиции Лепина и впервые использовал Пьибаро в состряпанной афере с «бумагами Нортон», благодаря которой он отделался от своих двух самых ярых противников, Мильвуа и Деруледа.

Дюпьи был особо обеспокоен, по словам того же Рейно, либертарной пропагандой, которая велась в открытую и держала умы в состоянии латентного бунта. Социалистов и зачинщиков государственного переворота, – сказал он однажды Пьибаро, – я «беру на себя! Я знаю, как их взять, но я сознаюсь, что меня пугает вирус анархизма, который проник в социальный организм и наносит ему ужасные опустошения. Главное – уничтожить этот вирус. На мой взгляд, он представляет настоящую опасность». Действительно, первые анархистские покушения были достаточно хорошо приняты, по мнению Рейно, народом, который устраивал оvationи пропагандистам факта, как «освободителям», так как эти действия были направлены прежде всего и только против «тиранов, монархов, глав государств, судей и полицейских». Более того, анархия была очень модной, если не в светских салонах, то среди литераторов и людей искусства.

Пьибаро ответил Дюпьи, что он берется устранить эту опасность при условии, что будут приняты новые законы, ставящие анархистов вне закона и превращающие их убеждения в преступные. Став генеральным директором розыска в Префектуре, Пьибаро принялся за дело. Так, когда 9 ноября 1893 года Вайян бросил свою бомбу в «пировавших у пирога в Аквариуме» (так называла палату депутатов газета *Пэр Пенар*) и легко ранил всего нескольких человек, Дюпьи, который был председателем Ассамблеи, продемонстрировал чрезвычайное хладнокровие и позволил себе даже произнести историческое восклицание «Заседание продолжается!».

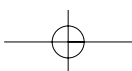
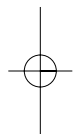
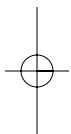
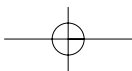
По рассказу Рейно, Дюпьи узнал через какого-то шпика Пьибаро о плане Вайана, отчаявшегося из-за социального неравенства, и вместо того чтобы ему помешать, поручил своим службам помочь ему средствами. Так, один из анархистов «грабителей», очень кстати вышедший на волю, предоставил Вайану деньги и детали для бомбы с кусочками гвоздей, изготовленные в муниципальной лаборатории Префектуры с тем, чтобы иметь абсолютную уверенность в ее безопасности. Весь правящий политический класс, по уши погрязший в Панамском скандале, был очень доволен везеньем: это покушение стало для него громом отводом и внимание общественного мнения переключилось на козлов отпущения, которыми оказались эти «опасные анархисты». Тем

более, что Пьибаро организовал целую кампанию липовых покушений во всех кварталах Парижа и вызвал поворот общественного мнения по отношению к анархистам.

По ходу дела «пировавшим у пирога» оставалось только проголозовать преступные законы 1894 года, и круг замкнулся. Либертарные идеи начали, наконец, рассматриваться как преступные взгляды, и массовые репрессии стали возможными: две тысячи обысков по стране, десятки приговоров за преступление в Анархизме, наконец, процесс тридцати видных анархистов. Он обернулся несмотря ни на что все же замешательством для обвинения, и почти все обвиняемые были освобождены. Отметим забавный инцидент во время слушаний. Прокурор Бюло, заклятый враг анархистов, начал вскрывать свои письма во время одного из слушаний, вероятно, чтобы насладиться многочисленными письмами, обличавшими анархистов, которые он ежедневно получал. Вдруг он встал и потребовал приостановить заседание: «Я требую приостановить на минуту заседание. Я только что открыл полученную по почте бандероль, в которой оказались фекалии. Прошу позволить мне выйти помыть руки». Это позволило одному из обвиняемых, Фенеону, вызвать всеобщее веселье своим комментарием: «Со времен Понтия Пилата никто так торжественно не умывал руки»⁶⁷. «Смеявшаяся сторона» в этот день приобрела сторонников, тем более что ошалевшие бюрократы дошли в своей деликатности до того, что формально запретили в новогодний праздник 1894 года «работу *любого предприятия, использующего печи или орудия, производящие шум*»⁶⁸. Давление в кипящих кастрюлях достигло критической точки: это знаменовало конец целой эпохи. Получив то, что ему требовалось, буржуазное государство не нуждалось больше в «бомбомании», и эта деятельность с этого момента утратит актуальность на последующие десятилетия.

Что касается Пьибаро, то своими провокаторскими методами он серьезно настроил против себя своих коллег по префектуре и был устранен от исполнения обязанностей. Брошенный своими неблагодарными заказчиками, он печально закончил свое существование, забытый всеми. Добавим, что работа платного провокатора не всегда оказывалась безвредной. Некий Густав Бьиссон, по кличке «Маленький кондитер», проникнув в гаврскую анархистскую группу, выдал многих ее членов, их арестовали и осудили. Приехав в Париж и не подозревая о своем разоблачении, он хотел продолжить свою деятельность. Два парижских товарища, работавшие официантами в кафе (хотя эта профессия пользовалась дурной славой именно в этом плане), заманили его под каким-то предлогом на берег канала Сен-Дени, провели над ним суд и казнили⁶⁹. Их нашли и отправили на каторгу. Несмотря на это, их поступок заставляет задуматься и убавляет пыл соперников «Маленького кондитера».

Подавляющее большинство анархистов, среди которых Кропоткин, Реклю, Грав, Малато и Малатеста, отказались в конце концов от покушений. Это случилось поздно, так как они, конечно, ничего не подозревая, позволили тайным службам своего врага диктовать линию поведения движения на протяжении многих лет. Это стало для них, без сомнения, тяжелым поражением. Они попытаются извлечь уроки, потому что именно с этого момента движение занесло в сторону. С этих пор устанавливается четкая граница между социальным либертарным коммунистическим течением и анархистской индивидуалистской сферой влияния, которой суждено было еще заставить громко говорить о себе.

IX

От свободного согласия к «Анархистской рабочей партии (ГКТ)»

После полутора лет репрессий, которые заставили многих анархистов – Пужэ, Малато, Луиза Мишель – отправиться в изгнание в Лондон, амнистия позволила французскому движению возродиться. Активная работа состояла по-прежнему, главным образом, в издании периодики: в 1895 году вновь начинает выходить *Ле Либертэр*, газета, основанная Себастьяном Фором и Луизой Мишель; на смену *Ля Револьт* приходит *Ле Там Нуво* («Новые времена»), с неизменным и настойчивым Жаном Гравом, наконец, благодаря острому перу Эмиля Пужэ началось издание новой серии номеров журнала *Ле Пэр Пенар* (Батшюка-Работяга).

Чтобы последовательно представить анархистские идеи, эта группа видных активистов выпускает целый ряд книг, опубликованных, в частности, в серии *Социологическая библиотека* издательства «Stock». Часто это были статьи, вначале увеличенные в объеме до брошюры, затем пересмотренные и расширенные до отдельного тома. Петр Кропоткин, находившийся по-прежнему в Лондоне, так как въезд во Францию ему был запрещен, также принял участие в этой издательской деятельности. Совокупность его трудов составляла солидную теоретическую базу и прочно утвердила во многих умах либертарные концепции. Однако следует констатировать расплывчатость проповедуемых практических средств: дело обстояло так, что после определения целей каждый должен был сам выкручиваться и решать, как их достигнуть. Свободная инициатива и свободное согласие индивидов составляли панацею в организационных вопросах. Малато очень робко попытался заговорить о «либертарной федерации рабочих и крестьян», «идее, осуществлению которой мешают различные причины, но которую следовало бы продолжать и претворять в жизнь».

Каковы были эти причины? Автор об этом больше ничего не говорит и довольствуется утверждением, что имея

«тысячи центров действия, групп, комитетов, федераций, автономных, но поддерживающих постоянные связи между собою, и не боясь, когда этого требуют обстоятельства, подчинить личные предпочтения необходимости общего действия, анархизм является более сильным и особенно менее уязвимым, чем авторитарный социализм с его иерархией, его лозунгами, его парламентами и рудиментарными нитями связей, которые правительство может разрубить первым же ударом сабли»⁷⁰.

Каждый тешит себя, как умеет, но, можно бы к этому добавить, лучше иметь хотя бы что-то, что можно «разрубить», чем совсем ничего. Как настоящий «буиф»⁷¹, Жан Грав забивает и свой гвоздь в данный вопрос, правда, очень нерешительно, так как ему приходится пройти через основные банальности, как, например, признать, что

«каждый раз, когда человек хочет что-то осуществить, он вынужден соединить свои усилия с усилиями других существ, думающих как он, чтобы придать своей работе как можно больший размах, включить все, что они могут в нее привнести. И именно это вынуждены делать, что бы они ни говорили, те, кто отрицает полезность объединения в группу. Но эти усилия, сделанные совместно, с тем, чтобы получить от них максимальный объем отдачи, следует для достижения цели скоординировать в коллективное действие, занять каждому то место, которое ему подходит, или кажется ему самым соответствующим роду его деятельности. Неважно, как это назвать, одни называют это организацией, другие согласием, главное, чтобы это имело место».

Как часто у Жана Грва бывает, это положение сразу же уравновешено другим, согласно которому он видит, как

«в этих федерациях, которые должны быть широкими, возникают центральные комитеты, общие, следовательно минимальные, программы, и другие колесики власти, преобразованные в воображении, потому что им приклеивали новые формулировки, потому что их украшали новыми ярлыками»⁷².

По-прежнему побеждает страх оказаться «завербованным». Постепенно, однако, естественная необходимость объединяться, хотя бы на время съезда, вновь встает на повестку дня. Тем более, что, если анархисты и отбросили необходимость собирать съезды, они не брезговали тем, чтобы внести сумятицу на съездах социалистов. Поэтому социалисты с некоторой правотой отказывают им в разрешении присутствовать на съездах в Цюрихе (1893) и в Лондоне (1896), навязав в качестве условия участия признание государственного социализма. В 1900 году в Париже должен собраться антипарламентский съезд. По этому случаю были подготовлены многие доклады. Поскольку правительство за-

претило съезд, они печатались как статьи или брошюры. Очень активная группа *Интернационалистические Революционные Социалистические Студенты Парижа (ИРСС)* опубликовала таким образом *Доклад о необходимости установления продолжительного согласия между анархистскими и коммунистическими революционными группами*. В нем приняты излишние предосторожности: авторы заявляют, что они не имеют своей целью создание «какой-либо централизованной организации или административной власти». Группы вовсе не должны лишаться своей автономии в этом необходимом союзе; провозглашенная цель состоит в том, чтобы поддерживать контакт с другими, иметь нужные адреса и переписываться или, при случае, собираться. Затем следовали обстоятельные причины в пользу объединения: «ничего серьезного» не было предпринято для борьбы с реакцией; в критические моменты группы были вынуждены обращаться в буржуазные газеты с призывами к анархистам; личные недоразумения в сочетании с отсутствием связи между местными группами повлекли за собой ослабление или даже исчезновение некоторых национальных движений.

Был подчеркнут еще один недостаток: газеты зависят исключительно от тех, кто ими владеет, «всяк у себя в доме хозяин», и их отношения с группами носят случайный или даже враждебный характер. В конечном счете авторы хотели бы

«чего-то, что позволило бы нам установить отношения друг с другом – между кварталами такого большого города, как Париж, между разными коммунами в стране или даже между товарищами из разных стран – всякий раз, когда у нас будет в этом потребность. Называть это «согласием», «альянсом», «союзом», «федерацией» или «бюро по переписке» – для нас не имеет никакого значения. Но это будет всегда началом организации, – скажут нам возможно, – «и эта организация может привести затем к централизации!»⁷³.

Во имя своих либертарных принципов авторы не приемлют такое опасное развитие. Синдром Маркса все еще свирепствует и неотступно преследует умы, как только речь идет об организации. Все же это заходило слишком далеко и означало стереть с памяти бакунинский Союз, или же его бывшие члены боялись приоткрыть свою структуру и ее функционирование? Вне этого предположения трудно понять, почему всеобщая неорганизованность анархистов не вызывает противоположных реакций, и почему группе ИРСС пришлось уточнять в заключение своего доклада, что ее призыв к единению адресован только тем, кто является его сторонниками (!) и надеется, что остальные не будут этому чинить препятствий.

Даже такая удивительная скромность, с которой предлагалось создание корреспондентского бюро и федерации, не нашла снисхождения у Жана Грава. Последовавший за этим доклад, написанный для того

же запрещенного съезда, он начинает с бичевания непоследовательности тех, кто под предлогом, что до сих пор пытались

«завербовать, дисциплинировать и вести индивидов в иерархические и централизованные системы, которые приукрашали названием организации, мы видели среди анархистов товарищей, утверждавших, что, поскольку они не хотят власти, они не хотят организации».

Жан Грав констатирует затем отсутствие сплоченности, которое привело анархистов к тому, что они «постреливают немного случайно, без всякой связи, теряя таким образом часть своей силы из-за отсутствия солидарности, которая дала бы больше последовательности их действиям». Он не сожалеет, однако, об этом, поскольку считает, что это не «такая уж большая беда» потому, что это

«метод авторитарных партий провозглашать союзы федерации, создавая организации и группы, которые имеют своей целью обеспечить этот союз и это единство цели».

Федерация, по его словам, может быть создана только путем постепенного слияния групп, а не потому, что было решено создать группировку, которой поручили ее организовать. Впрочем, по его мнению, между анархистскими группами конечно же существует согласие и связи, чего не хватает, так это их координации, их непрерывности и их всеобщего распространения. Попутно он восхваляет антимилитаристскую пропаганду, которая ведется вот уже двадцать лет, что позволило придать размах делу Дрейфуса(!)⁷⁴.

Для Грера, если бы анархисты были «централизованы и объединены в федерацию вначале своей пропаганды, они потеряли бы в инициативе и в автономии то, что смогли бы выиграть в единстве». А предлагаемое корреспондентское бюро? Давайте поговорим и о нем. На лондонском съезде его создание было поручено самому Граву, – но оно осталось на бумаге. Не следует смешивать сплоченность и унификацию, начиная объединение с верхушки, вместо того, чтобы начать снизу. Необходимо, чтобы анархисты почувствовали настоящую потребность в нем и обрели убеждение, что необходимо объединиться между собой. У него нет также никакого явного «отвращения» к названию «анархистская партия». Если этим словом хотят «обозначить только категорию людей, которые, имея общий фонд идей, прониклись на этой основе некоторой эффективной и моральной солидарностью против своего противника: буржуазного общества». Обычный для него контраргумент состоял в неприятии органа, «взявшего на себя обязанность выражать идеи партии», так как

«в группе, какой бы маленькой она ни была, обязательно существуют расхождения в идеях между составляющими ее членами. И если эта

группа провозглашает эти идеи своими, это только усредненная сумма этих идей, так как, если бы они излагали все идеи, получилось бы не утверждение, а просто противоречивое изложение. Итак, как можно создать официальный орган анархистской партии, если среди анархистов нет и не может быть согласия по всем вопросам?»

Грав можно до некоторой степени понять, когда он ставит под сомнение принцип делегирования, но выдвигать постулат о «принудительном» несогласии среди анархистов – это кажется абсурдом, так как, если бы то было действительно так, каковы в таком случае общие взгляды, которые оправдывали бы их либертарные убеждения? Это все равно, что проповедовать культ чрезмерной оригинальности, желая при этом бороться за реализацию своего социального идеала. Такое отношение следует особо подчеркнуть, так как оно являлось, можно сказать, человеческой постоянной, и сходно с классическим примером, когда заявляют, что бутылка наполовину пустая, в то время как она только наполовину полная. В организационных терминах это означает выдвигать на первое место возможные и воображимые причины несогласия в чем-либо, вместо того, чтобы настаивать на причинах единения в главном, выступать систематически, в конце концов, одни против других. Тогда наступает полное разобщение и достигается обходным путем доминирующая в обществах неравенства концепция «войны всех против всех», что находится в отношении антиномии с революционной этикой, которую пропагандировали основатели анархистской доктрины, как это было показано выше. Это две совершенно разные вещи, как сжатый кулак и открытая ладонь, и выбор должен быть сделан!

Грав не только принимает такой «нигилистский» подход к организации, более того, он требует такого подхода:

«Единство взглядов невозможно; кроме того, оно было бы губительным, потому что означало бы неподвижность. Мы спорим по поводу некоторых идей, потому что у нас нет по ним согласия, и в споре мы открываем другие идеи, о которых мы и не подозревали. Необходимо большое разнообразие идей, взглядов, способностей, чтобы организовать гармоническое социальное состояние»⁷⁵.

Это далеко не индивидуальное мнение, напротив, оно является преобладающим в анархистских кругах той эпохи.

Несмотря на похвальный лист, которым Грав награждает сам себя, развитие анархистских идей в то время переживает, несомненно, период стагнации, тем более, что так желанный «большой закат» так и не наступил. Чтобы снять с себя всяческие обвинения в пассивности, стало удобно сваливать все на «невежество толпы», забитость трудящихся, в которой виноваты государство и реформистские партии. Анархия

становится элитарной концепцией: Грав говорит о том, что «трудно заставить толпу понять тебя» и «поднять ее до нашего уровня, а не спускаться до ее уровня»⁷⁶. Странная эволюция от анархиста-пропагандиста до либертарного анахорета!

Последний антиорганизационный довод Грава: опасность полицейских репрессий для центральной группы. Достаточно полиции начать «преследование», и члены группы разбегутся, и, в особенности, будет «нарушен обмен корреспонденцией, который мы хотим создать». Учитывая скромность предполагаемого установления связи, эта обеспокоенность выглядит преувеличенной.

Как объяснить такую позицию Грава, который представлял собой одну из ведущих фигур французского анархизма в то время? Это был рабочий-обувщик, самоучка, познавший в детстве нищету, настоящий «сын народа», ставший пламенным пропагандистом, настолько строго относившийся к ортодоксальности доктрины, что получил от злых языков прозвище «Папа Анархии». Его доводы, его позиции и суждения казались часто правильными в основе, но, как мы это многократно отмечали, они теряли силу в непосредственно практическом плане. Несмотря на то, что он хорошо владел пером, из-за излишнего волнения он неспособен был выступать на публике (точно так же, как и талантливый Эмиль Пужэ). Возможно, именно из-за этого торможения у него возникли комплексы, и он был вынужден найти прибежище в публицистическом творчестве – на протяжении сорока лет издавал отличную периодику – и замыкался в нем при малейшей попытке вмешательства.

В случае Фернанда Пеллютье мы имеем дело с личностью совершенно иного размаха: он очень твердо стоит на социальной почве. Придя в 1892 году, в самый разгар «равашольевщины», в анархизм из социализма (как и Себастьян Фор или Констан Мартэн, который был бланкистом), он полностью погрузился в профсоюзные дела. В частности, он сыграл решающую роль в основании Бирж Труда и сумел уберечь их от вмешательства политиков-гедистов. В своем известном *Письме к анархистам* в 1899 году он подводит нелицеприятный итог движения:

«Мы, анархисты, до сих пор вели то, что я называю практической пропагандой (в противоположность чисто теоретической пропаганде Грава) без намека на единство взглядов. Большинство из нас порхали от метода к методу без большого предварительного размышления и непоследовательно, по воле обстоятельств»⁷⁷.

Он констатирует, что «замечательной печатной пропаганде анархистов была противопоставлена только самая посредственная «пропаганда фактом». Он высказывает сожаление по этому поводу, так как, по его мнению, анархист «располагает ресурсами энергии и, так сказать, неисчерпаемой пылкостью прозелитизма»!

Пеллютье требует, таким образом, «от каждого из нас, в соответствии с его собственным сознанием, твердого выбора отдельного вида пропаганды и такой же твердой решительности посвятить ей все имеющиеся силы». Тем более, что как раз состоялся первый всеобщий съезд Социалистической партии, и рабочие профсоюзы отличились своим отсутствием на нем, что является доказательством их недоверия к парламентаризму и полезности реформ. Действительно, социалисты разных оттенков сумели временно положить конец своим «отвратительным ссорам» между «Торквемадой с лорнетом, курсантом-палачом анархистов⁷⁸, Лафаргом и Зеваэсом» (Пеллютье). Следует отметить как сенсацию, что в том же 1899 году в буржуазное правительство Вальдека-Руссо вошел социалист Миллеран, а в противовес ему Военным министром был назначен каратель Коммунаров в 1871 году генерал Галлифэ! Это было сделано для того, чтобы сохранить национальное единство, находившееся под угрозой из-за дела Дрейфуса. «Палач Коммуны подает руку защитнику расстрелянных»: это, разумеется, вызвало ужасную бурю в стакане, так как незначительные реформы и жажда государственной власти многих социалистов в конце концов взяли верх и они переняли добрые привычки министерских кабинетов. Вот причина, по которой Пеллютье утверждал, что существование Социалистической партии чрезвычайно «ценно», что «ее следовало бы выдумать, если бы она не существовала, настолько ее чванство и заносчивость вызывали ненависть в объединившихся массах к политическому социализму». Затем следовало еще несколько очень уместных и актуальных строк о Социалистической партии, которая «не только станет еще одной парламентской партией, парализующей энергию и инициативу, которые мы пытаемся вдохнуть в объединившиеся группы, она станет, кроме того, партией контрреволюционной, обманывающей желания народа безобидными реформами, и объединенные ассоциации, отказываясь, вновь доверятся несбыточным обещаниям политики». Затем Пеллютье дает замечательное определение анархистам:

«Изгнанные из Партии, потому что мы не менее революционеры, чем Вайян и Гэд, такие же решительные сторонники упразднения частной собственности, мы, кроме того, в отличие от них, еще и постоянные бунтари, мы люди действительно без бога, без хозяина и без родины, непримиримые враги всякого деспотизма, морального или материального, индивидуального или коллективного, то есть враги законов и диктатур (включая и диктатуру пролетариата), и страстно влюбленные в собственную культуру».

Это последнее утверждение было для него основополагающим, дополняющим экономическую борьбу. Рабочие, которые «долго считали себя осужденными на роль орудия, теперь хотят стать разумными существами, чтобы быть одновременно изобретателями и создателями

своих произведений»⁷⁹. Отметим также позицию, которую он занял по вопросу всеобщей забастовки, по отношению к которому проходит линия разделения с гэдистами и социалистами-политиками. Для него это, главным образом, средство для свержения общества угнетения, которое он ставит на место пресловутого сильного удара кулаком или решающего «Великого Вечера».

Преждевременно ушедший в возрасте тридцати трех лет – тяжелая задача, которую он взвалил на себя, поспособствовала этому, – Пеллютье является пионером революционного профсоюзного движения, принявшего большой размах с воссоединением различных профсоюзов и Федерации Бирж Труда в рамках Генеральной Конфедерации Труда (ГКТ). Следуя его примеру, многие анархисты с тех пор посвятили этому свои лучшие усилия.

Эмиль Пужэ стал одним из тех, кто этому отдал наиболее сил. Он был далеко небезызвестным в анархистском движении, можно даже сказать, что он был одним из его основателей во Франции, поскольку состоял в движении с 1879 года. Он был участником Лондонского Съезда, затем в 1883 году принял участие в манифестации Луизы Мишель, превратившейся в разгром булочной. Он был арестован как раз, когда пытался вырвать «славную Луизу» из рук полицейских держиморд, и осужден вместе с ней за действия против власти. После трех лет заключения он вновь вернулся к борьбе и создал в 1889 году очень популярное издание *Ле Пэр Пенар* («Батюшка Работяга»), анархистское перевоплощение газеты *Ле Пэр Дюшен*, разжигавшей огонь Французской революции, издание которой однажды уже было возобновлено в 1871 году во время Парижской Коммуны. Пужэ здесь проявил блестящий талант журналиста и писателя в своих произведениях, обращенных, в частности, к рабочим предместьям.

Приведем обзор программы этого старого «парня»:

«Она известна как мерзость генералов, она короче, чем Конституция 1793 года и была сформулирована более столетия назад, одним из Стариков, Папашей Дюшеном: “Я не хочу, чтобы мне засе... соряли мозги сладкими речами!”. Это откровенно. Сказано напрямик! И эта декларация не менее удивительна, чем Декларация Прав Человека и Гражданина, отвечает на все, содержит все, достаточна на все случаи. День, когда простой люд не будут больше кормить сладкими речами, станет днем, когда хозяева, управители, попы, судьи и другие пиявки будут сосать одуванчики со стороны корня. И в этот день солнце засияет для всех, и для всех будут накрыты столы. Но тысяча кастрюль, это будет не сразу! Прошли те времена, когда перепелки сами падали с неба, жареные и завернутые в виноградный лист. Пока же, если мы хотим, чтобы нам улыбнулась социальная справедливость, надо самим позаботиться о своих делах и рассчитывать только на собственный кулак».

Эти резкие и прямые речи не только имели успех у читателей, но и навлекли на Пужэ и руководителей газеты немало неприятностей со стороны властей. Во время своего вынужденного изгнания в Лондон в 1894 году Пужэ познакомился с английскими профсоюзами и осознал их способность сопротивляться капитализму. Вернувшись во Францию, он начинает пропаганду синдикалистских убеждений:

«Если существует группировка, в которую анархисты должны проникнуть, то это Палата профсоюзов (...) Проблема состоит в следующем: “Я анарх, я хочу сеять свои идеи, на какой почве они взойдут лучше всего?”. “Я это делаю на заводе, в бистро, я хотел бы что-то получить: уголок, где можно найти работяг, которые немного понимают, что нас эксплуатируют и ломают себе голову над тем, как с этим покончить... Существует ли такой уголок?”. Да, черт возьми! И он единственный: это профсоюзная группа!»

Пужэ прилагает усилия, чтобы привлечь в профсоюзы своих товарищей – некоторые из них относятся к этому сдержанно, если не враждебно, – так как «крупные воротилы сразу учинили бы страшный шум, если бы анархисты, которых они, как им казалось, обуздали, воспользовались обстоятельствами, чтобы тихо проникнуть в профсоюзы и там распространять свои идеи, без шума и барабанного боя»⁸⁰. Не щадя себя, он все больше участвует в деятельности ГКТ, становится заместителем генерального секретаря и главным редактором ее органа *Ля Вуа дю Пепль* («Голос Народа»). Он вносит свой вклад в определение ее политики и практической деятельности, опубликовав многочисленные статьи и несколько важных брошюр. Его синдикализм носит явную либертарную окраску: он направлен в первую очередь на «упразднение наемного труда и работодателя». Борьба велась исключительно в экономической области, в тотальной оппозиции к стратегии гэдистских политиков, направленной на захват политической власти. Пожилой уже Джеймс Гийом был прав, когда видел в ГКТ «продолжение Интернационала», федералистского и антиавторитарного, в бакунинской традиции. В этот раз, обогатившись более чем двадцатилетним опытом анархистской борьбы, Пужэ вместе с товарищами вырабатывает четкую стратегию и тактику. В соответствии с девизом Первого Интернационала «освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся». Эта стратегия основывается на принципе Прямого Действия, без всяких посредников или заменителей воли трудящихся к борьбе и завоеваниям. Она основана на «личной значимости каждого и тем самым она по настоящему осуществляет воспитательную работу вместе с работой по преобразованию»⁸¹.

Пролетариат избегает, таким образом, участи стада, руководителями и владельцами которого являются пастухи. «Счастье нельзя подарить, его нужно завоевать и реализовать», – провозглашает, по ут-

верждению другого революционного профсоюзного теоретика, Виктора Гриффюэзеса, пришедшего, однако, из бланкизма, принцип Прямого Действия.

Главным тактическим средством, принятым в движении, стала забастовка, «гимнастика бунта», будь то частичная и местная или общая и экспроприирующая, в обоих случаях она вовсе не спонтанна, а основательно подготовленная. Всеобщая забастовка не рассматривается как полностью мирная, насилие, безусловно, неизбежно, поэтому она стремится перерасти в революционную и повстанческую, заменив таким образом бланкистский переворот и вооруженное восстание, рассматривавшиеся как единственные средства для свержения старого мира⁸².

По предложению Эмиля Пужэ и Поля Делезалля съезд ГКТ, состоявшийся в Тулузе в 1897 году, одобрил два других важных средства борьбы рабочих: бойкот и саботаж. Первый представляет собой «внесение в черный список, запрет, распространяющийся на какого-либо промышленника или торговца, предложение рабочим не идти к нему на работу, и если бойкот касается розничного торговца, предложение потребителям не пользоваться его лавкой»; это также возможность защитить себя от хищных посредников, которые пытаются «повернуть в свою пользу, за счет потребителя, улучшения, достигнутые производителем». Его противоположностью является специальная этикетка, свидетельствующая о соблюдении условий профсоюза. Что касается Саботажа, он представляет собой практическое осуществление принципа: «За плохую плату плохой труд». Он ударяет хозяину прямо «по сердцу, то есть по сейфу»⁸³.

Все эти концепции легли в основу революционного синдикализма и свидетельствуют о таком преобладании анархистов в ГКТ в 1902–1908 годах, что один из последующих ее лидеров Люсьен Ниель писал, что ГКТ перестала быть профсоюзной организацией и превратилась в Анархистскую Рабочую Партию⁸⁴! Эта шутка не лишена доли истины, но вместе с тем удивительна, если рассмотреть подробнее организационную концепцию и внутреннее функционирование ГКТ. У анархистов и их сторонников, имевших в то время большинство в Конфедерации, поражает прежде всего отказ от всякого демократизма. Например, на съезде в городе Бурж в 1904 году они отклонили пропорциональное представительство, предложенное реформистами. Вот как Эмиль Пужэ объясняет эту априори парадоксальную позицию:

«Методы деятельности конфедеральной организации не имеют исходной посылкой вульгарную демократическую идею, они не являются выражением согласия большинства, определенного путем всеобщего голосования. В большинстве случаев так не могло быть, так как редко случается, чтобы профсоюз охватывал всех трудящихся, слишком часто он объединяет только меньшинство. А если бы в рабочих

организациях применялся демократический механизм, нежелание несознательного и не охваченного профсоюзом большинства парализовало бы всю борьбу.

Но меньшинство не расположено отказываться от своих требований перед инерцией массы, которую не оживил и не расшевелил еще бунтарский дух. Следовательно, сознательное меньшинство обязано действовать, не считаясь с невосприимчивой массой, в противном случае ему придется, в точности как и несознательным, покориться»⁸⁵.

Впрочем, по мнению Пужэ, массам нечего жаловаться, так как несмотря на свою аморфность, они все же первыми воспользуются результатами борьбы меньшинства, тогда как активным борцам достанутся по праву все тяготы борьбы, и они зачастую падут жертвами на поле битвы. В противоположность всеобщему голосованию, которое дает

«власть несознательным, тугодумам (или точнее их представителям) и душит фракции меньшинства, которые несут в себе будущее, (профсоюзный метод приводит к) диаметрально противоположному результату: импульс дают сознательные, бунтари, а призывы к действию, к участию в движении адресованы всем людям доброй воли».

Пужэ считает, что пропорциональное представительство в большей степени оправдано в политической области, поскольку

«при упрощенной механике всеобщего голосования большие группы несознательных объединяются в блок и раздавливают сознательное меньшинство, тогда как пропорциональное представительство оправдывает себя в большей степени, ибо оно позволяет меньшинству проявлять свою волю».

Вопреки этому отказу от всякого демократизма, структура и организационное функционирование ГКТ воплощали в себе все самое демократическое и федералистское. Она состояла из двух секций, корпоративных Федераций и Бирж Труда, руководил ею федеральный комитет, в который входили представители от каждой присоединившейся организации. Эти представители могли быть отозваны в любой момент, так как они поддерживали постоянную связь с делегировавшей их организацией. Высшей инстанцией был съезд. Голосование на нем проводилось по мандатам, количество которых устанавливалось пропорционально не числу членов каждой присоединившейся корпорации или организации, а количеству групп. Это отказ от демократии, к которой стремились реформисты имевшие большинство по количеству членов, но меньшинство по количеству представленных организаций. Съезд утверждал или не утверждал доклады руководителей, на которых он возлагал много видов деятельности: обязанности генерального секре-

таря, его заместителя, выпуск газеты *Ля Вуа дю Пепль* («Голос Народа»), руководство комитетами и комиссиями. Руководители посвящали все свое время этой деятельности, они получали заработную плату, впрочем, очень низкую, и назывались «постоянными».

ГКТ была, таким образом, массовой организацией, объединявшей сознательное и действующее меньшинство, имевшее открыто провозглашенные либертарные цели и средства, приспособленные к социальной и экономической реальности того времени. Ее функционирование покончило с отказом от любого делегирования, ставшим традиционным у французских анархистов.

В этом можно усмотреть возрождение антиавторитарного движения Первого Интернационала, и даже, в неформальном виде, бакунинского Альянса, воплощенного в этот раз анархистами, которые осуществляли руководство ГКТ, не имея при этом специфической организации. После тридцатилетнего перерыва и блужданий, связанных с пропагандой фактом, анархизм вернулся к своим прудоновским и бакунинским корням, сумел, наконец, избавиться от синдрома Маркса, угнетавшего его до сих пор. Вызвало ли это выступление анархистов в экономическом и социальном плане единодушие в их рядах? Вовсе нет, как мы это увидим далее.

Х

Индивидуалисты, Русская революция 1905 года и Амьенский съезд (1906)

Хотя большинство французских анархистов включились в профсоюзную деятельность ГКТ, некоторые оставались в твердой оппозиции к ней. Они считали профсоюз неспособным осуществить революцию и отдавали предпочтение, например, стихийной забастовке перед организованной забастовкой, так как в этом случае, если требования станут предметом переговоров или соглашения, имеет место, на их взгляд, сговор с хозяевами и государством. Следовательно, синдикализм подрывает революционную волю и наиболее благоприятствует духу корпоративизма, в ущерб всему классу, и, в особенности, брошенным системой на произвол: безработным, бродягам (во Франции к 1900 году их насчитывалось около 400 000), сезонным рабочим, то есть всей рабочей силе, находившейся в полной зависимости и послушной.

Известные фигуры, такие как Себастьян Фор, Жан Грав и Эрнест Жиро, оказались среди оппозиционеров к синдикализму, но, главным образом, оппозиция вербовала сторонников среди анархистов-индивидуалистов. С первыми французскими переводами Штирнера, болтливый, провокационный и подозрительный индивидуализм прошлых лет в какой-то мере был узаконен, став более сплоченным. Анархия перестала быть только социальной доктриной и рассматривается как философия и искусство «прожить свою жизнь». Действительно, поскольку «бенгальские огни» пропаганды фактом не вызвали *Пробуждения Раба* (название одной из анархистских публикаций), в среде анархистов, особенно индивидуалистов, произошла мутация. Оставаясь по-прежнему сторонниками либертарного коммунизма, они не хотят откладывать на далекое будущее свое освобождение и считают, что нужно начинать возрождение индивидов поодиночке, производя «революцию в мозгах», и освободиться от пагубного влияния господствующего общества, чтобы готовить уже сейчас анархистское общество. Перед

самыми активными из них открываются новые области деятельности: воспитание, не ограничивающееся детьми, а предназначенное также взрослым посредством вечерних курсов; проблема рождаемости и неомальтузианство, включая евгенику и аборты; вегетарианство – (для наиболее радикальных вегетаризм: без яиц и молочных продуктов), анархистские колонии и места, называемые свободными, где пытаются жить как можно более анархистски.

Разочаровавшись из-за невосприимчивости масс к их подрывным замыслам, индивидуалисты полностью замкнулись в себе. Они отрицают существование социальных классов и признают только индивидов: одни из которых – добровольцы и сознательные, другие – пассивные и несознательные. Эти последние им кажутся в такой же мере опасными, как и эксплуататоры, так как, покорные и безропотные, они их достойно дополняют и являются их сообщниками. В 1905 году один из редакторов *Анархии*, еженедельной газеты индивидуалистов напустился с презрением на рабочих, которые хуже баранов, так как «в овчарне, когда хотят остричь барана, он пытается удрать, поэтому его привязывают. Для рабочего это лишнее: он сам подставляет спину»⁸⁶. По мнению индивидуалистов, анархист не должен определяться средой, напротив, он сам должен определять среду.

В индивидуалистской среде в то время выделялись две личности: Альбер Либертад и Параф-Жаваль, близко связанные между собой, как братья-близнецы. Они руководили Рабочими Беседами, проводившимися на Монмартре, на улице Шевалье-де-ля-Барр, пропагандировали, а при случае и проводили в жизнь свою новую доктрину освобождения индивида. Параф-Жаваль проповедует «научную» концепцию анархии, разработанную почти математически: доказательство исходит из логического анализа феномена вне всяких предрассудков, путем свободного рассмотрения, и перерастает в выводной части фундаментальную и категорическую теорему. Таким образом, Свободомыслящим является тот, кто думает *на осеовании опыта*, исходя из физических знаний, в отличие от «тупицы», который рассуждает до рассмотрения, наперед⁸⁷. Либертад менее наивен в своих рассуждениях, обладает истинным талантом журналиста. Основатель газеты *Анархия*, официального органа индивидуалистов, он яростно нападал на всех угнетателей и обманщиков, не щадя при этом и смилившихся, их молчаливых соучастников. Он проповедует «радость жизни» индивида путем развития его действительных потребностей и стремлений. Отметим, в частности, предпринятое им оригинальное применение системы Тейлора в действительной жизни: он рекомендует использовать «забастовку ненужных жестов», чтобы избавиться от ложных видов активности и вредных действий. В это число попадали все ненужные и паразитарные профессии, целью которых является смешная роскошь, произвольный контроль, защита государства и имущества богатых. В этих

условиях понятно, что, работая нерегулярно в качестве корректора в либертарных и дружественных им изданиях, Либертад испытывал мало симпатии к синдикализму, который никоим образом не дифференцировал профессии своих сторонников.

Несмотря на их явную крайность, все эти идеи, противостоящие избитым понятиям, представляли бы определенный интерес, если бы их изобретатели не создали вокруг себя «скандальный» (по словам Либертада) и эгзибиционистский контекст, неминуемо приводивший к полемике и ссорам на уровне личностей и собственных лавочек. Это привело Параф-Жавалья к формулировке теоремы о «лже-анархистах»: «большинство из них только болваны, так как настоящими являются только научные анархисты», а именно, личности, «исполненные решимости служить свободомыслию при любых обстоятельствах и способные это сделать». Отсюда исходят нападки на бывшего «близнеца» по Анархии Либертада и его товарищей, «этих невежд, более грязных и более патологических, чем большинство их современников, которых они называли буржуями (...) (они) зачастую алкоголики, курильщики и мегаломаны»⁸⁸. Эти внешне глупые распри получили, однако, драматическое продолжение: между учениками «братьев-врагов» все более усиливались потасовки, затем, после смерти Либертада в 1908 году от неправильного лечения карбункула (а не вследствие побоев в полиции, как об этом рассказывает легенда), сведения счетов при помощи револьверных выстрелов принесли человеческие жертвы. Параф-Жаваль отступил, ушел из анархистских кругов и начал проповедовать свои идеи в более подходящем месте: в масонстве (ему удалось взять полностью под свой контроль одну из лож, прежде чем он создал свою собственную масонскую организацию, где он вводит новшество, заменив символические три точки на тире).

Несмотря на их резко критическое отношение к социальной и профсоюзной деятельности большинства своих товарищей, индивидуалисты систематически этому не противились, как это утверждает Эмиль Арман, один из их главных теоретиков:

«Если анархист входит в профсоюз, он туда проникает только как представитель определенной профессии с законной надеждой получить благодаря коллективному действию улучшение своей личной судьбы: но пусть он добьется сокращения рабочего дня или увеличения заработной платы, он не увидит в этом ничего анархистского. С экономической точки зрения, в современных условиях, каждый анархист выкручивается как может: кто работая на хозяина, кто действуя сверх законно, кто используя профсоюз, кто трудясь в анархо-коммунистической колонии, при условии, что это предприятие действительно коммунистическое. Ни один из этих способов выйти из положения не является более “ан-архистским”, это не более, чем выходы “на худой конец”»⁸⁹.

Таким образом, Либертад зарабатывал на хлеб в качестве корректора; что касается Параф-Жавалья, то он заявил, что «профсоюз является группировкой, где болваны расклассифицированы по профессиям, чтобы сделать менее нестерпимыми отношения между хозяевами и рабочими. Из двух одно: или они побеждают, и тогда профсоюзная работа приносит вред». Затем он публично покался, написав в этот раз, что является сторонником поступления в профсоюзы, «чтобы показать их членам, что они болваны и чтобы попытаться их вывести из этого состояния. Я сам когда-то дал пример и вошел в профсоюз»⁹⁰. О, да, красивые фразы и доказательства больше не могут прокормить их автора в господствующем обществе, и чтобы продержаться, приходилось или ввязываться в работу с постоянной зарплатой, или попытаться «жить в анархистском товариществе» с другими спутниками, объединяясь в кооперативы, сообщества для жизни и работы, или же быть «экономическим нарушителем», то есть действовать «вне закона», по выражению Эмиля Армана, иначе говоря, применять индивидуальную экспроприацию или беззаконие: ограбления, изготовление фальшивых денег и любую другую деятельность, подпадающую официально под статьи гражданского права.

Очевидно, что анархисты-индивидуалисты, поставившие себя вне буржуазного общества, выбрали два последних варианта. Многие из созданных колоний продержались более или менее долго, но в конце концов пришли в упадок или из-за недружественного окружения, или же из-за плохого внутреннего функционирования. Среди производственных кооперативов дольше всех продержались типографии. Что касается противозаконной деятельности, это не было новым явлением, а продолжением пионерской деятельности Дюваля и Пини. В начале столетия Александр Жакоб и его «труженики ночи» – ее лучшие представители. Если для Жакоба эта деятельность была избирательной и применялась только по отношению к самым выдающимся и самым паразитирующим представителям буржуазии, и он был готов отдать десять процентов от добычи, полученной в результате ограблений на пропаганду анархистского движения, у его товарищей мотивация очень быстро раздвоилась в пользу личной выгоды и они вовсе не заботились ни о том, чтобы помогать своим идейным анархистским товарищам, ни о том, чтобы идеологически оправдать свою деятельность, ставшую попросту мерзкой. «Индивидуальная экспроприация» вместо освобождения, в конечном счете, завела в тупик, привела к почти неминуемым связям с преступным миром со всеми последствиями: провокациями, слежкой и недостойными компромиссами. Эмиль Арман, главный представитель этого течения тогда, в частности, стал жертвой темной аферы с фальшивыми деньгами (а также своей сексуальной похоти), которая ему стоила пятилетнего тюремного срока⁹¹.

Маурициус, видный анархист индивидуалист того времени, рассказавший об этом досадном эпизоде, случившемся с Арманом, сообща-

ет также о провокации в этом же стиле, жертвой которой он чуть не стал. В то время он был директором газеты *Анархия* и не знал, как раздобыть необходимые для издания газеты деньги. Однажды, к нему явился некий Пьер-Наполеон Жакоб (не имеющий никакого отношения к известному однофамильцу нелегалу), который предложил ему, как выйти из положения при помощи средств, которые он следующим образом теоретически обосновал в *Анархии*: «Я буду действовать вне закона, бросая свой меч, как галльский король Бреннус, на все весы, даже на весы нищеты, считая единственно при этом свои собственные интересы». Кредо, при помощи которого «наполняют тюрьмы», – прокомментировал Маурициус, и продолжил: «Я отказался. Тогда он прислал ко мне свою жену. Это была красивая девушка, плоть слаба, она меня завлекла к себе, затем, после амурных заверений, она мне показала красивый «луидор» (золотая монета – А.С.) в двадцать франков, с отличным звоном, и сказала: “Семь франков штука, и я тебе достану их сколько захочешь”. Я все понял и спасся бегством».

История не останавливается на этой запоздалой проницательности, возможно преувеличенной Маурициусом по прошествии времени, поскольку несколько месяцев спустя этот же Пьер Жакоб вместе со своей соблазнительницей предстал пред судом по обвинению в изготовлении и распространении фальшивых денег. В целях защиты они заявили, что «принадлежат к службам префектуры полиции, где они получали по 150 франков в месяц и что они изготавливали фальшивые деньги только для того, чтобы войти в доверие к анархистским кругам». Выступивший свидетелем, руководитель «Анархистской бригады» в префектуре признал, что они были осведомителями, но заявил, что не знал об их прикрытии под видом фальшивомонетчиков!

Маурициус свидетельствует о многих делах подобного рода и о конце большинства анархистов-«экспроприаторов», он утверждает, что

«делать из грабежей, печатанья фальшивых денег, мошенничества и даже сутенерства (так как в то время в некоторых анархистских кругах дело дошло до этого) средство экономического освобождения было ребяческой и опасной утопией. Как я написал в *Исповеди*, незаконная деятельность не освобождает личность, а приводит ее на скамью подсудимых»⁹².

Разумеется, экспроприация экспроприаторов применялась также на протяжении тех лет русскими революционерами, не только анархистами, но эсэрами и даже большевиками для того, чтобы раздобыть средства для своей борьбы, и здесь имеются свои нюансы, но отметим, что в большинстве случаев это заканчивалось плохо, то ли потому, что экспроприаторы оставляли в своих руках добычу, то ли потому, что это также заканчивалось громкими скандалами в результате полицейских провокаций (как в случае большевиков, которые попались

на горячем при попытке сбыть краденые ценные бумаги). Наконец, отметим по этому поводу, что использование противозаконной деятельности анархистами индивидуалистами стало поражением для большинства из ее инициаторов, прежде чем привело к еще более печальным и кровавым последствиям в случае с «трагическими бандитами» несколько лет спустя.

Первый революционный толчок этого столетия произошел в России в 1905 году. Воспользовавшись поражением Империи в войне с Японией, революционеры выступили на штурм царизма. Частично уступками и реформами, частично жестокими репрессиями царь-самодержец сумел овладеть ситуацией. Несмотря на отступление революционной волны, анархисты развернули бурную деятельность на фоне минимализма эсэров и социал-демократов, ставшего одной из причин поражения революции. В России возникло около пятидесяти анархистских групп, в которых объединились тенденции, аналогичные тем, которые существовали во Франции: индивидуалисты, либертарные коммунисты и синдикалисты. Их движение стало значительным явлением, объединявшим тысячи членов, зачастую бывших эсэровских активистов, социал-демократов и даже членов Бунда (Еврейской социал-демократической рабочей партии), которые стремились вести решительную и безжалостную борьбу против царских приспешников. Русское анархистское движение испытывало однако те же трудности, что и французское: недостаточная связь между группами, полицейские провокации, противозаконные злоупотребления, к которым добавилось подавление вооруженной борьбы.

В организационном плане ведущей была та же тенденция, что и на западе, тем более, что там ее представляли русские анархисты, находившиеся в изгнании: свободное согласие между индивидами в группе и свободный союз между группами, следуя их желаниям и воле. Съезды желательны, но принятые решения обязательны только для тех, кто с ними согласен. Связующая и координирующая роль между объединившимися группами не может осуществляться комитетами, поскольку «они имеют всегда тенденцию становиться и быстро становятся, как любое управление, тормозом для последующего развития». Голосование исключено, единственным решением рассматривается единодушие; если вопрос слишком важен, чтобы с той и с другой стороны делались уступки, единственным выходом является разделение. Группа остается полностью свободна в своей деятельности. Любая публикация представляет только точку зрения группы, и о центральном органе движения не может быть и речи. Все эти принципиальные положения были сформулированы во время собрания русских либертарных коммунистов в изгнании в Лондоне в 1906 году. Это в некотором роде веха в теоретическом становлении анархизма, с учетом русской рево-

люции 1905 года и диапазона общей ориентации международного движения. Среди авторов этих докладов и анализов отметим имена Петра Кропоткина, Забрежнева (будущего главного редактора *Правды*), И.Ветрова (ставшего выдающимся историком в двадцатые годы) и особенно Марию Корн, редактора трех докладов по вопросам политики и экономики, об организации и об общей забастовке⁹³.

Нашлись, однако, в самой России другие активные члены движения, которые проповедовали совершенно иную организационную концепцию. Принимая наилучшие, по его мнению, достижения французского анархизма, а именно, революционные синдикалистские тезисы Эмиля Пужэ, Новомирский разработал анархо-синдикалистскую (термин здесь появился впервые) программу. Он рекомендует создать общую организацию русских и даже международных анархистов. Будучи хорошо информированным о событиях и тенденциях за границей и непосредственным участником повстанческих действий в России, Новомирский в своем анализе стремится быть как можно более конкретным и избежать традиционных абстрактных общих мест. Организация, за которую он ратует, должна отличаться от клуба, где происходят обсуждения и дискуссии, и стать «политической организацией в лучшем смысле этого слова, так как она должна стремиться стать политической силой, необходимой для того чтобы разрушить организованное насилие, представленное государством».

Эта характеристика, как ему кажется, лучше всего отражена в термине «Партия»: все «социалисты антигосударственники должны объединиться в Рабочую Анархистскую Партию. Следующим этапом должно бы стать образование широкого союза всех революционных элементов под черным знаменем Международной Рабочей Анархистской Партии. Только тогда анархисты составят силу, достаточную для того, чтобы бороться против открытых и замаскированных реакционеров».

Эта партия отличается от клубов пропаганды и свободной дискуссии, которые довольствуются пробуждением сознания, тогда как партия ставит себе целью «объединить действия своих членов» и ей нужна определенная теоретическая платформа, без которой «невозможно достичь единства действий». Программа является, таким образом, «необходимым жизненным условием всей деятельности Партии Труда», не ограничивающейся пропагандой, а организующей также деятельность своих членов.

«Мы, анархисты, хотим, как единственная *революционная* партия, *разрушить* государство, чтобы совершенно уничтожить современную экономическую организацию, вдохнуть в нее новый принцип. [...] Понятно, что слово 'организация' нужно понимать не в социал-демократическом смысле. Для социал-демократов организовать значит – поставить над личностями центральный комитет. Еще проще понимает дело В.Ленин: по его мнению, организация есть группа людей,

объединенных *уставом*. Понятно, что анархизм далек от такого чиновничьего понимания организации. Организоваться значит объединиться для какого-нибудь общего дела, *организация есть свободный союз личностей для борьбы за общую цель*. Кто признает, что у анархистов – есть общая цель, этим самым признает необходимость общей организации всех анархистов»⁹⁴.

По мнению того же Новомирского программа Анархистской партии должна быть дополнена тактической концепцией, соответствующей ежедневным требованиям трудящихся. В ситуации России того времени эта тактика должна состоять в максимальном продлении революционного периода, начавшегося в 1905 году, всеми возможными средствами, а именно: ответить революционным террором на террор правительственный, направив его одновременно против жандармов и против ответственных за репрессии, капиталистов и крупных помещиков. Экспроприации банков и государственных учреждений обеспечат необходимые финансовые средства.

Эта прямая вооруженная борьба должна идти параллельно с экономической организацией трудящихся посредством революционных профсоюзов, как можно более многочисленных, объединенных в каждом городе, по всей стране.

Подводя итог, Новомирский выделяет следующие четыре пункта:

- «1. Нам необходимо выработать ясную программу и тактику и на почве общих программных и тактических принципов объединить все здоровые элементы русского анархизма в единую федерацию – Анархическую Рабочую Партию.
2. Необходимо идейно и организационно отмежеваться от тех подозрительных элементов, которые проповедуют и практикуют теорию краж, как '*средство борьбы за анархизм*'.
3. Нам нужно поставить в центре нашей работы – участие в революционном профессиональном движении, чтобы превратить его в анархическое.
4. Наш практический лозунг: широкий бойкот всех государственных учреждений, особенно армии и парламента, и провозглашение в городах и селах рабочих коммун с Советами Рабочих Депутатов, в качестве промышленных комитетов, во главе»⁹⁵.

Теперь, по истечении времени, можно заметить, что эта программа станет на повестку дня десять лет спустя, и, по крайней мере, до большевистского переворота.

Когда Новомирский стремился отмежеваться от «сомнительных элементов» в анархистской среде, он намекал на тех, кто цеплял себе на спину анархистскую этикетку, чтобы заниматься потихоньку «индивидуальной экспроприацией» или же осуществлять «немотивированные» террористические акты в духе Эмиля Анри, то есть убивая буржуев или случайных людей.

Для Новомирского этот последний род деятельности не является совершенно лишенным полицейских «мотивов» в некоторых случаях, эти провокации полезны для режима, чтобы связать их с революционными террористическими актами.

Во всяком случае, если не принимать во внимание организацию рабочих коммун и революционных профсоюзов, которую невозможно было осуществить, учитывая царские репрессии, все остальное было воплощено на практике большинством анархистских групп Российской империи. Начиная с 1908 года, они несли тяжелые потери и потерпели поражение, только подавленные превосходящей численностью, посеяв тем не менее зерна революционной борьбы, которые взошли в 1917 г.

Сделаем отступление, чтобы напомнить, что в основе раскола между Лениным и его сторонниками – большевиками и сторонниками Мартова – меньшевиками внутри Российской Социал-Демократической Рабочей Партии на съезде в 1903 году был организационный вопрос. Спор разгорелся по вопросу о членстве в партии, понимаемом более узко Лениным и более широко его противниками. Эта статья в уставе стала причиной разногласий между основными действующими лицами на протяжении долгих лет, вплоть до 1917 года. Что же касается функционирования партии, пирамидальная структура – с центральным комитетом, который принимал все решения, на вершине – не была никоим образом задета. Во всех других партиях и организациях Российской империи: Социал-Революционной, Социал-Демократических партиях польской, латвийской, украинской, грузинской и других доминирует централистская тенденция. Тайная царская полиция (Охранка) использовала впрочем, это обстоятельство чтобы внедрить своих агентов и нейтрализовать, часто успешно, активность этих партий.

Во Франции также полиция сумела внедрить Анри Жирара на ответственные посты в ГКТ. Воспользовавшись его пороками – склонностью к алкоголю, слабостью к женскому полу и сопутствующими им и неизбежными долгами – она смогла добиться назначения этого бывшего рабочего-социалиста на пост генерального секретаря Комитета по Всеобщей Забастовке в ГКТ, на целых десять лет, до самой смерти этого человека в 1902 году⁹⁶. Действительно, правительство находило свой интерес в поддержании этого яблока раздора, которым был лозунг всеобщей забастовки среди синдикалистов и социалистов. Это разногласие окончательно оформилось во время съезда в Амьене в 1906 году, принятая им Хартия с очевидностью свидетельствует об этом:

«ГКТ объединяет, вне всякой политической школы, всех трудящихся, осознавших необходимость борьбы за упразднение наемного труда и хозяев. Съезд рассматривает эту декларацию как признание классовой борьбы, которая противопоставляет буржуазному обществу на экономическом поприще трудящихся, восставших против всех форм эксплуатации и угнетения, как материальных, так и моральных, используемых капиталистическим классом против рабочего класса»⁹⁷.

Синдикализм ставил в качестве двойной задачи рост благосостояния трудящихся путем осуществления непосредственных требований, таких, как сокращение рабочего дня, повышение зарплаты, и подготовку полного освобождения, которое может быть реализовано только через экспроприацию капиталистов. Общая забастовка рассматривалась как главное средство борьбы, и профсоюз, группа сопротивления, в будущем должен был превратиться в группу по производству и распределению, основу социальной реорганизации.

Вне профсоюзной деятельности члены профсоюза обладали полной свободой участия во всех формах философской или политической борьбы, при условии не вести ее в рамках профсоюза. Съезд отбрасывал затем всяческое вмешательство «партий или сект». Речь шла о том, чтобы отмежеваться раз и навсегда от социалистов и других политиков, стремившихся превратить профсоюзную борьбу в свою вотчину. Однако это касалось и анархистов или, по крайней мере, некоторых из них, это стало ясно в следующем году на съезде в Амстердаме. Синдикализм, преобразившийся в «Партию Труда» (следуя одноименной брошюре Пужэ), заявлял, что будет вести самостоятельно борьбу на своем любимом экономическом поприще, вне всякого влияния политиков и идеологов и, таким образом, объявлял себя самодостаточным. Это было в некотором роде воскрешение во французском масштабе Первого Интернационала по прямой линии, указанной в последнем совете Бакунина. Амьенская Хартия стала таким образом актом официального рождения революционного синдикализма.

XI

Международный съезд анархистов в Амстердаме (1907)

В 1906 году Либертарная коммунистическая федерация Голландии и Либертарная коммунистическая группа Бельгии выдвинули инициативу созвать международный съезд. Первая из них взяла на себя материальную организацию проведения съезда на протяжении недели, вторая опубликовала под редакцией Анри Фусса пять номеров *Бюллетеня анархистского Интернационала*, который имел целью подготовить повестку дня и ознакомить с представленными докладами. На съезде присутствовало от шестидесяти до восьмидесяти независимых делегатов или представителей Анархистских Федераций разных стран. Наибольшее количество прибыло из принимавшей страны и соседних стран – Бельгии и Германии. Среди самых известных участников отметим имена Эррико Малатеста, Луиджи Фаббри (Италия), Эммы Гольдман (США), Николая Рогдаева и Владимира Забрежнева (Россия), Домела Ньойвеньюса и Кристиана Корнеллисена (Голландия), Анри Фусса, Жоржа Тонара и Эмиля Шапелье (Бельгия), Рудольфа Роккера и Александра Шапиро (Федерация Еврейских Анархистов Лондона). Французская делегация была численно ограниченной, так как много французов оставались противниками проведения съездов, специфических или каких-либо других. Несмотря на все, присутствовали анархо-синдикалисты из ГКТ: Пьер Монатт, Бенуа Брутшу, Р. де Марманд и Амедэ Дюнуа (как ни странно, в качестве представителя Романской Швейцарии, хотя он был настоящим парижанином). Пьер Рамюс (Австрия), хотя и живущий в Лондоне, также присутствовал. Д-р Фридеберг прибыл во главе значительной немецкой делегации. Выходцы из Богемии (Чехословакия), Польши, Болгарии, Сербии и Аргентины своим присутствием придали съезду несомненный международный и представительский характер. Хотя подсчет голосов признавался интересным, была достигнута договоренность, что решения, принятые большинством, не будут иметь обязательного характера, ни для большинства, ни для меньшинства, в соответствии с прочно установившейся в анархистском движении традицией.

Этот съезд стал четвертым после социалистических съездов в Цюрихе (1893), Лондоне (1896) и запрещенного съезда в Париже (1900). По сути как чисто анархистский он может считаться вторым после Лондонской конференции (1881), где было принято решение о губительной пропаганде фактом. Его негласное задание состояло в том, чтобы извлечь из этого уроки и устранить неблагоприятные последствия. Принятая повестка дня отражает эту озабоченность:

«1. Анархизм и синдикализм; 2. Общая забастовка и политическая забастовка; 3. Анархизм и организация; 4. Антимилитаризм как тактика анархизма; 5. Целостное воспитание детей; 6. Объединение производителей и анархизм; 7. Революция в России; 8. Алкоголизм и анархизм; 9. Современная литература и анархизм; 10. Анархисты и всемирный язык; 11. Анархизм и религия; 12. Анархизм как индивидуальная жизнь и деятельность».

Еще четыре вопроса, оставленные для сторонников международных отношений, должны быть рассмотрены на двух последних закрытых заседаниях:

«1. Организация анархистского интернационала; 2. Составление текста декларации принципов анархо-коммунизма; 3. Создание международного бюллетеня, справочного органа; 4. Цель нового Интернационала»⁹⁸.

Митинг, посвященный открытию съезда, собрал около тысячи присутствующих, которые спели Интернационал. Первым выступил Фридеберг. Он резко обрушился на немецкую социал-демократию и ее единственное средство действия – «тлетворный парламентаризм». Ему он противопоставил прямое действие во всех его формах и постоянную пропаганду идеи всеобщей революционной забастовки. За ним выступили десять других ораторов, в числе которых – Малатеста, Эмма Гольдман, Рогдаев, Пьер Рамюс и Корнелиссен.

На следующий день, 26 августа 1907 года, съезд перешел к заслушиванию докладов о состоянии анархистского движения в различных странах. Триста товарищей, включая делегатов, присутствовали на вечернем заседании, которое завершилось докладом Карла Вальтера о деятельности в Англии. На следующий день участники съезда назначили председателя заседания и двух его помощников, затем слово по коренному вопросу об организации было предоставлено Амедэ Дюнуа. Он начал с того, что оценил как устаревшее на данный момент отрицательное отношение большей части анархистов к организации. Ранее сторонников такого отношения могли бы заподозрить в «реакционных задних мыслях и авторитарных намерениях». Было принято считать, что «индивидуальная инициатива» достаточна во всем, отрицалась реальность классовой борьбы, превращенной в «противоположность мнений, к которой как раз готовила индивида пропаганда». Именно та-

ким образом анархизм потерял из-под ног «твердую почву реальности и практического действия и оказался выброшенным на пустынных берегах индивидуализма». Организация рассматривалась только «в неизбежно угнетающих для индивида формах», и любое коллективное действие систематически отклонялось. Во Франции произошла эволюция: первое место теперь заняли синдикализм и антимилитаризм. Анархизм стал «революционной теорией, конкретной программой социального преобразования, самым совершенным теоретическим выражением тенденций пролетарского движения», и перестал быть «наивысшим развитием буржуазного индивидуализма». Дюнуа определяет его даже как «интегральный федерализм, прежде всего объединительный».

Оратор отклонил индивидуалистский аргумент против организации: «непонятно, как анархистская организация могла бы вредить индивидуальному развитию своих членов. Действительно, никого туда не обязывали входить, ни точно также, поступив в нее, никто не обязан выйти». По его мнению, этот аргумент не выдерживает серьезного рассмотрения, так как он обернулся бы также против любой формы общества. Замечание синдикалистов, на его взгляд, более обосновано. Существование во Франции рабочего движения с четкой революционной ориентацией представляет собой «значительный факт, о который рискует споткнуться, или даже разбиться любая попытка анархистской организации». Действительно, в противоположность «группировкам по мнению, этим маленьким часовенкам, куда имеют доступ только верующие, профсоюзная организация не лишается надежды привлечь в свои гибкие и подвижные рамки весь пролетариат». Следовательно, место анархистов – там, чтобы не отлучаться от народа, «необходимого мотора любой революции». Если только у них нет, как у социал-демократов, «интересов, которые они хотят утвердить, отличных от интересов пролетариата, – интересов партийных, сектантских или групповых?». Разве роль анархистов не в том, чтобы идти навстречу пролетариату, а не наоборот, жить своей собственной жизнью, «завоевать его доверие и побуждать его словом и примером к сопротивлению, к бунту, к революции»? Затем Дюнуа предлагает решение вопроса, выдвинув положение о том, что роль анархистов, которые «считают, что они являются самой передовой, самой отважной и самой свободной от предрассудков фракцией этого борющегося и организованного в профсоюзы пролетариата, состоит в том, чтобы быть всегда рядом с ним и сражаться вместе с ним в одних и тех же битвах». Чтобы оставаться верными этой миссии воспитателей и вдохновителей рабочего класса, анархисты должны тем не менее объединяться между собой, для того чтобы «придать своей профсоюзной деятельности максимум силы и последовательности». Чем сильнее они будут, а сильными они станут только объединившись, тем «сильнее будет также идейное влияние, которое мы сможем оказать на рабочее движение».

Могут ли они, тем не менее, удовлетвориться этой задачей воспитания борцов? Ограничиться тем, чтобы «поддерживать в них революционный дух, помочь им лучше узнать себя и встречаться между собой»? Не следует ли иметь «свою собственную деятельность и осуществлять ее “непосредственно”?». Он дает положительный ответ на эти вопросы и предлагает точное определение роли действующего революционного меньшинства:

«Социальная революция может быть только делом масс. Но всякая революция неминуемо сопровождается действиями, которые по своему характеру – в некотором роде техническому – могут быть свершением только небольшого числа, самой отважной и самой образованной части пролетариата в движении. В каждом квартале, каждом городе, каждом регионе наши группы сформировали бы в революционный период достаточное количество небольших боевых организаций, предназначенных для осуществления особых и непростых заданий, на которые основная масса чаще всего не способна».

Говоря это, Дюнуа подразумевал, что группы близких по духу людей, которые хорошо знают друг друга и доверяют друг другу, в большей степени способны осуществлять смелые и решительные поступки, которые не по силам спонтанно действующей массе. При этом они ни в коей мере не подменяют волю этой массы. Впрочем, он указывает, что анархистская пропаганда является главной и постоянной целью деятельности группы, как в теоретическом, так и в практическом плане, деятельности, которая до сих пор осуществлялась индивидуально. Теперь же речь должна идти о том, чтобы обеспечить ее коллективное и последовательное осуществление. Во Франции, несмотря на большое количество анархистов, главным препятствием остается отсутствие взаимопонимания и организованности. Необходимо, чтобы анархистское движение объединило «на общей почве все силы, которые до этого дня сражались изолированно». Оно вырастет из совместного действия анархистов, из их

«согласованного, скоординированного действия. Нет необходимости говорить о том, что анархистской организации не следует, по-видимому, претендовать на то, чтобы объединить все элементы, которые заявляют, зачастую без всяких на то оснований, о своей приверженности идее анархии. Для нее было бы достаточно объединить вокруг программы практического действия всех товарищей, разделяющих наши принципы и желающих работать с нами».

Это выступление Амеде Дюнуа нам представляется основополагающим. Оно проникнуто одновременно самым лучшим бакунинским духом и содержит верное и ясное видение задач, возлагаемых на революционных анархистов. Некоторые из участников Амстердамского

съезда не разделяют полностью это мнение, как это видно из последующих выступлений. Жорж Тонар, например, отказался от собственного выступления и присоединился полностью к сказанному Дюнуа, но заявил, что он противник всякого голосования и предложил съезду присоединиться к его позиции. Такое противоречивое отношение вызвало бурную реакцию. Малатеста немедленно высказался за голосование, не усматривая в нем ничего предосудительного. Его поддержал Монатт, не видя ничего антианархистского, иначе говоря авторитарного, в голосовании, которое никоим образом нельзя смешивать с парламентским или общим тайным голосованием. В профсоюзе голосование используется в любой момент, и действительно, он не видит в нем ничего противоречащего принципам анархизма. Он высказался против «товарищей, которые по любому, даже пустяковому, поводу испытывают потребность поднимать принципиальные вопросы».

Кристиан Корнелиссен считает, что голосование было бы предосудительным, только если бы оно было обязательным для меньшинства. Де Марманд полностью поддержал это мнение, и обсуждение потеряло остроту. Затем индивидуалист Круазэ выступил против Дюнуа: он считает, что Анархия противостоит любой организационной системе, поскольку ее «неизбежным результатом является всегда большее или меньшее ограничение свободы индивида», и из-за «напрасного амбициозного стремления стать практичными» анархисты оказались на наклонной плоскости и соскальзывают в сторону организации (!?). Анархистские идеи, по мнению Круазэ, должны «сохранять былую чистоту, а не стремиться к большему практицизму». Это карикатурное замечание не нашло отклика. Зигфрид Нахт в своем выступлении поддержал Дюнуа и ратовал за действие, единственное средство, которое воспитывает народ и придает ему «революционную ментальность». Он дает, однако, любопытное определение роли масс в грядущей революции как «*пехотных войск* революционной армии», тогда как анархистские группы «специализируясь на технических задачах, составят ее *артиллерию*»! Жаль, что он не упоминает ни штаб, ни кавалерию (которой суждено было сыграть значительную, если не главную роль в мексиканской и русской революции).

Другие выступавшие сдержанно отнеслись к докладу Дюнуа, не отважившись однако ему противоречить. Эмма Гольдман заявила, что она в «принципе положительно относится к организации», но опасается возможной «исключительности» и требует уважения индивидуальной автономии, основного принципа Анархии. Она принимает организацию при единственном условии: а именно, чтобы она была «основана на абсолютном уважении *всех* индивидуальных инициатив и не могла препятствовать их действию и развитию». Отметим неуместность слова «*всех*», источника всех возможных и воображимых неясностей, которые, кажется, Эмма Гольдман не замечала.

Позиция, занятая Дюнуа, кажется, привела в замешательство своей ясностью противников организации, однако сопротивление осталось, и задачу разоблачить ее взял на себя Эррико Малатеста. Претендуя на уступчивость, он попытался объяснить недоразумением в словах разделение мнений по вопросу организации, по сути которого, он в этом убежден, все согласны. Все анархисты, несмотря на различие тенденций, некоторым образом, по его мнению, «индивидуалисты». Но обратное далеко от истины. Первая категория включает тех, которые «требуют для любой человеческой индивидуальности, своей собственной и всех остальных, права на интегральное развитие». Вторая категория объединяет тех, которые «думают только о своей собственной индивидуальности и без колебаний всегда готовы принести ей в жертву чужую. К этим последним принадлежит и царь всея Руси».

Малатеста продолжил, нанося удары очевидными истинами по понимаемому таким образом индивидуализму. Он назвал «огромным нонсенсом» утверждение Ибсена о том, что «самый могущественный в мире человек именно тот, кто является самым одиноким», поскольку индивида освобождает, «позволяет ему развивать все свои способности не одиночеством, а объединением». Хотя сотрудничество необходимо, он считает, тем не менее, что объединение должно оставлять полную автономию индивидам, которые присоединяются к нему, а федерация должна признавать по отношению к группам такую же автономию. Он выступает за создание органов самовыражения для групп, а не для индивидов, поскольку таким образом в них смогут свободно сталкиваться все мнения. Следует договориться по поводу власти и авторитаризма, но если речь идет о власти «чисто моральной, имеющей своим источником опыт, разум и талант, какими бы мы ни были анархистами, среди нас нет никого, кто бы не уважал такую власть».

Малатеста завершил свое выступление любопытной аксиомой: неважно, идет ли речь об «организаторщиках», о федералистах, или об индивидуалистах, противниках любой организации, их отличает не предполагаемый авторитаризм, потому что у первых из них были бы кабинеты и они принимали бы решения, и, для остальных, не реальный авторитаризм многих групп, в которых громко провозглашается «абсолютная свобода индивида», а в особенности то, что они ничего, или почти ничего, не делают». Отсюда он делает вывод, что «слова разделяют, а действие объединяет. Нам пора всем вместе взяться за работу, чтобы осуществлять действенное влияние на социальные события (...). Приложим усилия, чтобы анархистский Интернационал стал действительностью. Для того, чтобы мы были способны быстро призвать всех товарищей, чтобы бороться против реакции, чтобы в нужный момент осуществить акт революционной инициативы, нужно, чтобы наш Интернационал существовал!».

Дискуссия возобновилась на седьмом заседании съезда, утром 28 августа. Разные выступавшие повторили и уточнили некоторые детали

выступления Малатесты, затем перешли к голосованию предложения Амеде Дюнуа с поправками Эммы Гольдман касательно индивидуальной инициативы и поправками Малатесты и чеха Вогрызека о предусматриваемой организационной форме. Второе предложение, предложение Рамюса, сыграло в некотором смысле двойную роль, оно получило только 13 голосов за и 17 против, все остальные воздержались. Предложение Дюнуа было принято 46 голосами против одного. Это было освящение анархизма как социальной теории, а не как философии индивида. Оно знаменует важный этап в истории движения, поэтому мы воспроизводим его полный текст:

«Анархисты, собравшиеся в Амстердаме 27 августа 1907 года.
– Считая, что идеи анархии и организации, далеко не несовместимые, как иногда полагали, взаимно дополняют и проясняют друг друга, поскольку сам принцип анархии состоит в свободной организации производителей;
Что индивидуальное действие, каким бы важным оно ни было, не может заменить коллективное действие, согласованное движение; “не более чем коллективное действие может заменить индивидуальную инициативу” (дополнение Эммы Гольдман);
Что организация борющихся сил обеспечила бы пропаганде новый порыв и могла бы только ускорить проникновение в рабочий класс идей федерализма и революции;
Что рабочая организация, основанная на общности интересов, не исключает организации, основанной на общности чаяний и идей –
Придерживаются мнения, что товарищи из всех стран должны поставить на повестку дня создание анархистских групп и федерации уже созданных групп.

Дополнение Вогрызека – Малатесты:

Анархистская Федерация является ассоциацией групп и индивидов, в которой никто не может навязывать свою волю и ограничивать инициативу других. По отношению к современному обществу она имеет целью изменить все моральные и экономические условия, и в этом смысле она поддерживает борьбу всеми адекватными средствами».

Эта последняя поправка не добавляла ничего нового и ограничивалась общими положениями, что вовсе не было похоже на Малатесту. Он, вероятно, скрепил ее своей подписью, чтобы сделать одолжение Вогрызеку и вывести обсуждение из тупика.

Как бы там ни было, эта резолюция об анархистской организации является историческим событием, и одно из анархистских изданий того времени утверждает:

«наши противники социал-демократы больше не смогут ссылаться на нашу давнюю ненависть к любому виду организации чтобы изгнать нас из социализма, не нуждаясь ни в каких других обвинениях. Легендарный индивидуализм анархистов был убит публично в Амс-

тердаме самими же анархистами, и вся злонамеренность некоторых наших противников не сможет его воскресить»⁹⁹.

Восьмое заседание, состоявшееся во второй половине дня 28 августа, было закрытым для публики и журналистов. На повестке дня стоял вопрос о практической организации Интернационала. После многих бесплодных выступлений, например, Эммы Гольдман, которая предложила в качестве единственного способа связи бюллетень вместо предполагавшегося Международного корреспондентского бюро из пяти членов, все пришли к согласию о создании такого бюро. В его компетенцию входило создание доступного всем товарищам международного архива, поддержание отношений с анархистами разных стран, непосредственно или через трех товарищей, избранных федерациями или группами из заинтересованных стран. Индивиды могли входить в состав Интернационала при условии, что они будут признаны одной из организаций, самим Бюро или известными для него товарищами. Предложение Эммы Гольдман о создании бюллетеня получило только четыре голоса. Местом пребывания Бюро был назначен Лондон. Среди пяти избранных членов фигурируют Малатеста (несмотря на протесты!), Рудольф Роккер и Вилькет (Германия), А.Шапиро и Джон Тернер (отсутствовавший на съезде!).

Судя по этому конкретному результату, организационная гора, воздвигнутая с большим трудом в ходе съезда, родила мышь: назначенное Бюро выглядит чисто формальным, его роль также. Оно будет проводить некоторую работу до 1911 года включительно, затем исчезнет из политического пейзажа.

Малатеста, считавшийся самым старым поборником организации и коллективного действия, приветствовал создание Интернационала «как утверждение стремления к солидарности и совместной борьбе». Создание Бюро ему представляется «менее важным». Самым важным по его мнению, является «желание бороться вместе и намерение поддерживать отношения чтобы не пришлось искать друг друга, когда наступит момент действовать, рискуя при этом, что этот момент пройдет раньше, чем мы найдем друг друга»¹⁰⁰.

Разогрев свой аппетит сдобренной острыми приправами – закуской в виде вопроса об организации, съезд приступил к главному блюду повестки дня: отношениям между революционным синдикализмом и анархизмом. Девятое заседание, состоявшееся в среду вечером, 28 августа, открылось при переполненном зале. Первым взял слово член комитета ГКТ Пьер Монатт. Ему в то время исполнилось двадцать пять лет, и это был уже опытный борец рабочего движения, хорошо знавший профсоюзную деятельность. Он изложил в общих чертах природу и цели революционного синдикализма, который утвердился, в противоположность социализму и даже анархизму, не столько благодаря теории

ям, сколько своими поступками, и «его следует искать не в книгах, а в действии»¹⁰¹.

Однако именно анархизм более всего воодушевил профсоюзное движение, именно он «направил рабочее движение по революционному пути и сделал популярной идею прямого действия». В свою очередь, синдикализм «вернул анархизму ощущение своих рабочих корней». Эти два направления лучше всего воплотились в рамках ГКТ, что принесло «самую большую пользу одному и другому». Монатт дал пространственные объяснения о том, что такое ГКТ, в чем заключается ее деятельность, ее функционирование, ее особое место в международном рабочем движении. Конфедерация сумела предохранить себя как от политических вмешательств, так и от попыток правительственной коррупции. Ее главным оружием является прямое действие, то есть «действовать самостоятельно, рассчитывать только на себя», прямо следуя линии Первого Интернационала. Он перечислил разные формы этой борьбы: забастовка, саботаж, бойкот и т. п. и главное революционное средство – всеобщая забастовка. Синдикализм оживил революционный дух, исчезнувший в разглагольствованиях или, что еще хуже, в электорализме и парламентаризме Гэда или в стремлении Жореса занять место в правительстве, в министерствах, с одной стороны, и в революционаризме анархистов, «великолепно укрывшихся в слоновой башне философских спекуляций», с другой стороны. «Следовательно, важно, чтобы профсоюзный опыт французского пролетариата пригодился пролетариям всех стран». Эта задача, по мнению Монатта, возлагается на анархистов всюду, где есть рабочее движение. Именно таким образом классовая борьба сможет развиваться «во всей своей полноте и иметь максимальный эффект». Он упоминает известное воззвание Амьенского съезда о «самодостаточном синдикализме, иногда неправильно понимаемое некоторыми анархистами, смысл которого сводится попросту к тому, что «рабочий класс, достигнув зрелости, стремится наконец стать самодостаточным и больше ни на кого не возлагать заботу о своем собственном освобождении». Какой анархист «смог бы возражать против воли к действию, так громко провозглашенной»?

Синдикализм «не останавливается на том, что обещает рабочим рай на земле. Он предлагает им завоевать этот рай, уверяя их, что их действие никогда не останется полностью напрасным. Он является школой воли, энергии, плодотворной мысли. Он открывает для анархизма, слишком долго замыкавшегося в себе, новые перспективы и новые надежды». Монатт призывает, таким образом, либертарию присоединиться к синдикализму. Он не скрывает, что имеются несовершенства, которые следует устранить, в частности тенденция индивидов

«возложить заботу о борьбе на свой профсоюз, на свою федерацию, на Конфедерацию, обращаться к коллективной силе, в то время как

их индивидуальная энергия могла быть вполне достаточной. Мы, анархисты, обращаясь постоянно к воле индивида, к его инициативе и к его отваге, можем решительно реагировать против этой губительной тенденции постоянно прибегать для решения малых и больших проблем к коллективным силам».

Профсоюзный бюрократизм также превратился в проблему, но все это возможно устранить или исправить «недремлющим духом критики».

На втором заседании утром 29 августа были рассмотрены вместе вопросы синдикализма и всеобщей забастовки. Зигфрид Нахт спровоцировал инцидент, обвинив индивидуалиста Круазэ в том, что накануне вечером тот передал буржуазным журналистам из Амстердама информацию о закрытом заседании, состоявшемся днем. Это вызвало возмущение съезда. Круазэ взял слово и признал этот факт, чем дал повод для возможных упреков в «преступной легкомысленности». Большинство делегатов осудило его поступок.

Послеобеденное заседание началось с обсуждения резолюции в поддержку русской революции, которая была единогласно принята, затем продолжилась дискуссия по поводу выступления Монатта. Корнелиссен высказал предостережение: анархисты должны поддерживать синдикализм и прямое действие, но при одном условии: они должны быть революционными по своей цели, они «должны быть постоянно направлены на преобразование существующего общества в общество коммунистическое и либертарное».

Для подтверждения своих слов он сослался на пример амстердамских и антверпенских обработчиков алмазов, рабочих Англии и Соединенных Штатов, которые использовали прямое действие, чтобы добиться для себя корпоративных привилегий. Он выступил также против прямого действия, направленного против модернизации средств производства.

После него на трибуну поднялся Эррико Малатеста. При полнейшем молчании зала он вступил в продолжительный спор с Монаттом: он заявил, что не согласен с его выводом о том, что «синдикализм является необходимым и достаточным средством социальной революции», другими словами, что «синдикализм самодостаточен». Прежде всего, следует провести различие между рабочим движением и социализмом: первое является *фактом*, второй – *доктриной*, системой. Впрочем, он полностью поддерживает и то, и другое, в отличие от интеллектуальных анархистов, которые закрылись в «башне из слоновой кости чисто умозрительных рассуждений». Он даже за профсоюзы, «широко открытые для всех трудящихся без различия взглядов, за абсолютно *нейтральные* профсоюзы». Тем не менее, анархисты должны в них участвовать для того, чтобы пропагандировать свои идеи, используя их как средство, «лучшее, очевидно, из всех средств, которыми мы располагаем»,

тогда как синдикалисты стремятся, напротив, превратить это средство в цель, угрожая «самому существованию анархизма». А синдикализм, даже если он «приукрасит себя бесполезным эпитетом революционный, является и всегда останется только легальным и консервативным движением, не имеющим другой достижимой цели – да и то вряд ли! – кроме улучшения условий труда». В качестве аргумента к своему доказательству он приводит пример больших североамериканских профсоюзов. Пока были слабыми, они отличались радикальной революционностью. По мере того, как росло число их членов и их богатство, они стали явно консервативными организациями, «заботящимися только о том, чтобы их члены становились привилегированными на заводах, в мастерских или на шахтах и намного менее враждебными по отношению к капитализму патронов, чем к неорганизованным рабочим», как раз тем, кого клеймили социал-демократы, называя «пролетариатом в лохмотьях» (*Люмпенпролетариат*), и кого защищали тем не менее, если не более чем другие, анархисты.

По мнению Малатесты, ошибка Монатта и революционных синдикалистов имела своим источником «слишком упрощенную концепцию классовой борьбы»: они считали, что экономические интересы всех рабочих – рабочего класса – совпадают и что достаточно, чтобы «трудящиеся взяли в свои руки защиту собственных интересов, и, тем самым, будут защищены от хозяев интересы всего пролетариата». По его словам, дело обстоит иначе: внутри самого рабочего класса существует, как и среди буржуазии, соревнование и борьба. Более того, некоторые рабочие ближе к буржуазии, чем к пролетариату: кроме примеров, приводимых Корнелисеном, Малатеста рассматривает случай с рабочими, использующими насилие по отношению к «желтым», подвергающимся однако такой же эксплуатации, как и они! Здесь, на наш взгляд, Малатеста несколько преувеличивает и конкретно демонстрирует незнание классовой борьбы, но, по-видимому, ему любой ценой хочется осудить составляющие конкуренцию действия революционных синдикалистов и любой аргумент для него хорош. Он ломится таким образом в дверь, открытую Монаттом, привлекая внимание к опасности оплачиваемых профсоюзных чиновников, опасности, сравнимой с парламентаризмом! Даже всеобщая забастовка не снискала его милости: она ни к чему не приведет, если не будет сопровождаться восстанием... Впрочем, всеобщая забастовка действительна, только если она активна, то есть, если продолжается работа для себя. В заключение он жалеет, что многие товарищи позволяют себя втянуть в рабочее движение, так как «еще раз рабочая организация, забастовка, всеобщая забастовка, прямое действие, бойкот, саботаж и даже само вооруженное восстание, это всего лишь *средства*. Целью является Анархия!».

Кажется, Малатеста или плохо слушал выступление Монатта, или имел серьезные пробелы в знании реального положения французского

революционного синдикализма, поскольку как высказанная им критика, так и необоснованные, можно бы сказать, сравнения, к которым он прибегнул, очень далеки от темы. Он пускается в обвинения по поводу намерений, интерпретируя по-своему традицию Интернационала и ссылаясь на очень абстрактную Анархию. Именно так ответил ему Анри Фусс, который уточнил, что «нельзя видеть в организованном пролетариате только плодородную почву для пропаганды» и «простое средство». Теперь классовая борьба идет на экономической почве, и «прошло то время, когда революция состояла в том, чтобы захватить пару ратуш и провозгласить с высокого балкона новое общество» (намек на восстание в Беневенто в 1874 году, в котором принимал участие Малатеста и которое закончилось жалким образом). «Социальная революция, к которой мы идем, – продолжил Фусс, – будет состоять в экспроприации одного класса. С этого момента боевое единство не представляет собой как прежде группу единомышленников, а профессиональную группу, рабочее объединение или профсоюз. Профсоюз является органом, наиболее приспособленным к классовой борьбе. Главное – направить его постепенно на всеобщую экспроприаторскую забастовку, именно к этому мы призываем товарищей из всех стран».

Француз Бенуа Бруту, активист рабочего анархистского движения, прошедший тяжелую школу борьбы шахтеров Севера, также выступил с протестом и категорически отрицал теории Малатесты.

Пьер Рамюс также не присоединился к оговоркам Малатесты; средства прямого действия революционного синдикализма являются собственно анархистскими, а значит, синдикализм содержится в анархизме, а не наоборот. Тем не менее синдикализм не может быть самодостаточным, анархизм обязан, дав ему оружие для борьбы, дать ему также философию и идеал. Тогда он сам станет анархизмом и сможет быть самодостаточным. Он завершил свое выступление следующей декларацией: «Давайте быть прежде всего и более всего анархистами, затем уж давайте быть синдикалистами. Но не наоборот!»

Ответ Монатта был резким: в «суровой критике» со стороны Малатесты, направленной против новых революционных концепций, ему казалось «слышится голос далекого прошлого». Этим новым концепциям, «резкий реализм которых его пугал, Малатеста противопоставил в конечном счете только старые идеи бланкизма, который тешил себя мыслью обновить мир посредством триумфального вооруженного восстания». Он отвергает упреки в революционном минимализме и заявляет, что «наш анархизм стоит вашего, и мы еще более чем вы не собираемся сворачивать свой флаг». Если практика синдикализма в некоторых странах могла породить «ошибки и извращения, она дала опыт, который позволит нам не повторять их». И если, вместо того, чтобы критиковать свысока прошлые, настоящие или даже будущие грехи синдикализма, анархисты включились бы более тесно в его борьбу, опасности, которые он таит, были бы устранены навсегда!»

Тем не менее, иллюзии кончились: выраженное несогласие оставило заметный след на всем движении, и между той и другой стороной образовался глубокий ров. Обсуждение было закрыто, и на тринадцатом заседании в пятницу 30 августа состоялось голосование по четырем проектам резолюций, которые, впрочем, все были приняты подавляющим большинством голосов, несмотря на встречающиеся в них некоторые противоречия. Первая, резолюция Корнелиссена–Вогрызека–Малатесты, поддержанная Рогдаевым, Эммой Гольдман, Вильке, де Мармандом и Кнотеком, была принята 33 голосами против 10. Она была, разумеется, благоприятной для профсоюзов одновременно как для «боевых организаций в классовой борьбе за улучшение условий труда, и как для союзов производителей, способных послужить делу превращения капиталистического общества в анархистское коммунистическое общество». Ограничение накладывалось в связи с «задачей анархистов, которая состояла в том, чтобы вносить в эти организации революционный элемент, пропагандировать и поддерживать только такие формы и проявления “прямого действия” (стачки, саботаж, бойкот и т. п.), которые сами по себе имеют революционный характер и направлены на преобразование общества», и в связи с тем фактом, что анархисты «рассматривают профсоюзное движение и всеобщую забастовку как мощные революционные средства, а не как заменители революции», что они считают, что «разрушение капиталистического общества, построенного на власти, может осуществиться только путем вооруженного восстания и насильственной экспроприации, и что использование более или менее общей забастовки и профсоюзного движения не должно заслонять собой более прямые средства борьбы против вооруженной силы правительств».

Это значило, что чрезвычайно упорной борьбе, которую вела ГКТ против армии и полиции, используемых в то время французским правительством для разгрома и кровавого подавления забастовок и движения за свои права, не придается особого значения. Авторы резолюции предстали в роли назидателей и учителей революции по отношению к пролетариям, включившимся в борьбу в рамках того сознательного и действующего революционного меньшинства, которое представляла собой ГКТ.

Вторая резолюция, предложенная немецким делегатом Фридбергом, была еще большим шагом назад: она четко отделяла классовую борьбу и освобождение пролетариата от идей и чаяний анархизма, который «стремится – перескочив через непосредственные чаяния классов – к моральному и экономическому освобождению человеческой личности, к созданию среды, свободной от власти, а не к новой власти, власти большинства над меньшинством». В ней наличествует странный сплав марксистского социалистического парламентаризма, корпоративного профсоюзного движения и забастовки за политические пра-

ва, совершенно не имевших отношения к делу и не обсуждавшихся в прениях. В конце резолюции речь пошла об анархистском духе, который «может проникнуть в профсоюзное движение и привести его к обществу, избавленному от всякой власти». Она была тем не менее принята 36 голосами против 6.

Резолюция Амеде Дюнуа, скрепленная подписями Монатта, Фусса, Нахта, Фаббри и К.Вальтера, напоминала о реальной классовой борьбе трудящихся масс, главным и специфическим органом которой была профсоюзная организация, которой надлежало бы превратиться в группу производителей и стать в «современном обществе живым ростком будущего общества». Резолюция призывала

«товарищей во всех странах, не упуская из виду, что анархистская борьба не содержится вся полностью в рамках профсоюза, принимать активное участие в независимом движении рабочего класса и развивать в профсоюзных организациях идеи бунта, личной инициативы и солидарности, которые составляют сущность анархизма».

Принятая 28 голосами против 7, она была дополнена резолюцией Нахта – Монатта, поддержанной теми же подписавшимися, о всеобщей экспроприирующей забастовке, рассматривавшейся как «замечательное стимулирующее средство для организации и бунтарского духа в современном обществе и как форма, в которой может осуществиться освобождение пролетариата». Она не имеет ничего общего с политической забастовкой, и представляет собой главный путь, который ведет к «разрушению существующего общества и к экспроприации средств производства и продуктов труда». По своему содержанию, следовательно, резолюция была направлена против предостережений Малатесты, против его повстанческой тактики и высказанной им претензии на то, чтобы считать всеобщую забастовку ограниченной только интересами рабочего класса. Тем не менее, она была также одобрена 25 голосами.

В рамках последующей повестки дня Эмма Гольдман предложила резолюцию в поддержку «акта бунта как индивида, так и целой массы». Хотя это можно было понимать по-разному: как одобрение индивидуальных или террористических покушений, или как повстанческие выступления, а истолковано это было именно как возрождение губительной пропаганды фактом, и не состоялась никакая дискуссия чтобы внести ясность в эту путаницу, резолюция была поспешно принята большинством голосов. Действительно, съезд очень отставал от своей повестки дня, и не было времени дотошно разбираться в смысле слов. Было принято решение рассмотреть антивоенный вопрос на Антивоенном съезде, который должен проходить одновременно и поблизости в Париже. По следующему вопросу об *Алкоголизме и анархизме* докладывал профессор Ван Рез: он резко выступил не только против зло-

употребления алкоголем, но даже против умеренного употребления «невредных» напитков. Рассмотрение вопроса было отложено на более позднее время, вероятно, чтобы «пропустить по стаканчику» для того, чтобы оправиться после эмоций и чтобы лучше думалось на эту тему!

Вопрос о *Производственных объединениях и анархизме* был вкратце затронут голландцем Самсоном, заявившем о своей приверженности к производственным кооперативам и либертарным колониям, которые могут оказаться полезными для трудящихся в деле их освобождения. *Проблема Интегрального детского* воспитания рассматривалась Мармандом; он сделал вывод о том, что Биржи труда и Рабочие объединения более всего пригодны, чтобы определять характер воспитания для детей рабочих. Поскольку докладчики по вопросу *Анархизм как жизнь и как индивидуальная активность*, Е.Арман и Маурициус, отсутствовали, вопрос был опущен. По вопросам об алкоголизме, о производственных объединениях и об эсперанто не было внесено предложений на голосование из-за отсутствия времени на их обсуждение, и Эррико Малатеста произносит заключительное слово на съезде, на его двадцать седьмом и последнем заседании, в субботу 31 августа. Он высказал удовлетворение по поводу состоявшегося съезда, который «открыл путь к плодотворному объединению (...)». Конечно, между нами обнаружились расхождения во взглядах, они коснулись, однако, второстепенных вопросов. Мы все пришли к согласию в утверждении главных принципов». И он призвал товарищей трудиться для пропаганды и организации «с большим, чем когда-либо доверием и энергией».

«Эти звонкие слова были встречены» бурной овацией. «На лицах светилась радость» (так говорится в отчете), и все стоя спели Интернационал.

Революционные синдикалисты, присутствовавшие на съезде, провели два собрания чтобы организовать Прессбюро, для связи между разными международными профсоюзными организациями, пока не установлен «практический интернационализм, чтобы поддерживать самую тесную солидарность» (Дюнуа).

Вот как прошел этот важный международный анархистский съезд. Важный во многих отношениях – это был первый настоящий съезд после Лондонской конференции 1881 года: он позволил обсудить нерешенные вопросы либертарного движения, особенно вопросы организации и революционного синдикализма, определив его социальную практику и обозначив внутренние расхождения. Благодаря съезду состоялась встреча международных активистов, которые до тех пор знали друг друга только по фамилиям и которые смогли, таким образом, открыто сопоставить свои различные боевые выступления. Напротив, конкретные результаты съезда оказались ограниченными, поскольку установленные связи были довольно слабыми, и никакое принятое решение не открывало общих практических перспектив. Это обстоятельство объяс-

няет, почему на протяжении долгих лет больше не созывались никакие другие съезды. В этот период в канун 1914 года, когда международные связи были столь необходимы, чтобы предотвратить появившуюся на горизонте опасность войны, организации и большинство активистов оказались поглощенными ежедневной работой внутри собственной страны.

XII

Анархо-синдикалисты и «противозаконники» (Бонно и К^о) в действии

В то время, как некоторые анархисты кичились своей «ортодоксальностью», чтобы подкрепить свои претензии на революционное превосходство, анархисты, принимавшие участие в революционном синдикализме в рамках ГКТ, возложили на себя задачу осуществлять прямое классовое столкновение. Истинное различие между этими двумя тенденциями действительно находится на этом уровне и является прямым следствием противоположности их организационных концепций. Первые полагаются почти исключительно на индивидуальную инициативу и «спонтанную» восприимчивость масс, тогда как вторые последовательно проводят в жизнь организационную практику сознательного и действующего меньшинства. Последняя основывается на независимой активности каждого присоединившегося профсоюза, связанной и скоординированной с другими профсоюзами Конфедерации через Конфедеральный комитет, который является не руководящим органом, а, по словам Эмиля Пужэ,

«местом координации и усиления революционного действия рабочего класса; он, таким образом, является противоположностью демократических организаций, которые своей централизацией и своим авторитаризмом подавляют жизненность составляющих их частей. В ГКТ существует спаянность, а не централизация, побуждение, а не руководство. В ней всюду Федерализм. На каждом уровне разные организмы – от индивида, профсоюза, Федерации, или биржи труда до секций, входящих в конфедерацию, – все обладают автономией. Именно это составляет распространяющееся могущество ГКТ: побуждение не идет сверху, оно появляется в какой-то точке и его вибрации передаются, усиливаясь всей объединившейся в конфедерацию массе»¹⁰².

Что касается Профсоюзного совета, он осуществляет решение общего собрания профсоюза, которое является «всегда суверенным. Все члены профсоюза должны являться на собрания, если они на них не присутствуют, они обязаны соглашаться с принятыми решениями. Иначе быть не может, в противном случае нам снова грозит опасность демократизма, в котором несознательные и слабовольные мешают работать энергичным. Решения общего собрания должны быть, следовательно, независимы от числа присутствовавших». Национальные съезды ГКТ, собирающиеся раз в два года, равнозначны общим собраниям базовых профсоюзных организаций: они способствуют «полезному брожению; на них вырисовываются разные мнения, уточняется ориентация»¹⁰³.

Все эти уточнения имеют свой вес, так как они позволяют отличить это революционное меньшинство – достойного преемника Интернационала – от меньшинства бланкистского типа, которое сознательно подменяет собой своих избирателей, и также устранить опасения некоторых анархистов относительно природы и назначения ГКТ, которые в настоящий момент кажутся вовсе не обоснованными.

Если на бумаге все это кажется очень красивым, то как обстоят дела в действительности? На самом деле, борьба, проводимая прямым действием и разными его видами, такими как стачка, саботаж, бойкот, политические лозунги, дает убедительные результаты. Пужэ приводит статистику забастовок и выступлений, проведенных с 1890 по 1905 год, процент забастовок, имевших положительный исход, вырос с 56 в 1890–1900 годах до 62 с 1901 по 1904, и до 65,67 в 1905 году. Число выигравших забастовщиков выросло еще более явно: с 1890 по 1900 – 23,38%, с 1901 по 1904 – 79% и в 1905 – 83,24%.

Именно в этот момент французская буржуазия решила передать эстафету радикальным и якобинским политикам, принадлежавшим в прошлом к «левым», то есть лучше «знавшим» свое дело и способным положить конец победному штурму организованного рабочего класса. Клемансо, (бывший мэр Монмартра в марте 1871, замешанный в деле с пушками, из-за которого началась Парижская Коммуна), стал «Министром внутренних дел», затем Председателем Совета на протяжении 1906–1907 годов. «Первый полицейский Франции», как он себя называл, продемонстрировал свой огромный талант к репрессиям: 104 года тюремного заключения, 667 раненных рабочих и 20 убитых, а также 392 уволенных только за 1907–1908 г.¹⁰⁵ Этот последний год является кульминацией: вследствие расправы над рабочими в Дравей-Вильнев-Сен-Жорж, в которой провокатор Метивье (продажный деятель ГКТ, наемник Клемансо) сыграл главную роль, 12 руководителей Конфедерации, среди них самые яростные: Гриффюлес, Пужэ, Делезаль, Жанвьон, Монатт, Мерргейм и другие, менее известные, были арестованы. Впрочем, по причинам подобного рода или по обвинению в антимили-

таризме, руководителей ГКТ регулярно бросали в тюрьму, затем освобождали или же приговаривали к различным срокам.

Действуя кнутом и пряником, Клемансо пытался любой ценой ликвидировать ГКТ. Как раз перед съездом в Марселе в конце 1908 года, он отправил в тюрьму Гриффюлес и Пужэ, своих двух «козлов отпущения». Его расчет был прост: показав якобы безответственность неприемлемых, он пытался их изолировать от остальных руководителей, среди которых у него был свой преданный человек (Латапи), и смягчить тем самым направленность ГКТ. Этот замысел был осуществлен лишь наполовину: съезд вовсе не отказался от сидящих в тюрьме руководителей, но Гриффюлес, а следом за ним его заместитель Пужэ вышли из генерального секретариата, после того как казначей Конфедерации Альбер Леви в его отсутствие стал выискивать придирки. Впоследствии с него сняли всякие подозрения в хищении средств, но ему пришлось остаться все же в тени и посвятить себя теоретическим изысканиям и своей личной профсоюзной деятельности.

После промежуточного реформистского периода, который был вскоре прерван промахами нового генерального секретаря Люсьена Ньела, этот пост был занят на один срок активистом либертарного движения Леоном Жуо, сыном парижского коммунара и внуком расстрелянного участника восстания в июне 1848 года.

Вместо того, чтобы разрушить ГКТ, репрессии правительства только способствовали ее развитию: ее численность выросла до 100 000 членов в 1902 году, до 400 000 в 1908, при общем количестве 900 000 трудящихся, охваченных профсоюзным движением. Ее борьба за восьмичасовой рабочий день, против контор по найму, за еженедельные выходные, за повышение заработной платы и улучшение условий труда, часто заканчивавшаяся победой, превратила ее в выразителя лучших стремлений к освобождению в рабочем движении.

Поскольку тактика применения силы, применяемая Клемансо, не приносила достаточных результатов, бывшие социалисты, ренегаты Аристид Бриан и Вивиани, которые поочередно занимали министерские посты и пост Председателя Совета, направили свои усилия на то, чтобы разложить ГКТ реформами пенсионного обеспечения рабочих, коллективных рабочих договоров, обязательного арбитража и торговой платежеспособности. Все эти реформы были категорически отвергнуты революционными профсоюзами. Напротив, профсоюзы ответили наступлением на социальное наступление: в марте 1909 года состоялись одна за другой две забастовки работников почты, за которыми последовала неудачная попытка общей забастовки; в 1911 – забастовки железнодорожников, матросов Новой Земли, докеров и строительных рабочих, в 1912 – забастовка зарегистрированных матросов, которая заблокировала движение в торговых портах; в 1913 – общая забастовка шахтеров Севера, в феврале 1914 года – снова общая забастовка шах-

теров департаментов Норд и Па-де-Кале. ГКТ последовательно отбрасывает все проекты реформ, выдвинутые правительством или предложенные парламентом. Количество ее членов выросло до 600 000 в 1912 году и на первое января 1914 года достигло 839 931¹⁰⁶.

Разумеется, далеко не все в таком розовом свете у ГКТ: индивидуальные ссоры, возникающие из-за столкновения личностей или характеров (Гриффюлес отличался резкостью, что вызывало прочную неприязнь к нему), вносят раскол среди руководителей. Реформистское меньшинство – сторонники единства действий с Социалистической партией – остается влиятельным и усиливается благодаря присоединению к нему мощной Федерации шахтеров. Укореняется профсоюзное чиновничество, связанное с харизмой руководителей, постоянно переизбирающихся и получающих подтверждение своих функций снизу. Большинство присоединившихся федераций заботятся только о непосредственных групповых интересах и остаются равнодушными к требованиям других федераций, а тем более к глобальным революционным устремлениям. Приведем цитату из нелицеприятного анализа Жоржа Дюмулэна, шахтера-анархиста, ставшего ответственным работником Конфедерации:

«Для всех это гонка за выгодами по извилистым и парламентарным дорогам. Классовый дух недостаточно определен и еще менее достаточно выражен. Нет более согласованного прямого действия, есть распыленное частное действие, что свело на нет одну за другой появившиеся под влияние политиков забастовки железнодорожников, зарегистрированных матросов и затем шахтеров. Я не буду долго останавливаться на этой довоенной ситуации, но зло имеет более глубокие корни. Профсоюзные массы охвачены той же болезнью, что и руководители. Пойдем дальше. Жуо составил доклад, в котором он констатирует “аморальность рабочего класса”. В портах более чем когда-либо свирепствует алкоголизм, а деморализаторские методы работы остаются в чести у профсоюзников. В строительном секторе (становом хребте ГКТ того времени А.С.) они обращаются предпочтительно к высокооплачиваемым рабочим. Забота об улучшении жизни без роста индивидуальной сознательности. Мерргейм и Ленуар отмечают те же недостатки в металлургии. Работники ювелирной промышленности, парикмахеры и официанты предпочитают ходить на лошадиные бега. Этот испорченный жадностью пролетариат сохраняет еще инстинкт своего класса, но теряет все больше и больше его дух.

Это невежественный пролетариат, который не умеет читать, который не желает читать или читает скабрёзности. Это активисты, которые проводят время в карточной игре со своими друзьями по бистро».

Дюмулэн еще более суров по отношению к массе, не охваченной профсоюзами:

«в их среде знали, что означает пользоваться результатами борьбы других. Они хорошо знали, что высокие зарплаты достаются благодаря профсоюзной борьбе, но пользовались этим не прилагая усилий к действию. Они были публикой на публичных собраниях. Они принадлежали к тем, кто осуждал ГКТ, чтобы не ссориться с хозяином. (...) Они шли в профсоюз, потому что он мог помочь на какое-то время получить высокую зарплату. Они прекращали платить членские взносы, потому что после повышения зарплаты профсоюз больше не был нужен»¹⁰⁷.

Ошибки, коррупция руководителей, члены профсоюза и неохваченные профсоюзным движением, короче, весь пролетариат, по мнению Дюмулэна, растворили классовое сознание.

Тем не менее, следует внести нюансы в эту нарисованную черным цветом картину, набросанную в июне 1918 года, то есть до ноябрьского перемирия, так как она отражает также личную злопамятность автора по поводу неготовности пролетариата к войне 1914 года. Конечно, все это правильно и справедливо, но не должно заслонять, несмотря на все, сохранившуюся революционную волю многих активистов ГКТ. Впрочем, анархисты в ГКТ хорошо осознавали все эти недостатки и делали все возможное, чтобы их исправить. Главное остается в силе: ГКТ строго проводит в жизнь Амьенскую Хартию, удерживая на расстоянии правительственных и социалистических политиков, и она прочно придерживается своего революционного выбора, по крайней мере, в отношении принципов.

Со своей стороны, анархисты, остававшиеся вне ГКТ, продолжают идти по своей пропагандистской дорожке, почти исключительно письменной, и по-прежнему также настроены оппозиционно к любой форме организации. Жан Грав продолжает свои публикации и, верный себе, пользуется своими вечными парадоксами: «Индивид, который захотел бы в одиночку противостоять толпе, вскоре был бы затоптан. С другой стороны, желание объединить людей общей программой означало бы обречь их на разъединение, когда речь пойдет о переходе к действию»¹⁰⁸(!). Он отмечает самое большее, что «дух прозелитизма, который двигал первыми анархистами и которого не хватает новым, и именно его отсутствием объясняется инертность большинства тех, кто считает себя анархистом».

Он считает главными виновниками индивидуалистов: «буржуи-неудачники, которым не хватает только капитала, чтобы стать законченными эксплуататорскими мордами». Все это вызвано, по его мнению, «плохим перевариванием идей». Если иногда, соглашается он, анархистская деятельность угасает, виной этому не распыление усилий, а «вялость, апатия, безразличие большинства индивидов и то, что для них идеи не стали еще убеждениями»¹⁰⁹. Что касается его самого, он по-прежнему убежден, что абсурдно

«пытаться привести анархистов к согласию ради общей программы действий. Существуют различия в темпераменте, в характере, которые влекут за собой различия во взглядах. И эти взгляды и способы действия имеют такое же право на существование и использование, как и все остальные».

Таким образом, нежелательно, чтобы анархисты договорились между собой «об установлении общей программы, это возможно было бы только в ущерб инициативам и рождению оригинальных идей». Это можно бы прокомментировать, сказав, что еще менее желательной была его изолированность и отрыв от действительности в анархистской среде и в потоке событий.

Кропоткин оставался точно так же изолированным и в Англии, из-за возраста и болезни он был ограничен в своей активности. Тем не менее, он публикует важные результаты своих исследований о Французской революции, о Взаимопомощи, «положительном и надежном источнике наших этических концепций» и «лучшей гарантии более высокой эволюции» человеческого рода¹¹⁰. Таким образом, он четко формулирует сильные стороны коммунистической либертарной теории. Приведем в частности, его блестящее определение используемого метода:

«Анархия представляет собой попытку применить обобщения, полученные индуктивно-дедуктивным методом естественных наук к оценке человеческих институтов. Она является также попыткой угадать, на основе этой оценки, движение человечества к свободе, равенству и братству, для того, чтобы получить наиболее возможное количество счастья для каждой единицы в человеческих обществах»¹¹¹.

В изгнании в Англии, будучи оторванным от всякой социальной практики, Кропоткин не отдает себе отчета о скрытых опасностях государственности и утверждает, что государственный коммунизм невозможен, он «столько раз это показывал, что бесполезно возвращаться к этой теме»¹¹². Что касается специфически анархистской организационной практики, упоминания о ней совершенно отсутствуют в его работах того времени.

Несмотря на все это, после Амстердамского съезда во Франции предпринималось несколько попыток создать организации. В декабре 1907 года анархисты северной части страны собрались на съезд. Его конкретным результатом стало создание газеты *Ле Комба* (Борьба), редакционный комитет которой приравнивался к «федеративному бюро фактически не существующей федерации»(!). В июне 1908 года, в Парижском регионе создается одна федерация. В следующем году план был продолжен с более серьезным подходом: была опубликована декларация о принципах, которая в общих чертах повторяла решения, принятые на съезде в Амстердаме. Организация считала секции, связанные между собой федеральным комитетом, включавшем по одно-

му делегату от группы и одному заместителю. Каждая группа имела один голос, независимо от количества членов. Раз в четыре месяца предусматривалось общее собрание. Группы платили ежемесячные взносы пропорционально количеству своих членов. Эта федерация еле прозябала, и один из самых активных анархистов того времени Ж.Дюрюпт жаловался, что в ней нет больше «атмосферы», и что в группах «полно бессвязно говорящих». Он возлагает большую ответственность на Жана Грва за его разлагающую деятельность. По инициативе приверженцев восстания из Социалистической партии и сторонников Гюстава Эрве появился на свет проект «Либертарной партии» с широкой автономией групп, но он также провалился. В 1910 году был создан Анархистский Коммунистический Союз, но из-за чрезмерной удаленности своих структур он просуществовал не долго. За ним в июне 1911 появилась Коммунистическая Федерация, вскоре изменившая свое название на Коммунистическую Анархистскую Федерацию. Ее секретарем был Луи Лекуэн. В сентябре 1912 года она ввела членские билеты и марки для ежемесячных взносов. Одновременно прошли региональные съезды. Они приняли решение о созыве в 1913 году в Париже общенационального съезда с тем, чтобы основать, наконец, так долгожданную Анархистскую Конфедерацию¹¹³.

Эта неожиданная озабоченность созданием «серьезной» организации была не случайной. Она соответствовала четкому желанию отмежеваться от анархистов-индивидуалистов, которые не так давно заполнили колонки хроники сенсационными подвигами Жюля Боно и его друзей. Действительно, в 1908 году, после смерти Альбэра Либертада, газета *Л'Анарши*, которую он основал, продолжала кое-как существовать. Чтобы обеспечить ее издание, пришлось сменить несколько редакторов. С теоретической точки зрения Параф-Жаваль дискредитировал себя в глазах своих компаньонов тем, что вынес на суд «буржуазной справедливости» спор, который у него возник со сторонниками Либертада. Поэтому вначале его место занял Андрэ Лорюло. В 1905-1907 годах он был участником либертарной колонии Сэн-Жермэна, затем регулярно сотрудничал с *Л'Анарши* и вкусил тюремного заключения за антимилитаризм. Если не принимать во внимание борьбу классов и принцип организации, у него не было больших расхождений с либертарными коммунистами. Самое большее он сильнее настаивал на необходимости придерживаться бдительности для настоящей солидарности между индивидами, основанной на взаимности и естественным образом перерастающей в коммунизм:

«Анархист-индивидуалист допускает солидарность как рычаг, оружие, новую силу. Это не догма, которой нужно придерживаться и не долг, которому следует повиноваться, а интерес, к которому разумно прислушаться. Сознательный солидарист действует путем отбора, он не теряет своего чувства братства. Чтобы оно сохранило свою полез-

ную ценность, он выбирает себе товарищей, основываясь на принципе взаимности.

Коммунизм представляет собой форму общественных отношений, которая выравнивает экономические барьеры и разрушает любые обязательства в области производства и потребления. Это форма самого полного товарищества, обладающей наибольшими преимуществами солидарности, которая позволяет наилучшую координацию индивидуальных интересов. Без коммунизма невозможна настоящая взаимопомощь»¹¹⁴.

Этим настоящим братством является анархистское товарищество. Андрэ Лорюло остается индивидуалистом, потому что все должно исходить от индивида, который оказывает воздействие на самого себя, и на среду. «Чтобы совершить революцию вокруг себя следует прежде всего быть способным совершить ее в себе самом», – утверждает он, продолжая традицию Либертада. Как и он, А.Лорюло обрушивается на смирившихся, на пособников системы. Пролетарию также нет пощады в его глазах:

«Он сгибает спину перед богатым эксплуататором, раболепно лижет ему сапоги. Выполняя поочередно роль преступного солдата, опустившегося рабочего, полицейского стукача, пособника всех деспотических режимов, народ не способен в одночасье начать жить своей собственной судьбой, с гордостью, разумом и солидарностью»¹¹⁵.

Вот, по его мнению, одна из причин, по которой анархистские покушения не могли быть поняты «неотесанным умом несознательных масс». Самовоспитание и бунт, вот добродетели, которые он проповедует. Отказываясь пожертвовать настоящим во имя гипотетического революционного будущего, анархист-индивидуалист должен извлечь из своего существования все радости, которые оно ему способно предоставить. «Жить собственной жизнью», вне всякой рабской зависимости, вне всякого препятствия. Тем более, если им оказываются «несознательные пролетарии», как быть в этом случае? Лорюло остается уклончивым в этом вопросе и принимает нелегальные методы борьбы, если они являются «интересными, осуществляются серьезно, с минимальным риском и приносят достаточные выгоды»¹¹⁶.

Остальные теоретики и редакторы *Л'Анарши*, такие, как Эмиль Арман и Ле Ретиф (в будущем Виктор Серж), пытаются быть в большей степени индивидуалистами, сбивая цену на солидарность, и во имя неистового культа «Я» способствуют всяческим эксцессам, включая «экономическое неподчинение». До такой степени, что дело кончилось тем, что нашлись пылкие сторонники «жить любой ценой и неважно какими средствами». В помещение редакции газеты иногда приходили странные типы, которые с «выпученными глазами» требовали, «неумеренно

жестикулируя, бомбу, браунинг, какое-нибудь оружие, чтобы пустить кровь буржуям, чтобы нанести удар¹¹⁷», при этом никто точно не знал, идет ли речь о провокаторах или о «ненормальных». Короче, некоторые больше не довольствуются «стариковскими» нелегальными методами борьбы Лорюло и предпочитают использовать то здесь, то там «взлом», мелкие кражи и даже жульничество. Так, появился Жюль Бонно, лионский «мальчуган», отличный механик, талантливый шофер и готовый на все. Он сошелся с индивидуалистами, отчаявшимися из-за социального неравенства и стремившимися преодолеть его каким-нибудь «крупным ударом». В декабре 1911 года, на улице Орденер в Париже, они совершают нападение на инкассатора, затем – другие акты агрессии с использованием автомобиля, убивая без колебаний оказывавших сопротивление и даже «устраняя» свидетелей (по словам Гарнье). Среди их жертв оказались девяностолетний рантье и его служанка, шофер, работавший в гараже, регулировщик уличного движения, упрямый автолюбитель и двое банковских служащих, не считая нескольких раненых. «Бандиты на автомобиле» занимают первые полосы газет, падких на сенсации, поскольку эти преступления и ограбления с использованием автомобиля были первыми в своем роде. Полиция пообещала вознаграждение, и «слежка» стала более пристальной. «Информаторы» вскоре узнали, о ком идет речь, и виновники этих кровавых нападений были быстро установлены, а некоторые из них арестованы по этим «сведениям». Загнанный в угол, Бонно убил заместителя начальника службы сыскной полиции Жуэна и сбежал, затем он был окружен и убит после долгой осады. «Сданные» полиции Вале и Гарнье также подверглись долгой осаде в Шуази-ле-Руа, где полиции на помощь пришли армейские зуавы! Исход для них также оказался фатальным. В результате большой облавы были схвачены все их ближние и в феврале 1913 состоялся процесс.

Важным и одновременно показательным представляется отношение теоретиков индивидуализма, которых можно считать ответственными за противозаконные способы борьбы. Лорюло был, по крайней мере, сдержанным и, кроме того, всегда показывал свою враждебность к актам насилия. Его можно упрекнуть только за презрение к несознательным, пособникам системы. Несмотря на все, он единственный из всех, кто после казни Кальмэна, Суди и Моннье спрашивал себя:

«не несем ли мы какую-то непрямую, невольную ответственность за эти массовые убийства. Не проповедью противозаконных методов борьбы, что делали немногие из нас, нравится это или нет нашим хулиганам, но призывами к борьбе, к бунту, к жизни, обращенными к натурам болезненным или нетерпеливым, простоватым или неуравновешенным. Нет же, вина эта на человеческом слове, способном дать всходы на самых разных полях и принести самые разнообразные плоды»¹¹⁸.

Лорюло признавал таким образом «законность дерева, но не плодов». Арман увильнул, написав, что он абстрактно воображал себя иллегалистом, но что в действительности он был *не-легалистом*. Не считая этого ухищрения, он на них не нападал и считал себя даже солидарным с ними. Напротив, Ле Ретиф, сам обвиненный в хранении двух краденых револьверов, принялся блеять вместе со стадом против иллегалистов и клялся, что всегда был их противником. Поскольку у него вошло в привычку поступать таким образом, то есть жечь то, что он вчера обожал, прижмем хвост этой лисе, приведя полную энтузиазма тираду, напечатанную 4 января 1912 года в *Л'Анарши*, как раз на следующий день после происшествия на улице Орденер:

«Если среди бела дня расстреливают жалкого банковского служащего, это доказывает, что люди наконец поняли силу отваги (...) Я не боюсь это признать: я вместе с бандитами, я считаю, что их роль – это красивая роль; иногда я вижу в них людей. В других местах я вижу только рожи и марионеток. Бандиты доказывают силой. Бандиты доказывают отвагой. Бандиты доказывают своей твердой волей к жизни.

В то же время «остальные» терпят собственника, хозяина и полицейского, голосуют, протестуют против несправедливости и подымают так же, как жили, в нищете. Каким бы он ни был, я предпочитаю того, кто борется. Возможно, он уйдет из жизни в более молодом возрасте, узнает, что такое охота на человека и каторга; возможно, жизнь его оборвется от гнусного поцелуя вдовушки-гильотины. Так может случиться! Мне нравится тот, кто принимает риск большой борьбы: он настоящий мужчина. Затем, либо пан, либо пропал, разве его судьба не предпочтительнее, чем унылое прозябание и нескончаемо долгая агония пролетария, который умрет забитым на пенсии, так и не воспользовавшись своим существованием?

Бандит же играет. У него, следовательно, есть какие-то шансы выиграть. Этого достаточно. Бандит – настоящий мужчина!»¹¹⁹.

В своих *Мемуарах* Ле Ретиф – трубадур «мужественности» бандитов, ставший Виктором Сержем – певцом большевизма, – «забудет» об этих писаниях своей молодости. На процессе он будет играть роль «теоретика, заблудшего в деле, которое не является его собственным, и будет считать, что его осудили за взгляды (тогда как на самом деле за хранение краденного) и за то, что он не захотел сотрудничать с префектурой полиции. Это делало ему честь. Менее способствовало этому его поведение, когда на слушаниях появился Лорюло в качестве свидетеля защиты: он потребовал, чтобы тому также было предъявлено обвинение в связях с иллегалистами и в предоставлении им убежища. Не получив согласия, он открыто обвинил Лорюло в стукачестве!

Другой видный индивидуалист Маурициус открыто защищал дело «трагических бандитов», опубликовав апологию их «преступления»:

«под давлением неумолимой логики фактов мы уничтожим преступления общества преступлением против общества»¹²⁰. Хотя это звучало несколько возвышенно, скорее с литературным эффектом, он стал на некоторое время подпольщиком, был арестован в 1915 году и затем оправдан.

Тем не менее, явным фактом было то, что Бонно и его товарищи вышли из индивидуалистской анархистской среды, они строго следовали жизненным принципам, выдвинутым Либертадом и «научной школой»: потребители воды и вегетарианцы, они очень следили за собой и делали в тюрьме гимнастику. При всем этом они отказались прикрывать свои мерзкие поступки плащом Анархии. Они действовали не ради дела, а по крайней мере частично, как Жакоб и его «труженики ночи», ради самих себя, и именно из-за этого их сурово осуждала большая часть анархистов. Заметим также, что в подавляющем большинстве это была двадцатилетняя молодежь и действовали они с большой долей любительства: импровизированные «удары», недостаточная секретность, никакой настоящей организации последовательных операций (ничего удивительного для индивидуалистов!). В целом, похитители велосипедов и мотоциклов, слишком быстро перешедшие к нападениям на банки и агрессивным актам. Наконец, они сумели отважно заплатить за свои поступки. Оказавшись в числе мертвых, они сыграли вничью свой матч с обществом: девять девять. Вскоре люди в нашивках, на этот раз настоящие профессионалы, осуществили несравненно большую бойню, на Первой мировой войне.

Подводя итог рассмотрения иллегализма, приведем слова Виктора Мерики, согласно которому «опустошение, произведенное ими среди тысяч молодых энтузиастов, не поддается счету. Принося жертвы идолу иллегализма, анархисты заполнили тюрьмы и каторги. Они оказались во власти тюремщиков и охраны. Станный способ для реализации собственной жизни»¹²¹.

В связи с этими печальными событиями упадок в индивидуалистских кругах стал явным. Многим не хватило элементарного мужества, и заботясь только о себе, они не колеблясь прибегали к доносам и «сделкам». Это полностью подорвало доверие к учению.

В народном воображении существовал уже анархист, закладывающий бомбы, теперь, когда к нему добавился «бандит», французское анархистское движение оказалось под угрозой, затрагивающей его самые жизненные дела. Необходимо было строго следить за употреблением названия «анархист», отмежеваться от преступных «уклонистов». Этой задачей занялся съезд, состоявшийся в августе 1913 года. На нем собралось около 130 делегатов от 60 групп (24 парижских и 36 из провинции), и несколько индивидуалистов, нарушителей спокойствия, которые – это единственный подобный случай в анналах анархизма – были выдворены с заседаний.

Следует уточнить, что Маурициус, их рупор, прибыл на съезд с докладом о своей концепции анархизма, которая слишком резко отличалась от концепции участников съезда. Например, чтобы «права индивида не были задушены», в организационном плане он отрицал возможность проведения голосования, выделения большинства и назначения комиссий. Он усматривал в этом только опасность «вербовки сторонников и феодального подчинения группе руководителей». Принцип делегирования и мандатных полномочий, практиковавшийся на съезде, представлял собой «самое смехотворное явление, навязанное анархистам за пятьдесят лет»¹²². Отметим, что на выдворении Маурициуса особо настаивал Жан Грав.

На съезде была создана Анархистская Революционная Коммунистическая Федерация. В ее основу лег теоретический консенсус, сформулированный Себастьяном Фором и прочитанный собранию: антимилитаризм, антипарламентаризм, профсоюзная борьба и осуждение индивидуализма, отделенного с тех пор «непреодолимой пропастью» от либертарного коммунизма. Создавались региональные федерации, основанные на нерушимом принципе независимости индивидов внутри группы и автономии групп в рамках региональной или национальной федерации. Эти столь свободные связи не позволяли организовать достаточно последовательную деятельность, ничего другого, кроме кампаний по борьбе за общественное мнение, таких как кампания против закона о трехгодичной воинской службе и вообще против милитаризма. Вся деятельность ограничивалась таким образом пропагандой при помощи газет, брошюр и различных печатных изданий. Практическая задача проведения социальной и экономической борьбы против системы в действительности перешла к ГКТ. Такова была ситуация во Франции накануне потрясения 1914 года.

XIII

Священный союз и «последняя бойня»

Начиная с 1905 года франко-германское соперничество находится в полном разгаре. Со времен войны 1870 года существует спорный вопрос: французские патриоты не могут оторвать свой взор от знаменитой синей линии, проходившей по Вогезах и символизировавшей две утраченные провинции – Эльзас и Лотарингию. К этому следует добавить оголтелое соперничество в завоевании африканских колоний, а также беспокойство английского империализма, озабоченного сохранением своей «жемчужины» – Индии и других богатств от германских и турецких посягательств. Австро-венгерская империя со своей стороны, была вынуждена противостоять сербским ирредентистам. Именно здесь взорвалась пороховая бочка: в Сараево сербскими националистами убит наследник австрийского трона. Австрия объявляет войну Сербии, и из-за договорных обязательств в борьбу вступают союзники с той и другой стороны. В августе 1914 года вся Европа охвачена пламенем. Каково отношение к войне рабочих организаций в странах – главных участницах событий?

Вначале и прежде всего в Германии, стране, где рабочее движение было самым сильным, где социал-демократическая партия имела 110 депутатов (из 400) и около 4 миллионов голосов. Непосредственно зависящие от нее профсоюзы насчитывали более трех миллионов членов. Так вот, сорок лет классового сотрудничества привели к такому сращению Социал-демократии с национальной буржуазией, что 4 августа 1914 года она единогласно, с неистовством и энтузиазмом, голосует за военные кредиты! В декабре 1914 года только Карл Либкнехт проголосовал против новых кредитов, а в марте 1915 только Руле присоединился к нему и проголосовал против бюджета. Как объяснить подобную позицию, идущую вразрез со всеми резолюциями международных конгрессов социалистических партий? Трудно было осуществить попытку отказа от мобилизации немецкого рабочего класса в момент объявления военной мобилизации, поскольку она привела бы к беспощадным репрессиям (К.Либкнехт был впоследствии осужден

на четыре года тюремного заключения за свое противостояние войне) и в особенности к угрозе уничтожения всей социал-демократической деятельности, так тщательно строившейся на протяжении десятилетий. Кроме того, в богатых и мощных немецких профсоюзах повсеместно было распространено чувство тесной солидарности интересов рабочих и капиталистов в индустриальном и торговом развитии империи. Наконец, навязывалось представление об оборонительной войне против варварских орд царизма, символизовавших феодализм и реакцию. В этом социал-демократия остается очень верной Марксу, который был русофобом и считал, начиная с 1848 года, что Германия должна вести «революционную» войну против России.

В Российской империи, переживавшей полное экономическое развитие, пролетариат растет численно и политически: в канун объявления войны в Санкт-Петербурге стачечное движение охватило 250 000 рабочих. Самодержавие было не в состоянии справиться со всеми противоречиями, порожденными пережитками феодальных привилегий, экономическим ростом, националистскими движениями в ее многочисленных колониях (Финляндии, Польше, Украине, на Кавказе, в Азии и т. д.). Царь Николай II и его окружение понимали, что ничто лучше, чем хорошая маленькая война, не могло укрепить национальное единство и восстановить пошатнувшееся могущество государственной власти. Этот выбор в значительной мере оказался удачным: многие социал-демократы во главе с Плехановым встали на защиту Отечества против угрозы германского империализма. К ним массово присоединились социал-революционеры. Некоторые анархисты, как Кропоткин и Черкесов, жившие, однако, за границей, встали на сторону союзников, надеясь на преобразование царского режима в результате победы. Незначительное число социал-демократов, идейным вдохновителем которых был Ленин, проповедовали революционное пораженчество, то есть усматривали в победе центральных империй возможность падения царизма и социального обновления.

В Англии крепкие тред-юнионы, насчитывавшие более трех миллионов членов, и социалисты, располагавшие пятьюдесятью депутатами, выступили против войны и принимали в ней участие только с большой неохотой. Многие европейские страны придерживались политики нейтралитета: Италия (по крайней мере, в начале), Голландия и скандинавские страны, наконец, Испания и Португалия.

Во Франции проблема была более трудной для решения. Ладно, пусть в голосе социалистов, несмотря на убийство Жореса, «апостола мира», вновь зазвучали патриотические тона солдат второго года по революционному календарю (1793) и парижских коммунаров, призывавших выдворить вон германских захватчиков (заметим, что опасность в Европу приходит всегда с Востока, возможно, в этом остаток атавистического страха перед вторжениями варваров в начале

христианской эпохи?). Гюстав Эрве, из Социалистической партии, сторонник восстания, тот самый, который водрузил «трехцветный флаг на куче навоза», превратился в страстного патриота с кокардой. Жюль Гэд и Марсель Самба вошли в состав правительства «Священного Союза». Причина этого довольно понятна: здесь также речь идет о войне «оборонительной». Единственная разница состоит в том, что, чтобы «лучше защищаться», все атакуют: французы бросаются на освобождение Эльзаса-Лотарингии; немцы захватывают Бельгию, чтобы обойти французские позиции (и избежать потери 100 000 человек, как сказал впоследствии немецкий социал-демократический депутат д-р Костер, который сожалел о враждебности бельгийских рабочих, так как, в случае их согласия, они могли получить всеобщее избирательное право, законы в защиту матери и ребенка, социальное страхование, короче, «улучшение социального положения»¹²³).

Самый трудный выбор оказался для ГКТ, массовой организации с анархистским руководством, которую считали своей многие французские пролетарии. С самого начала она резко выступала против армии и милитаризма. Ивто и другие ее руководители много раз попадали в тюрьму по обвинению в антимилитаризме. ГКТ регулярно разоблачала гонку вооружений, закон об обязательной трехгодичной военной службе, ассигнования на армию, воинственные речи и угрозы вспороть животы всем врагам. Благодаря ее участию имела успех стопятидесяти-тысячная демонстрация парижан против военщины и милитаризма, состоявшаяся 16 марта 1913 года в Прэ-Сэн-Жервэ. Следует отметить в ее оправдание, что каждый раз ее попытка организовать совместное выступление против угрозы войны с немецкой конфедерацией, которая находилась в феодальной зависимости от социал-демократии, наталкивалась на отказ под предлогом необходимости идти политическим путем, то есть через посредничество соответствующих социалистических партий! Тем не менее, с давних пор линия ее поведения была четко определена: в случае явной угрозы войны и общей мобилизации объявить всеобщую забастовку, которая должна перерасти в восстание. Конечно, в июне 1914 года под влиянием Жореса произошел сдвиг: антимилитаризм ГКТ перешел в борьбу за мир. Этот нюанс представляет определенный интерес, поскольку отход от прежней линии нашел продолжение в манифесте 29 июля 1914 года, в котором ГКТ напоминает о своем враждебном отношении к войне, но одновременно подчеркивает ответственность Австрии (что сближает ее с официальной позицией правительства) и призывает к народным демонстрациям за мир по всей стране. Через день, после убийства Жореса, вопреки всякому ожиданию преобладает не возмущение против французских поджигателей войны, а констатация «свершившегося факта» и «начинающегося кризиса». На похоронах Жореса, 4 августа, Жуо произнес свою знаменитую речь, в которой долго и в очень хвалебных то-

нах (неоправданных из-за их политических расхождений) говорил о Жоресе, затем решил и заявил:

«мы не хотели этой войны (...) Мы станем солдатами свободы, чтобы завоевать для угнетенных свободный строй, чтобы создать гармонию между нациями посредством союза между народами. Этот идеал нам даст возможность победить»¹²⁴.

Это означало присоединение, сдержанное, но реальное, к делу нации, и именно за это Жуо получил право на поздравления от всех, от объединившихся левых и правых. Это был пресловутый «Священный Союз». По сравнению с антимилитаристской борьбой прошлых лет это был мир наизнанку. Как это объяснить? Сам Жуо объяснил впоследствии, что он хотел прежде всего, чтобы его слова не стали причиной каких-либо репрессий против рабочего класса, и он руководствовался именно этим чувством, произнося их. Действительно, существовала потенциальная угроза знаменитого «списка Б», включавшего более трех тысяч революционных активистов, занесенных в картотеки полиции в качестве опасных и подлежащих немедленному аресту в случае войны. Военный министр генерал Мессими публично угрожал «поставить к стенке» вожakov ГКТ и отправить в концентрационный лагерь борцов-антимилитаристов. Это не пустые слова, военщина в то время была всемогущей. Заместитель секретаря ГКТ Дюмулэн утверждал напрямик, что крутой поворот большинства Федерального комитета ГКТ вызван страхом: «мы боялись войны, мы боялись репрессий, просто потому, что мы были такими же людьми, как и все остальные»¹²⁵. Мобилизованный и отправленный в Верден, разделяя тяжкую жизнь солдат-фронтовиков, он оставил в августе 1915 года горестное и достойное похвалы свидетельство:

«В начале войны, как и на протяжении нескольких дней перед ее объявлением, по всей стране в равной мере проявилось бессилие пацифистов. Нигде антимилитаризм не подавил ни национальную гордость, ни расовые предрассудки. Нашему антимилитаризму, более крикливому, чем пацифизм германских трудящихся, не удалось обезвредить яд, широко разливаемый лживой прессой среди несведущих масс, находившихся вне влияния здоровой пропаганды. Нашим недостатком была завышенная оценка нашего антимилитаризма и для наших активистов было бы лучше принять ответственность за наше бессилие вместо того, чтобы возлагать ее на плечи вождей немецких рабочих»¹²⁶.

В другом месте Дюмулэн добавляет, что руководители ГКТ недостаточно интересовались игрой дипломатических союзов. Конечно, существовали секретные положения договоров, содержание которых было, наверное, трудно узнать. Однако Дюмулэн явно недооценивает ответ-

ственность немецкой социал-демократии, которая была все же очевидной. Несмотря на все, ответственность руководителей ГКТ также имела место, и не следует ее скрывать за внешними причинами. Несмотря на мощную волну ура-патриотизма, существовало меньшинство рабочих, готовое действовать, и если бы Федеральный комитет ГКТ объявил вопреки всему общую забастовку против мобилизации, он оказался бы прежде всего верным самому себе и стратегии, которой он следовал многие годы, затем реакция пролетариата умирала бы военный пыл. Между прочим, военные руководители, ответственные за мобилизацию, ожидали десять процентов дезертирства и радовались, получив всего два процента уклонений!¹²⁷ Вероятно, как объяснил сам Жуо, руководство ГКТ не только боялось за себя, но, в особенности, опасалось «варфоломеевской ночи» для своих лучших активистов.

Более того, не оправдывая при этом поведение Жуо и Федерального комитета ГКТ, приведем версию Монатта, оставшегося противником войны:

«Я не буду упрекать Федеральное бюро в том, что оно не объявило общую забастовку против мобилизации; нет! Мы были бессильны, и те, и другие. Волна прошла и унесла нас»¹²⁸.

Даже Мерргейм, главный противник Священного Союза внутри ГКТ, признал в 1919 году:

«Мы были полностью растерянными, потерявшими голову. Почему? Потому что в тот момент рабочий класс Парижа, движимый сильнейшим приступом национализма, не оставил бы агентам полиции заботу нас расстрелять. Он нас расстрелял бы сам»¹²⁹.

Как бы там ни было, Жуо стал официальным комиссаром страны и вместе с другими руководителями ГКТ до 1917 года принимал непосредственное участие в военных стараниях правительства.

Что касается анархистов, захваченные врасплох стремительностью событий, они не имели времени реагировать на них коллективно из-за отсутствия настоящей федеральной организации, и решения принимались индивидуально. Некоторые позволили себя мобилизовать, другие дезертировали и уехали за границу. Себастьян Фор отважно публиковал статьи, направленные против войны и «Священного Союза», но главное событие произошло в феврале 1916 года. Им стал Манифест Шестнадцати (на самом деле пятнадцати, поскольку по ошибке название местности было принято за шестнадцатое имя) в поддержку Союзников против Германии. Среди подписавших этот документ были видные активисты Кропоткин, Грав, Малато, Поль Реклю, Марк Пьерро, Корнелиссен и Черкесов. Их заявление было скреплено сотней подписей других анархистов, среди которых половину составляли итальянцы.

Хотя эта тенденция представляла крайне незначительное меньшинство в анархистском движении, она нанесла ему существенный ущерб. Чтобы объяснить эту сбивающую с толку позицию, следует обратиться к прошлому и провести параллель с позицией, занятой Карлом Марксом во время Франко-прусской войны в 1870 году, когда Маркс писал Энгельсу:

«Французы нуждаются в колотушках. Если победят пруссаки, то централизация государственной власти будет полезна для централизации немецкого рабочего класса. Кроме того, при перевесе немцев центр тяжести западноевропейского рабочего движения переместится из Франции в Германию. Стоит только сравнить движение в обеих странах с 1866 г. до нынешнего дня, чтобы увидеть, что немецкий рабочий класс в теоретическом и организационном отношении превосходит французский. Его перевес на мировой сцене над французским был бы в то же время перевесом *нашей* теории над теорией Прудона и т. д.»¹³⁰.

Этот документ стал известен читателям благодаря книге Джеймса Гийома *Карл Маркс пангерманист*, и должно быть вызвал сильную реакцию у старшего поколения анархистов, которые и без того презирали Маркса как могильщика Интернационала и по этой же причине питали отвращение к его наследнице, немецкой социал-демократии. Необходимо принимать во внимание этот субъективный и эмоциональный аспект, чтобы верно почувствовать дух этой эпохи. Также необходимо принимать во внимание тот факт, что Французская республика оказалась под угрозой со стороны императоров и их аристократической клики (хотя русское самодержавие в этом отношении было союзником скорее компрометирующим).

В начале боевых действий все были глубоко убеждены в непродолжительности войны. Во Франции некоторые энтузиасты, подбодренные накатывающейся массой русской армии, видели себя уже через три недели в Берлине. Когда боевые действия затянулись, часть страны оказалась захваченной и началась жестокая траншейная война, в которой противостояли огромные людские массы, со значительными потерями, цветы со стволов винтовок исчезли, уступив место критической ясности. Многие тогда заметили, как они позволили себя «оболванить» лживой пропагандой. Речь больше не шла о «самой последней» из войн – чтобы наступил вечный мир! – а о том, чтобы стать подопытными морскими свинками для ужасных машин для убийства и пушечным мясом, для того, чтобы грудь нескольких генералов засияла медалями. «Свежая и веселая» война обернулась для всех ужасающей бойней, в которой погибло огромное число мужчин в цвете лет.

С русской стороны первые успехи скоро сменились катастрофическими разгромами. На всеобщее обозрение наглядно предстали все по-

роки самодержавного строя: бездарное высшее командование, практически отсутствующее военно-техническое обеспечение, невероятный расцвет спекуляции и казнокрадства в тылу. Чтобы помочь западному фронту, русский генштаб отправлял в атаку на неприступные немецкие позиции, ошетинившиеся пулеметами и пушками, солдат, вооруженных плохонькими ружьями с несколькими патронами, без какой-либо артиллерийской подготовки, часто из-за нехватки снарядов! «Костлявая с косой» собирала обильный урожай. Миллионы убитых и раненых на русском фронте вызвали все более глубокое движение возмущения. В начале 1917 года из-за безобидного инцидента – отказа сотни казаков разогнать голодную демонстрацию в Петрограде – словно карточный домик обрушился трехсотлетний режим Романовых. Ему на смену пришло Временное правительство. Неспособное также положить конец войне, оно было свергнуто несколькими тысячами солдат и петербургских рабочих. Ленин и его сторонники большевики, а также союзники, левые социалисты-революционеры, установили новое правительство, Совет Народных Комиссаров, затем, в феврале 1918 года, подписали сепаратный мир с Германией и Австро-Венгерской империей.

Выход России из союзного лагеря Антанты был компенсирован вступлением в войну Соединенных Штатов, но боевой дух солдат упал, так как теперь все осознали абсурдность этой всеобщей войны, и, кроме того, находились под влиянием взорвавшейся русской революции. В апреле 1917 года на французском фронте вспыхивали солдатские бунты. Они жестоко подавлялись. Воспользовавшись поводом, власть генералов занялась пацифистами в тылу. Бывший лейтенант Эрве, Альмерейда, находившийся в заключении, был обнаружен мертвым в своей камере: он якобы «покончил с собой».

Себастьян Фор, который, несмотря на цензуру, издавал с помощью Маурициуса пацифистскую газету *Се киль фо дир* («Что следует сказать») стал жертвой грубой полицейской провокации: его обвинили в «оскорблении нравов», то есть в том, что он, якобы, щупал ягодицы какой-то девочке-подростку! Его, который на протяжении двенадцати лет был выдающимся педагогом в детской общине Ля Рюш («Улей»)! Несмотря на смехотворность обвинения, он все же был осужден к шести месяцам тюрьмы¹³¹. Он оправился от перенесенного морального потрясения только благодаря безотказной поддержке своих товарищей. Арман, при всем его индивидуализме, выступил против военной войны. Ему предъявили обвинение в том, что он помог дезертировать некому Реймонду Бушару, сомнительному типу, наркоману, который уже помог засадить на пятнадцать лет принудительных работ приютившего его пацифиста Гастона Роллана. Арман же «схлопотал» срок в пять лет!

Непокорный Луи Лекуэн, рабочий-садовник и бесстрашный анархист, уже осужденный за то, что отказался выступить, когда был солдатом в 1910 году, против железнодорожников-забастовщиков, затем

вновь брошенный в тюрьму на пять лет за антимилитаризм, ринулся сразу же после освобождения в ноябре 1916 года вместе со своими товарищами в ожесточенную пропаганду за немедленный мир. Он вновь был арестован и осужден. Начиная с 1911 года, в возрасте 24 лет, он в целом за одно десятилетие провел восемь лет в заключении! Многие десятки других анархистов, среди которых Лепти, который получил два года, были осуждены за пацифистскую пропаганду. И все это в силу «милосердных» методов (поскольку между тем «усмиритель забастовок» вновь вернулся к власти). Впрочем, анархист Эмиль Коттэн, возмущенный репрессиями, 19 февраля 1919 года выстрелил в «Отца Победы» и ранил его двумя пулями. Его присудили вначале к смертной казни, затем после вмешательства самого Клемансо к десяти годам заключения, в то время как месяц спустя убийца Жореса Вийен был оправдан!¹³²

Неплохо бы напомнить, что последовательные анархисты, в действительности являвшиеся большинством в движении, не отступили от своих убеждений, вопреки мнению, распространенному большевистскими клеветниками, которые тенденциозно выпячивали только позицию «Шестнадцати», присоединившихся к «Священному Союзу».

XIV

«Мираж советизма» и кризис анархизма

Установление в России в октябре 1917 года власти, представлявшей-ся как власть советов, является источником одного из самых трагических недоразумений века. Начиная с февральской революции 1917 года, которая свергла царизм, советы стали основными органами прямой демократии русских трудящихся. В условиях бессилия временного революционного правительства либералов и социал-революционеров, которым в конце руководил взбалмошный Керенский, двойственность властей способствовала все в большей мере тем, кто требовал «всю власть советам на месте и в центре» и, как следствие, «землю крестьянам, заводы рабочим» и, в особенности, «немедленного мира без аннексий и контрибуций». Ленин сумел замечательным образом приспособиться к этим лозунгам и особенно использовать их для свершения Октябрьского переворота 1917 года, якобы, во имя советов, а в действительности исключительно в пользу своей партии и ее единственного центра, принимавшего решения – центрального комитета. Эта подмена была вскоре раскрыта, но ввиду сложившихся обстоятельств она рассматривалась как временная. Русские анархисты, весьма многочисленные, но недостаточно организованные между собой, поддерживали большевиков и даже сотрудничали с ними. В действительности, им показалось, что большевики отбросили все наследие социал-демократии и примкнули к основным тезисам анархизма. С течением времени они заметили, что ничего подобного не произошло, что централизм и государственничество составляли по-прежнему основу взглядов Ленина и его правоверных сторонников. Однако гражданская война, иностранная интервенция и угроза реставрации постылого старого режима, заставили замолчать их критические голоса и привели их к непосредственному участию, под руководством партии большевиков, в защите того, что они называли «завоеваниями революции». Только в конце 1919 года, когда победа над белыми стала вероятной, когда новая большевистская власть проявила свою волю к гегемонии и когда она приступила к прямым репрессиям против анархистов, многие из них

отошли от нее, хотя, впрочем, далеко не все решились выступить против нее с оружием в руках. После подавления восстания кронштадских матросов в марте 1921 года их сдержанность превратилась в открытую вражду и разрыв свершился. Совершенно очевидно, что это случилось слишком поздно, новое самодержавие уже прочно устроилось, располагало сильным государственным аппаратом контроля и репрессий и было в состоянии противостоять без особых трудностей всем внутренним проявлениям недовольства.

Следует уточнить, что это явление присоединения к большевикам не было исключительно присущим только анархистам, а проявилось и в других старых революционных течениях, будь то эсеры, меньшевики, бундовцы (Еврейская социал-демократическая рабочая партия) и даже в инакомыслящих социал-демократических фракциях (до сих пор враждебный Ленину Троцкий примкнул к нему с момента его возвращения в 1917 году в Россию). Этот второй Священный Союз, претендовавший на революционность во имя «миража советизма», оказался, в конце концов, еще более губительным для русского и международного революционного движения.

Вернувшись в Россию после сорока лет изгнания, Кропоткин быстро осознал положение вещей, и в знаменитом *Письме рабочим Западной Европы*, 10 июня 1920 года, он изложил свой анализ ситуации. Он протестует прежде всего против военной интервенции держав Антанты против России, так как она была направлена прежде всего против русской социальной революции, которую он связывает с предшествовавшими ей английской и французской, и которая, по его словам, «стремится построить общество, в котором продукт комбинированных усилий труда, технической сноровки и научных знаний полностью служил бы сообществу в целом. Любая интервенция, – пишет Кропоткин, – усилила бы диктаторские большевистские методы и вызвала бы враждебность страны по отношению к западным народам. Он рассматривает как необратимый факт независимость бывших колоний Российской империи: Финляндии, Польши, стран Балтии, Украины, Грузии, Армении, Сибири и т. д. Он считает, что русская революция пытается продвигаться вперед там, где Французская революция остановилась, а именно в *фактическом* экономическом *равенстве*. К несчастью, эта попытка является делом «сильно централизованной диктатуры партии», продолжающей в некоторой степени централистскую и якобинскую концепцию Бабефа. Он считает, что это закончится провалом, и учит, «как не следует вводить коммунизм, даже если речь идет о населении, уставшем от старого строя и не оказывающем активного сопротивления опыту, проводимому новыми правителями. Идея советов, – продолжает он, – является «великой идеей», тем более, что они должны быть составлены «всеми теми, кто принимает реальное участие в производстве национального богатства своими личными уси-

лиями». В условиях диктатуры одной партии они теряют всяческое значение, особенно если полностью отсутствует свобода печати и избирательная кампания по их фактическому назначению. Эта диктатура является «смертным приговором для нового строительства». Новая бюрократия, созданная большевиками, еще хуже, чем французская, которая «требуется, например, вмешательства 40 чиновников, чтобы продать дерево, поваленное бурей на национальной дороге». Трудящиеся запада должны извлечь из этого уроки, ибо «полагаться на гениальность партийных диктаторов» это лучший «способ не свершить революцию, сделать ее осуществление невозможным». Кропоткин предостерегает против подобных директив и заканчивает призывом к большому Интернационалу, отличному от второго и третьего, которые оба были руководимы одной партией, интернационалу, который объединил бы профсоюзы мира, всех тех, кто производит богатство мира, чтобы «освободиться от теперешнего порабощения Капиталом».

В 1920 году, во время посещения одного иностранного товарища, старый апостол либертарного коммунизма заявил также, что «коммунисты с их методами, вместо того, чтобы повернуть народ на путь коммунизма, закончат тем, что заставят его ненавидеть даже само его название»¹³³. Эти пророчества, увы, оказались более чем точными, хотя Ленин начал пользоваться этим термином только с 1918 года с явной целью прикрыть этим благородным термином свою теоретическую галиматью, которую социал-демократ Шарль Раппопорт квалифицировал попросту как «бланкизм под татарским соусом».

Анализ, данный Кропоткиным, разделяло подавляющее большинство русских анархистов, но часть из них, которой нельзя пренебречь, предпочла, тем не менее, продолжить сотрудничать с большевиками, пусть даже им пришлось официально поступить в их партию. Так случилось, среди прочих, с нашим старым знакомым Кибальчицем, бывшим Непокорным, поклонником «мужской силы бандитов», бывшим редактором *Анарши* и бывшим теоретиком индивидуалистского анархизма, ставшим теперь Виктором Сержем. Его начальник Зиновьев, председатель Коммунистического Интернационала, поручил ему неудобное задание оправдать свое отступничество. Он это выполнил, опубликовав во Франции в 1921 году брошюру *Анархисты и опыт русской революции*¹³⁴.

В своем предисловии этот тип не побоялся утверждать, что многие иностранные анархистские активисты – среди которых Лепти и Вержа, таинственно исчезнувшие в пути во время их возвращения во Францию, исчезновения, по поводу которого он, конечно, мог бы внести «свою» ясность, – «выразили согласие» с идеями, которые он проповедует на этих страницах. Он констатирует, несмотря на все, что во многих странах «значительное число анархистов считает своим долгом принять по отношению к диктатуре пролетариата в России определенно враждебное отношение, которое обнаруживает чаще всего отсутст-

вие опыта и чреватый опасностями традиционализм»(!). Он возлагает на себя обязанность повторить здесь несколько «элементарных истин». Имея «опыт войны и революции, следует приступить к полному и методическому пересмотру наших идей». Действительно, но в каком смысле? В смысле «нового факта» в истории: « победы октябрьской революции (...), победы советов (...), победы социальной революции». Эта прогрессия хорошо отражает официальную ложь большевиков о совпадении государственного переворота с противоположными ему понятиями: советы и социальная революция. Затем следует большая ложь самого Виктора Сержа: «социальная революция в России является в своей большей части свершением большевизма». Он прибыл на место событий только в начале 1919 года, а значит, он не вправе судить об этом, но это так удобно – распространять официальную версию, что он поспешит сделать это впоследствии во Франции в своих двух мифоманских произведениях: *Год I* и *Год II революции*. Данное им определение большевизма подстать его простоватой тяжеловесности: «левое движение в социализме – что сближает его с анархизмом – вдохновляемое волей к немедленному осуществлению революции. Главное в большевизме сводится к этим трем словам: воля к революции». Свести социальную революцию к властным аппетитам небольшой касты интеллигентов-доктринеров – это достижение! Все это лишь игра слов, прием, в котором он уже преуспел ранее, как мы это видели. Но имеется и более серьезное – оправдание большевистского террора:

«С точки зрения тех, что ее (Революцию) делает, это тяжелая и опасная работа, иногда грязная работа, за которую следует приниматься, обув сапоги до колен, закатав рукава, не страшась тошноты. Речь идет о том, чтобы очистить землю от гнили старого мира. Нужно будет перелопатить много грязи, и в этой грязи будет много крови».

В этом чувствуется душок Нечаева, говорившего о «революции на полных парах, через кровь и грязь». Красный террор должен был применяться «под страхом смертной казни», «слабость могла бы привести к поражению». Красный террор не привел бы к белому террору «в сто раз более жестокому». Здесь Серж приводит в пример Парижскую Коммуну, в которой версальцы якобы за две недели истребили втрое больше жертв, чем красный террор в России за три года революции! От этой непомерной лжи его нос должен был стать значительно более длинным, как у Пиноккио. Чекистский идеолог Лацис сам признал, что было около миллиона семисот тысяч жертв красного террора, большое число из которых составляли рабочие и крестьяне. Не моргнув глазом, Серж сводит эту «грязь и кровь» до какого-то незначительного десятка тысяч жертв. Речь идет в этом случае о преднамеренном обмане, ибо он находился в самом Петрограде и прекрасно мог видеть подноготную статистики большевистского режима.

За этим следует пассаж в духе индивидуалистского анархизма, полный презрения к массе, «извращенной старым строем, относительно неграмотной, раздираемой чувствами и инстинктами прошлого». Все это подводит к оправданию революционной диктатуры: «Я признаюсь, что не понимаю, как можно быть революционером (разве только чисто индивидуалистским образом), не признавая необходимость диктатуры пролетариата». Чтобы эти слова соответствовали действительности, ему следовало бы написать «над пролетариатом». На тот случай, если его не совсем поняли, ниже он резюмирует квинтэссенцию своего нового кредо:

«Упразднение так называемых демократических свобод; диктатура, опирающаяся в случае необходимости на Террор; создание армии: централизация в военных целях индустрии, снабжения, управления (откуда всевластие государства и бюрократия); наконец, диктатура одной партии...В этой опасной цепи необходимостей нет ни одного звена, которое можно было бы удалить, ни одного звена, которое не было бы жестко обусловленным тем, которое ему предшествует, и которое не обуславливало бы звено, которое за ним следует».

Приведем мысль, на которой он особо настаивает: «Любая революция это принесение в жертву настоящего во имя будущего». Здесь следует задаться вопросом, тот самый ли это Кибальчич, которого раньше называли Непокорным, изъясняется подобным образом. Души его бывших друзей из банды Бонно должно быть вздрогнули, читая подобную нелепость! Понятно, что Виктор Серж-Кибальчич, проникшись с пылом своей новой верой, считал своим долгом продемонстрировать преданность и оправдать свою принадлежность к партии большевиков, этому «энергичному и новаторскому меньшинству, вынужденному восполнить насильно недостаток воспитания отсталых масс (!?)», но какое все же предательство идеалов своей молодости и самоотречение, чтобы осуществить это подлое дело! Сей несчастный господин на этом не остановился, услуживая в качестве официального чичероне иностранным анархистам и революционерам, приезжавшим с визитом в красную Мекку, он на протяжении некоторого времени оболванивал мозги и писал отчеты кому следует. Ничего удивительного в том, что каких-то пятнадцать лет спустя его можно было найти среди претендентов называться жертвами сталинизма!

Среди анархистов, присоединившихся к большевизму, к счастью, оказалось немного достигших такой степени раболепия. Большая часть из них или вышла из партии, если они были ее членами, или же отмежевались от нее после подавления Кронштадтского восстания, затем после запрета на отклонения внутри партии и после последовавшего за ним введения нэпа. Так поступили, в частности, Александр Беркман и Эмма Гольдман.

«Мираж советизма» имел такие же губительные последствия и за границей, в особенности во Франции. Правительственная цензура, сопровождавшаяся разоблачением большевиков, пособников Германии вплоть до 1919 года, в значительной мере способствовала этому. Следуя принципу «враги моих врагов мои друзья», многие противники войны приняли Ленина и его сторонников за настоящих последовательных пацифистов. Миф о «власти советов» завершил убеждение самых революционных элементов, значительное число среди которых составляли анархисты. До такой степени, что первая Коммунистическая партия, французская секция Коммунистического Интернационала, созданная в начале 1919 года, признавала «временную диктатуру пролетариата». Ее составляли почти исключительно анархисты. Менее всего удивительно не то, что там вновь можно было встретить бывших индивидуалистов теперь уже в качестве ярых сторонников большевизма. Лорюло писал в ноябре 1918 года, что в «период революции некоторая диктатура необходима». В 1921 он продолжает настаивать: «железная диктатура пролетариата» будет «диктатурой элит над скотами». Маурициус и даже Арман признаются, что испытывают «некоторую симпатию» по отношению к большевикам. Шарль-Огюст Бонтам также считает, что диктатура является «злом, но злом необходимым чтобы помочь «установить коммунистическую систему»¹³⁵.

На своем съезде 25-28 декабря 1919 года Коммунистическая партия преобразуется в Коммунистическую федерацию советов, что свидетельствует о преимущественном влиянии анархистов, так как ее структура была федеральной: базовые советы образуют советы регионов, которые в свою очередь избирают центральный совет, а вся система в целом отражает стремление к постоянному контролю снизу. Иными словами, следует сразу же отметить, Москва никогда не признала существование этих двух коммунистических организаций, отдав все свое предпочтение партии, появившейся в результате раскола Социалистической партии на Турском съезде. Тем не менее, этот случай достаточно красноречиво свидетельствует об ослеплении многих либертарных товарищей «миражем советизма». Впрочем, большинство из них вновь вернулось в лоно анархизма, за весьма примечательным исключением некоторых революционных и анархистских синдикалистов из ГКТ, принадлежавших к меньшинству, враждебному по отношению к Жуо: Моннатт, Росмэр, Амэдэ Дюнуа и др. Этим, последним, потребовалось значительно большее время, чтобы заметить свое заблуждение.

Между тем, поскольку информация распространялась лучше, а совпадающих между собой свидетельств становилось все больше, с большевистского режима упала советская маска, и все смогли убедиться в его настоящей сущности. Чтобы лучше от него отмежеваться, Анархистская коммунистическая федерация 1914 года, сразу же после своего воссоздания, поменяла название на Союз Анархистов (СА), открыто и окончательно враждебный к большевикам, начиная с конца 1920 года.

Дюмулэн и Мерргейм, оба лидера меньшинства в ГКТ, враждебного по отношению к «Священному Союзу», в отличие от Росмэра, не позволили Ленину себя одурачить. Мерргейм столкнулся с ним в Циммервальде в 1915 году и сразу понял, что это за личность: «он гэдист, в сто раз более сектантский, чем все гэдисты вместе взятые, и это значит немало», желающий только «диктатуры над всем и над всеми, своей собственной диктатуры, даже если цивилизации придется откатиться назад на целое столетие». Этот активист рабочего движения находил в «мистицизме обожателей Ленина» то же чувство, которое двигало двадцать лет назад энтузиастов генерала Буланже, тот же неосознанный пыл индивидов, «ищущих спасителя, человека, который сделает для них революцию»¹³⁶. Дюмулэн, вернувшийся в лоно Конфедерации к Жуо и ставший «сильным человеком» Конфедеративного комитета, решительно выступил против промосковских элементов и стал главным виновником профсоюзного раскола в 1921 году с пробольшевистски настроенным меньшинством и его анархистскими сторонниками. Таким образом, ГКТ, подобно международному рабочему движению, оказалась расколотой на три фракции: ГКТ во главе с Жуо, членом Амстердамского Профсоюзного Интернационала, большевизированная ВКТО, вошедшая в Красный Профсоюзный Интернационал и Революционная Синдикалистская ГКТ Пьера Бенара и анархо-синдикалистов, примкнувшая к Международной Ассоциации Трудящихся, которая имела свою штаб-квартиру в Берлине.

Французское и международное анархистское движение, уже ослабленное войной, оказалось еще более разрозненным в новой ситуации, созданной пришествием большевизма. Съезд Союза анархистов состоялся только в ноябре 1920 года, около семи лет спустя после предыдущего (1913). Международный съезд был раньше намечен на сентябрь 1914, но состоялся только в декабре 1921 года в Берлине. Анархисты были застигнуты врасплох событиями, чтобы не сказать полностью утратили контроль над ними. Очевидной причиной такого положения явилось отсутствие связи и попросту элементарной организации. Достаточно представить себе, что могла осуществить организация типа бакунинского Альянса: принять общую точку зрения, обнародовать ее, определить практическую линию поведения и провести ее в жизнь, – как по поводу войны, так и относительно феномена большевизма. Вместо этого наступила длительная пауза, за ней последовал общий раскол сил. На съезде Союза анархистов в Лионе Маурициус, пришедший в себя после большевистского увлечения, наступившего в результате девятимесячного пребывания на месте событий, предложил своим товарищам выработать аграрную и индустриальную программу, с тем чтобы последующие революционные кризисы не застали анархистов врасплох. Другой участник съезда предложил даже организовать школы для активистов. В целом, на съезде подчеркивалась первостепенная важность изучения проблем политического, аграрного и индустриального плана.

Что касается индивидуалистов, их все более и более отстраняют от съездов и организаций. Впрочем, Лорюло окончательно отошел от анархизма и целиком посвятил себя разоблачению клерикализма. Арман заявил, что он больше не революционер, и посвятил себя с этого момента своему хобби – «любовной дружбе» и даже основал «Интернационал для борьбы против телесного собственности, сексуальной ревности и любовного эксклюзивизма»! С такой же серьезностью он выдвигает требование личной собственности индивида на средства производства и становится «папой» небольшой секты, которая исключала любые социальные интересы, рассматривая «хитрость» в качестве единственного средства выкарабкаться для «свободного от предрассудков» индивидуалиста.

Однако, утверждение индивидуальной автономии не являлось исключительным делом индивидуалистов, а, как было показано выше, константой международного анархистского движения, и, в особенности, французского. Это понятие, в сочетании с автономией групп в организации, опиралось на непреложный принцип свободного согласия. Настоящая проблема состояла именно в этом. В статье, озаглавленной «Объединимся в организацию», Лекуэн настаивает на необходимости «строного единства», чтобы противостоять неэффективности движения. Другой видный активист Жорж Бастэн пишет: «мы получим максимум отдачи с точки зрения пропаганды и действия только через организацию». Осознавая в 1925 году сдержанное отношение некоторых догматичных приверженцев индивидуальной автономии, он бичует их, утверждая, что они «боятся нанести вред собственному «я» в организации. Именно поэтому они отбрасывают идею организации категорически прямо или косвенно, цепляясь к каждой мельчайшей детали. Все их отталкивает в постоянном объединении»¹³⁷. Необходимость создания особой сплоченной и спаянной организации ощущается все сильнее, даже если для этого приходится подвергнуть пересмотру некоторые традиционные ценности учения. Именно эту задачу ставят перед собой несколько из уцелевших участников русского и украинского анархистского движения, нашедших в тот год убежище в Париже.

Самое глубокое поражение анархисты испытали в России. На протяжении всего 1917 года их ряды постоянно укреплялись, так что Анархистские федерации Петрограда и Москвы насчитывали десятки тысяч членов, издавали каждая свою ежедневную газету. Такая же ситуация имела место и во всех важных центрах страны. Участие анархистов в неудавшемся восстании против Керенского в июле 1917 года, во всех стачечных движениях и, конечно же, в октябрьских боях 1917 года, результатами которых воспользовались только большевики, свидетельствует о решающем влиянии, которое они имели в этот момент. И тем не менее, анархисты не сразу перестали доверять новой ленинской влас-

ти, они в некоторой степени утратили к ней интерес, увлекшись непосредственным осуществлением социальных и экономических преобразований, о которых так долго мечтали. Причина также не в том, что они оставались неорганизованными: в Москве анархисты образовали 50 отрядов черной гвардии, имевших общий штаб и насчитывавших тысячи членов. Атака последовала с самой неожиданной для них стороны: в ночь с 12 на 13 апреля 1918 года все 26 московских анархистских клубов были взяты штурмом подразделениями, подчинявшимися большевикам и их союзникам левым эсерам. Чтобы избежать братоубийственного столкновения, 600 анархистов сдались. Осенью 1918 года черногвардейцы Москвы почувствовали себя достаточно сильными, чтобы наметить свержение Ленина, от этого намерения их удержала только опасность контрреволюции. Действительно, «Священный Союз» вокруг большевиков против угрозы реставрации старого режима в дальнейшем спутал все карты и способствовал постепенному и необратимому отступлению анархистов на второй план¹³⁸. В это время Кропоткин сожалел об отсутствии достаточной связи между анархистами и выдвинул проект создания «анархистской партии», чтобы «не сидеть сложа руки». Он употребляет слово «партия» в ином смысле, отличном того, который в него вкладывают политики, но это по той единственной причине, что слово «группа» кажется ему слабым и ограниченным, чтобы противостоять ситуации. В действительности, он хотел бы иметь Анархо-синдикалистскую партию, объединяющую «ядро анархистских борцов, честных, преданных и способных преодолеть свое личное тщеславие», и жалеет, что он уже недостаточно молод, чтобы полностью отдаться этому. Следует заметить, что он отдает предпочтение личным контактам и переписке перед прессой и печатным словом¹³⁹.

На Украине события развивались по-иному. Поначалу большевики там практически отсутствовали, а затем нашли опору в замечательном махновском повстанческом движении, руководимом местными анархистскими группами. Скажем вкратце, что им с большим трудом приходилось овладевать ситуацией. Следует отметить, что на Украине существовала на протяжении ряда лет мощная анархистская конфедерация Набат. Ее апофеозом должен был стать всероссийский анархистский съезд в Харькове в ноябре 1920 года, к сожалению задушенный в зародыше сторонниками Ленина, которые быстро учуяли опасность.

Организационная структура и функционирование Набата заслуживают рассмотрения: организация имела специфический характер и ставила перед собой исключительную задачу пропагандировать либертарные идеи среди трудящихся. Активисты и сочувствующие были организованы в группы и кружки, по рекомендации членов групп сочувствующие могли быть приняты в организацию. Группы объединялись в районные или городские федерации, которые в свою очередь состав-

ляли Конфедерацию. Каждая группа избирала секретаря, на которого возлагалось руководство ее деятельностью и связь с другими группами и организациями. Районные и городские федерации создавали секретариат, избравшийся на общем съезде. Секретариат занимался обеспечением групп литературой, необходимыми пропагандистами и организаторами и отвечал за общую деятельность федерации. Делегаты групп образовывали совет федерации, который рассматривал все дела, касающиеся организации, его решения проводились в жизнь секретариатом федерации. Секретариат конфедерации избирался съездом всех входящих в нее анархистских организаций и выполнял свои обязанности до следующего съезда. В его компетенцию входила публикация печатного органа, издание книг, организация школ пропагандистов, распределение активистов между организациями, созыв съездов и поддержание отношений с анархистскими организациями других стран. Организационная дисциплина состояла в моральном обязательстве каждого члена проводить в жизнь принципы и задачи организации. В частности, любую взятую на себя ответственность следовало выполнять до конца. Любое выступление от имени группы должно быть предварительно обсуждено и одобрено на общем собрании группы. Ответственные должны были регулярно отчитываться о выполнении порученных им задач.

Конфедерация Набат, объединявшая анархо-синдикалистов и либертарных коммунистов, привлекла внимание к злоупотреблению именем анархистов разного рода сомнительных элементов и рекомендовала разоблачать их устно или в листовках и публикациях. Она напоминала, что никакой достойный этого имени анархист не может быть членом Чека, какой-либо милиции, суда, быть тюремщиком или участвовать в других учреждениях репрессивного характера. Также никакой анархист не может быть директором или руководителем учреждения властно-бюрократического типа. Эти практические резолюции, взятые из большого числа других резолюций, принятых во время первой Конференции Набата, состоявшейся 12-16 ноября 1918 года, показывают серьезность этого типа организации и объясняет ее хорошее функционирование на протяжении более чем трех лет. Мы не располагаем достаточной информацией о других организациях, существовавших в то время в России и в других частях страны, но нет никакого сомнения, что если бы в общих чертах они соответствовали пожеланиям Кропоткина и принципам Набата, ход событий от этого был бы другим¹⁴⁰. Таким, по крайней мере, было глубокое внутреннее убеждение группы русских анархистов в изгнании, осевшей вначале в Берлине, затем в Париже, и имевшей в своих рядах Петра Аршинова и Нестора Махно. Эта группа впоследствии попыталась проанализировать действительные причины поражения анархистского движения в России и извлечь из него уроки как в теоретическом, так и в практическом плане для

международного движения. В этом состояло счастливое совпадение с интересами французских товарищей, потрясенных отступничеством «Священного Союза» и возрастающей большевизацией рабочего движения.

XV

Организационная Платформа группы *Дело Труда*

Поскольку фигура Нестора Махно достаточно известна, приведем некоторые биографические сведения о Петре Аршинове (настоящая фамилия которого Марин). По профессии он был рабочим-слесарем и начал свою трудовую деятельность железнодорожником на востоке Украины. В 1904 году, в семнадцатилетнем возрасте, он проникся симпатией к идеям большевистской фракции Российской социал-демократической рабочей партии, но скоро заметил их несоответствие революционной ситуации, в которой в то время находилась страна, и стал либертарным коммунистом. Это было время вооруженной борьбы для противостояния жестоким репрессиям со стороны царских приспешников: так, 23 декабря 1906 года, когда ему исполнилось только девятнадцать лет, он взорвал здание, в котором находились участники карательной полицейской экспедиции. При этом погибли многие казацкие офицеры и жандармы. Немного позже, 7 марта 1907 года, он публично убил выстрелом из револьвера начальника железнодорожных мастерских города Александровска, виновного не только в систематических издевательствах над рабочими, но и в том, что во время забастовок и восстаний 1905-1906 годов он выдал полиции сто двадцать рабочих, около сотни из которых были осуждены к смертной казни или отправлены на каторжные работы. Арестованному и приговоренному к смерти Аршинову, в невероятных условиях, удалось бежать, благодаря помощи своих товарищей, затем он продолжил свою деятельность. Вновь схваченный и осужденный к смертной казни, он еще раз успел бежать. Ничуть не упав духом, он продолжает активную борьбу, переправляет контрабандой через австрийскую границу оружие и анархистскую литературу. После ареста в 1910 году, благодаря счастливому стечению обстоятельств и удачному использованию различных псевдонимов, Аршинову отвел от себя подозрение в некоторых террористических актах и он был осужден только к политической каторге в Бутырьках в Москве¹⁴¹. Там он встретился с Махно, и между ними установились прочные

дружеские и идейные связи. Они решили даже начать в будущем совместно издавать либертарный коммунистический теоретический журнал, отсутствие которого уже чувствовалось в эту эпоху.

Февраль 1917 года распахнул ворота тюрем для оставшихся в живых участников той героической эпохи. Аршинов остается в Москве и интенсивно участвует в работе местной Анархистской федерации. Во время своего пребывания в Москве, в мае-июне 1918 года, Махно настойчиво попросил его вернуться на Украину и вместе вести борьбу. Аршинов прибыл туда в начале 1919 года и немедленно занял важный пост в культурной комиссии махновского движения, взяв на себя, среди прочего ответственность за публикацию печатного органа повстанцев. Он оставался в движении до конца 1920 года, и тогда ему было поручено написать его историю. Пребывая на нелегальном положении в Москве, он выполнил свою задачу, но не без труда, так как ему пришлось четыре раза заново писать свой труд, поскольку первые рукописи были захвачены Чека во время обысков. Он подпольно выехал в Берлин, там издал свою книгу и принимал участие в деятельности русских анархистов, нашедших там пристанище. Так, он издает вместе с ними первый журнал *Анархистский вестник* (на русском языке), семь номеров которого появились с июля 1923 по май 1924. Встретившись вновь с Нестором Махно, которому пришлось испытать наихудшие трудности, пройти через всю Европу, чтобы ускользнуть от провокаций Чека, они решили укрыться, уехав жить в Париж. Там они основали в 1925 году журнал *Дело труда*, в котором вскоре появились отличные исследования и анализы. В нем принимали участие анархисты соотечественники, а также поляки Валец-кий, Ранко (Гольденберг), эмигрантка из Прибалтики Ида Мэтт (Жильман), отлично владевшие русским языком. В результате коллективных размышлений в июне 1926 года они опубликовали *Проект Организационной Платформы* для всеобщего Союза анархистов, которой суждено было стать вехой в истории анархизма. Этот текст долгое время был известен как Платформа Аршинова, так как его подпись как секретаря группы стояла под введением. Это ошибочное мнение, этот труд был написан в коллективной редакции, изложение его основных идей также было делом коллектива. Впрочем, многие последующие тексты были подписаны коллективно всей группой. Это будет показано путем хронологического исследования их появления в *Деле труда*.

В августе 1925 года появилась статья Аршинова *Наша организационная проблема*, которая послужила, в некотором роде, сигналом для всего процесса. Автор не только тщательно рассматривает политическую ситуацию в России, констатирует урон, нанесенный большевизмом, но и произносит *mea culpa* от имени анархистского движения, которое в ходе революции непростительно опоздало в теоретическом и организационном плане, ограничиваясь зачастую позициями, конечно,

верными, но слишком общими, действуя в то же время распыленно, многочисленными небольшими группами, часто расхившимися во многих тактических вопросах. Сохраняя трезвость ума, Аршинов без поспешности изучает все перспективы, которые способны были предложить большевики, русские социалисты и либералы. Первые могли пойти только по пути «длительной эксплуатации и порабощения масс». Единственный вопрос состоял в том, поделят ли они власть с буржуазией. Вторые, как сторонники государства, представляются только как партии «социалистических обещаний и ничего более». Что касается либералов и откровенных монархистов, они пойдут по пути присоединения к большевикам, только для того, чтобы вернуть себе часть привилегий. Анархисты остаются единственными действительными сторонниками социальной революции, которые ведут рабочее движение *вперед, а не назад*.

Одно сознание этого должно удесятирить наши силы и вдохновить нас на дальнейшую упорнейшую борьбу.

Тяжел и скорбен путь борющегося труда. Не раз и не два усталость и сомнения охватят революционные ряды. Но сколь бы тяжел ни был этот путь, никто из нас не согласится отказаться от борьбы и помириться с тем или иным видом рабства.

– Духа не угашайте – завет этот, более чем когда-либо, должен гореть теперь в душе каждого труженика и революционного борца.

Аршинов подчеркивал «расхождения, разногласия, отсутствие солидарности и коллективной ответственности», которые до этого времени мешали анархистскому движению играть главную роль в социальной борьбе. Единственное решение состояло в «совместной организации наших сил на основе коллективной ответственности и метода коллективного действия»¹⁴².

Черняков, видный представитель анархизма во время революции, публикует статью *Неотложная задача*, в которой он ратует за создание анархистской партии, которая не будет иметь ничего авторитарного и ничего общего с государственниками социалистических партий¹⁴³. Ее образцом могла бы стать бакунинская Юрская федерация. В следующем номере ему ответил Волин, отбрасывая возможность употребления термина «партия», на котором слишком большой отпечаток оставило стремление к государственной власти. С его стороны это не было формализмом, так как он напоминает о том, что назначение председателя собрания не так давно рассматривалось как антианархистский акт. Как бы там ни было, Волин приводит в качестве образца организации украинский Набат, в котором он принимал участие на протяжении некоторого времени. Он к этому, впрочем, возвращается в статье, в которой комментирует активность Набата и, в частности, декларацию и резолюции, принятые на Конференции в Курске. Ему

было поручено написать теоретическую платформу, задачу, которую он не смог довести до конца, но определенное представление о ней дает его предложение взять из каждой анархистской тенденции, а именно, коммунистической, синдикалистской и индивидуалистской, то, что может быть совместимым между ними, и отбросить остальное. Это более или менее тот же синтез, который он предложит впоследствии совместно с Себастьяном Фором. Организационная проблема ему представляется второстепенной важности, хотя она должна вдохновляться Набатом, который представлял собой «союз на основе федерализма, с некоторыми элементами естественного, свободного и технического централизма, то есть (не следует бояться слов), слиянием между братской и свободной дисциплиной и коллективной ответственностью». Именно дисциплине посвящена и статья Махно, опубликованная в том же номере журнала¹⁴⁴.

В то время переписка с товарищами, оставшимися в СССР, даже депортированными, была еще возможной, поэтому в каждом номере журнала была посвященная им рубрика. Некоторые из них придавали большое значение организации, настолько она им кажется необходимой, и сдержанность по отношению к ней казалась им, с точки зрения их положения, непонятной или ребяческой.

Наконец, в десятом номере за март 1926 года появился коллективный ответ группы русских анархистов за границей на статьи Волина о Синтезе. В нем Синтез систематически отвергался как непоследовательный и несоответствующий истории анархизма (намек на запоздалое присоединение Волина, незадолго до 1914 года, к либертарным идеям). В статье *Организационная проблема и идея синтеза* утверждается, что речь не идет о том, чтобы произвести переворот в учении, его становым хребтом остается «либертарный коммунизм», а о том, чтобы черпать вдохновение в «материале, накопленном анархизмом на протяжении всех лет его жизненного процесса и его социальной борьбы».

В июне-июле 1926 года, в номере 13-14, появилась первая часть *Организационной Платформы*. В конце номера Ида Мэтт делает отчет о собрании 20 июня 1926 года – дата появления *Платформы* и первая годовщина журнала. По этому поводу были приглашены многие французские, итальянские, болгарские и другие товарищи (даже один китаец).

Первым выступил Аршинов, как секретарь группы, он вкратце резюмировал предпринятый группой демарш и представил *Платформу* как результат ее коллективного размышления, которое привело к единой идеологической ориентации и тактике. Оратор добавил, что работа, проведенная группой, может иметь значение для международного анархизма, поскольку она первой наметила путь для отбора и концентрации анархистских сил, и нет другого пути, чтобы обеспечить их мировое развитие. Затем выступил Махно, он обратил внимание на

отсутствие до революции влияния анархистов на крестьян и объяснил это, с одной стороны, отсутствием организационного духа среди анархистов и распространенным среди них предрассудком о мелкобуржуазном характере крестьянства, с другой. Он считает, что *Дело труда*, выполняет основной труд по осуществлению революционных и политических задач анархистского движения. Затем с короткой речью выступила Мария Корн, которая одобрила работу, проводимую *Делом труда* и пожелала ему успеха. После нее слово взял Себастьян Фор, подтвердивший, что он также давно ратует за крепкую анархистскую организацию. Однако он не считает, что в ней можно объединить сторонников противоположных тенденций. В заключение он напомнил, что состоит во французском анархистском движении уже 35 лет и не видит, где находится тот кризис, который он якобы должен переживать. Один из болгарских товарищей в своей речи поддержал выступление *Дела труда*, так как попытка создания «синтетической» анархистской организации в Болгарии ни к чему не привела. Китайский товарищ заявил, что между политическим, экономическим и социальным положением Европы и Китая существует такая диспропорция, что к ним невозможен одинаковый подход. В Европе имеется такой технический и культурный прогресс, что анархисты должны бы больше действовать, чем болтать. За недостатком времени заседание на этом закончилось, хотя записалось еще много желающих выступить.

Публикация *Платформы* была продолжена в последующих выпусках журнала. Каково же ее содержание? Аргументы, выдвинутые в первых статьях *Дела труда*, получили в ней дальнейшее развитие. Основная причина поражения анархистского движения состоит в «отсутствии твердых принципов и последовательной организационной практики». Анархизм должен «объединить свои силы в общую действующую организацию, как этого требует действительность и стратегия социальной борьбы классов», что прямо соответствует бакунинской традиции и пожеланиям Кропоткина. Такая организация устанавливала бы для анархизма общую тактическую и политическую линию, ведущую к «коллективной организованной практике». Для осуществления всего этого необходимо выработать согласованную программу. *Платформа* представляет ее главные линии, которые следует углубить и расширить всем коллективом Всеобщего Союза Анархистов. Платформа состоит из трех частей: общей, в которой сформулированы и подтверждены основополагающие принципы либертарного коммунизма – борьба классов, необходимость насильственной социальной революции, отход от демократии, отрицание государства и власти, роль анархистов и масс в социальной борьбе и революции, переходный период и синдикализм; в конструктивной части рассматриваются проблемы промышленного и сельскохозяйственного производства, потребления, затем защиты революции; наконец, последняя часть программы посвящена

принципам анархистской организации, основывающейся на идеологическом единстве, единстве тактики или коллективном методе действия, коллективной ответственности, федерализме и полномочиях Исполнительного комитета Всеобщего Союза Анархистов (см. полный текст, приведенный в приложении)

В сентябре 1926 года, в шестнадцатом номере журнала, Ида Мэтт возвращается к вопросу об *идеологическом руководстве массами*. Она объясняет, что под этим следует понимать, что анархисты должны превратить свою концепцию революции в доминирующую среди трудящихся, а не стремиться захватить государственную власть подобно политиканским партиям. В следующем месяце она публикует подробный отчет о собрании, посвященном обсуждению *Платформы*, продолживший краткую информацию от 20 июня.

Первым на нем выступил Аршинов, который вновь констатировал отсутствие определенной идеологии и четких организационных принципов. Кто виноват, – спрашивал он, – объективные обстоятельства или мы сами? Сам Аршинов склоняется ко второму ответу. Он приводит в качестве примера Кронштадт: если бы в момент восстания в марте 1921 года существовала анархистская организация, движение распространилось бы на всю страну и все обернулось бы иначе. Точно так же в то время из-за отсутствия организации анархисты оказались неспособны поддержать русских трудящихся, враждебно настроенных по отношению к большевикам. Анархистское движение, несмотря на усилия отдельных личностей и групп, находится под угрозой раскола. Многие товарищи, не имеющие революционного опыта русских и итальянцев, утешают себя словами, что революция исправит ситуацию в движении. Это чистейшая иллюзия! Как раз напротив, революция уничтожит тех, кто не сумеет вовремя организовать. Анархизм является идеологией рабочего класса и его наилучшей тактикой, поэтому он должен предстать объединенным в теоретическом и организационном плане. Голландец Корнеллисен ему ответил, что если движение не смогло решить организационную проблему за тридцать лет, теперь делать это уже поздно, так как каждый день анархисты оказываются в неотложных ситуациях.

Тогда выступил Волин и сказал, что он считает, что напротив, эту проблему еще не поздно решить, но следует предварительно внести ясность в доктрину. Он привел в качестве примера опыт Набата. Зато в организационных принципах Платформы он усматривает большевистское отклонение, а именно: партия, программа, политическая линия и руководство массами.

Многие другие присутствовавшие анархисты выступили по разным вопросам, не коснувшись по-настоящему стоявшей на порядке дня проблемы, констатировал в своем заключительном слове Аршинов. Он отметил также, что несмотря на их полемический характер, выдвину-

тые критические замечания не были достаточно аргументированными и что вместо подвергнутых критике положений не было предложено ничего другого. Ему трудно ответить на рассуждение товарища Юдова о том, что «группа русских анархистов за границей развивает идею революционной борьбы и революционной классовой стратегии, это значит, что она стремится к власти». Он может только посоветовать критику заняться более серьезным изучением смысла этих слов. Если организационная проблема не была решена за тридцать лет, как утверждает товарищ Корнелиссен, еще не поздно сделать это сейчас, и иллюзорно полагаться на профсоюзы по вопросу экономического овладения революцией, если только они не имеют анархистской ориентации. Аршинов ответил также на обвинение в большевистском уклоне, брошенное Волиным, заявив, что в теоретическом плане анархизм не имеет ничего общего с большевизмом и с социалистами-государственниками, и это уже предохраняет его от подобной опасности. Кроме того, он не стремится к захвату государственной власти. Идея идеологического руководства массами никоим образом не противоречит анархизму, напротив, именно в этом состоит его миссия, в противном случае он теряет всякий смысл своего существования. Неверно и то, что русская революция и большевизм показали вред идеологического руководства массами, свой вред продемонстрировал метод борьбы за захват государственной власти. Новаторство выступления группы *Дело труда* состоит в стремлении «организовать идеологическое влияние анархизма на массы, но не как фактор *слабый и прерывистый*, а как постоянный фактор революционной социальной борьбы трудящихся». На этом встреча закончилась.

В ноябре 1926 года в восемнадцатом номере было опубликовано *Приложение к Платформе*, содержащее ответы на первую серию вопросов, поставленных давней сторонницей Кропоткина Марией Корн (или Изидиной, настоящая фамилия которой Гольдшмидт). Вопросы были шесть: большинство и меньшинство в анархистском движении; структура и основные черты строя свободных советов; идеологическое руководство событиями и массами; защита революции; свобода печати и слова; анархистский принцип: каждому по потребностям (см. полный текст этого документа в приложении).

В 20-21 номере *Дела труда* за январь-февраль 1927 года многие статьи отдают долг памяти десятой годовщине Февральской революции 1917 года в России. В статье Линского отмечается невозможность из-за всевластия ГПУ создания в тогдашнем СССР независимых рабочих организаций. Линский сравнивает положение русских рабочих с положением немецких рабочих в 1916–1917 годах и видит в качестве силы, способной реагировать, только заводские комитеты. Анархисты должны настроить их самым решительным образом против большевистского режима. В другой статье Максим Ранко настаивает на необ-

ходимости идеологической дифференциации в анархистских рядах для создания анархистского Интернационала, способного оказывать влияние на ход событий. Аршинов публикует ответы на вопросы некоего Ф(лешина?) по поводу роли анархистов после социальной революции, опасности новой войны и относительно индивидуального терроризма. Наиболее интересным нам представляется его ответ на вопрос об определении советов, понимаемых, в отличие от большевистских советов рабочих и солдатских депутатов, как рабочие и крестьянские организации производства и потребления. Что касается Террора, он не может быть индивидуальным актом, а зрело обдуманной политикой организации, учитывающей точную ситуацию страны, где она будет проводиться.

Под заглавием *Борьба за организованность* журнал публикует отчет о новом собрании, организованном совместно с польскими и болгарскими товарищами. От имени Группы русских анархистов за границей на нем выступил Аршинов, который напомнил, что дискуссия по организационному вопросу продолжается в Париже уже почти целый год и что уже можно отметить две тенденции по отношению к *Проекту Платформы* группы: одну – организационную, другую – дезорганизующую. Это соответствует трем разным позициям по отношению к *Платформе*: положительной, критической и индивидуалистской «наплевательской». Первая позиция в настоящее время является самой распространенной, вторая проявляется в форме вопросов, поставленных Марией Корн в *Приложении*; согласно третьей, анархизм должен существовать в непосредственном распоряжении каждого и ему не нужны никакие «организации», а еще менее *Платформа*. Наиболее типичным представителем такого антиорганизационного отношения является Волин, впрочем, в данный момент он готовит ответ на *Платформу*, чтобы показать ее антианархистское содержание. Хотя это не обещает быть захватывающим, следует подождать, что из этого получится. Здесь Аршинов еще раз повторил все сильные моменты *Платформы*. Вслед за ним выступил Махно. Он поддержал мнение Аршинова и хотел бы ответить на критические замечания своих «оппонентов по недоразумению», но они не ответили на приглашение принять участие в собрании, и ему трудно критиковать их в их отсутствие. Как бы там ни было, их безответственность, как организационная, так и политическая не приведет их дальше болота, где они смогут только «квакать» и ничего более. Уже давно ясно, что наше движение нуждается в сплочении своих сил, без чего оно не сможет никогда оказывать влияние на революционные события, даже если они приобретут отчетливый либертарный характер. Именно потому что «оппоненты по недоразумению» никогда об этом не заботились и совершенно об этом не думают, они принялись выискивать в *Платформе* антианархистские положения. Они смогут привлечь в свои ряды только элементы, случайно попавшие в анархистское дви-

жение, которые не пережили тяжелый опыт русской революции. Их политическое и организационное ничтожество отчетливо проявляется, – продолжил украинский беженец, – когда они хотят отбросить уроки нашего революционного опыта, приобретенного «нашей кровью, нашим сердцем и нашими нервами».

Затем выступил один из старых активистов болгарского движения, который объяснил, что именно такое «наплевательское» отношение некоторых анархистов стало главным препятствием для развития либертарных идей в Болгарии. Другой болгарский анархист уточнил, что не следует в особенности смешивать проблему организации анархистского движения с проблемой будущего общества. Эти две чрезвычайно важные проблемы должны рассматриваться отдельно. Некий Гриша Бр. затронул вопрос большинства и меньшинства. Он не понимает, почему именно меньшинство должно подчиняться большинству, а не наоборот. Аршинов ответил ему, что это не принципиальный вопрос, а вопрос практической мудрости, иначе никакая линия поведения не была бы возможной. Собрание закончилось единодушным пожеланием продолжить в ходе других встреч обсуждение вопросов, рассмотренных в *Организационной Платформе*.

В номере 23–24 за апрель–март 1927 года Аршинов подводит итог двух лет существования журнала и его организационного выступления. Он подчеркивает, что журнал получил поддержку со всех сторон, и чтобы отмежеваться от всех дезорганизаторских элементов, он впервые употребляет выражение Либертарная коммунистическая партия, которое одно только даст анархизму возможность занять то место, которое он заслуживает в рядах борющегося Труда. В том же номере журнала, вслед за появлением его французского перевода и реакций на него, благоприятных или враждебных, Аршинов посвятил пространную статью *Организационной Платформе*. Для одних это «исторический шаг вперед в развитии анархистского движения; для других это проклятие». В этом нет ничего удивительного, так как «авторы *Платформы* исходили из факта наличия противоречивых тенденций в анархизме, но не затем чтобы поставить перед собой задачу объединить их в целое, что совершенно невозможно, а для того, чтобы осуществить политический и идеологический *отбор* однородных сил анархизма и одновременно отмежеваться от хаотических, мелкобуржуазных (либеральных) и не имеющих корней в анархизме элементов». Этот отбор, как и отмежевание, можно осуществить только путем объединения всех анархистов, стоящих на одинаковых теоретических позициях в «революционный политический коллектив, во Всеобщий Союз Анархистов, или, точнее говоря, в Либертарную коммунистическую партию, что для нас одно и то же». Затем Аршинов отвечает на замечание Жана Грера, выступавшего за объединение усилий, но враждебно настроенного по отношению к их централизации. Для Аршинова такого рода отношение

является результатом недоразумения или различия в понимании слов. Весь раздел *Платформы*, в котором речь идет о федерализме, отличается ясностью, и можно легко понять, о каком централизме идет речь. Что касается меньшинства, Грав представляет его уступки большинству как подчинение и противопоставляет ему согласие. Такое согласие однако может принимать только форму уступок меньшинства или же, когда они считаются слишком серьезными, единственным выходом в этом случае остается раскол. Подобным образом опасения Грера по отношению к *Исполнительному комитету* Союза-Партии отражает только его незнание анархистской организационной работы. Если он признает необходимость серьезной коллективной работы, связанной с существованием общеанархистской организации, он должен согласиться с необходимостью органов, таких как *Исполнительный комитет* Союза, а также с коллективной организационной ответственностью, дисциплиной и т. д.

Аршинов отбрасывает также другое замечание, касающееся использования выражений, таких как «классовая борьба», «трудящиеся классы», основывающихся на вере в то, что в будущем анархистском обществе не будет классов и, следовательно, классовой борьбы. Отрицать это, значит попросту реальную действительность, не зависящую от воли самих анархистов. Хотя мы и стремимся к бесклассовому обществу, все наши надежды основываются на стремлении самых заинтересованных трудящихся к *социальной правде*. Вот почему их классовая борьба является одним из основополагающих принципов анархизма. Отрицать это значит «скатиться в болото буржуазного либерализма, что часто случалось с анархистами, пришедшими к нам из рядов буржуазии и не понявшими революционный дух Труда».

Некоторые товарищи в Европе и Северной Америке сочли благом привлечь внимание к видимому противоречию, состоявшему якобы в нашем отрицании переходного периода и утверждении, что создание либертарного коммунистического общества не последует непосредственно за социальной революцией и будет продолжительным процессом работы и социального творчества. Здесь имеется только внешнее противоречие, источником которого является в очередной раз неправильное понимание идеи переходного периода. Очевидно, что либертарный коммунизм не может быть установлен немедленно и будет результатом настойчивого и продолжительного строительства. Необходимо иметь в голове ясное представление о путях и средствах этого строительства, исходя из реализма, который составляет силу, а не слабость анархизма, и не имеет ничего общего с понятием переходного периода, означающим промежуток времени, отделяющий революцию от наступления свободного общества, и воплощенный в политической и экономической системе. Он приводит в качестве примера большевиков, диктатура которых не ограничена во времени и может длиться целое сто-

летие. Мы, анархисты, выступаем против этого понятия переходного периода, так как оно предполагает сохранение государственной власти и эксплуатации трудящихся. Мы за социальную революцию, за *процесс прямого социального строительства*. Аршинов заканчивает статью вопросом: возможно ли что-либо изменить в тексте *Платформы*, чтобы учесть замечания и критику, прозвучавшие с разных сторон? Он дает отрицательный ответ на него, так как каждый раз будут возникать разногласия по поводу пунктов, которые следует изменить. Это сможет сделать только Учредительный съезд Всеобщего союза анархистов.

В двадцать пятом номере *Дела труда*, вышедшем в июне 1927 года, Черняков вновь возвращается к вопросу о Либертарной коммунистической партии, создание которой ему представляется единственной стоящей альтернативой пустой болтовне, индивидуальной работе групп и трате времени, сил и человеческих ресурсов. Только таким образом анархистская революция изгонит большевизм. Нестор Махно публикует в этом номере содержательную статью о *Защите революции*, в которой он щедро делится своим личным опытом.

На этом заканчивается, на наш взгляд, период представления Организационной Платформы Дела труда. Теперь, после появления французского перевода многих статей Аршинова, Махно, Валецкого и Ранко в газете *Ле Либертэр*, ее основные положения достаточно известны и начинается настоящее обсуждение.

XVI

Обсуждение Платформы

Вначале завязалась полемика между переводчиком на французский язык, Волиным, и Ранко, который упрекал его в газете *Ле Либертэр* за плохой перевод некоторых терминов и выражений. Он даже предложил назначить одного из товарищей «экспертом», в присутствии которого обе стороны рассмотрели бы обоснованность обвинений. Но в назначенный день Ранко не явился на встречу¹⁴⁵. Дело в том, что незадолго до этого ухудшились отношения между Волиным и Махно, а затем и Аршиновым. До этого Волин был полноправным членом Группы русских анархистов за границей и регулярно сотрудничал с *Делом труда*. Что могло вызвать напряженность между ними? Несомненно, некоторые личные и этические проступки Волина по отношению к Махно¹⁴⁶; вероятно также, явное несогласие по поводу *Синтеза*, который уже несколько лет пытался пропагандировать Волин, ссылаясь постоянно на опыт Набата. Эта ссылка стала менее убедительной, когда газета *Дело труда* опубликовала письмо одного из основателей Набата, оставшегося в России, в котором функционирование Конфедерации представлено в совершенно иной форме, чем та, в которой оно представлено Волиным. Они противостояли друг другу и по социальному происхождению: Волин – буржуазный интеллигент, заботливо воспитанный гувернантками, которые обучили его иностранным языкам (он превосходно владел немецким и французским), тогда как Махно и Аршинов – очень скромного происхождения, не обладали такой свободой выражения мыслей и не пользовались таким вниманием среди товарищей. К этому добавилось посещение Волиным масонских лож, что полностью соответствовало его понятию Синтеза, но вызывало критику тех, кто видел в этом классовый коллаборационизм. Имела место также, как это не парадоксально, разница в анархистской культуре, но не в том смысле, в котором можно бы подумать: Аршинов и Махно были анархистами уже более двадцати лет и знали всех классиков, которых изучили, в особенности, на каторге, тогда как Волин был сформирован как эсер и примкнул к либертарным идеям под влиянием Кропоткина

незадолго до 1914 года. Короче говоря, существовало много разных возможных причин для спора между старыми товарищами по борьбе 1919–1920 годов. Как это часто также бывает, жизнь в эмиграции и ее тяготы в огромной степени усилили разногласия.

В декабре 1926 года Группа русских анархистов за границей опубликовала коммюнике в *Деле Труда* с разоблачением вредной деятельности некоего Майского, которого в 1924 году привел в группу Волин и который уже был однажды исключен за свое дезорганизирующее и неэтическое поведение. Это обстоятельство не помешало Волину дать рекомендацию этому субъекту, который уже однажды злоупотребил доверием товарищей. Группа высказала Волину публичное порицание. Это далеко не уладило конфликт между двумя сторонами.

Ответ некоторых русских анархистов на Платформу был опубликован в апреле 1927 года и подписан восемью товарищами: Соболев, Флешиным, Шварцем, Молли Штеймер, Волиным, Лией, Романом, Эрвантяном. Но эта коллективная подпись не может никого обмануть: его автором был Волин, как это понятно уже по постоянным ссылкам на Набат и по его характерному стилю. *Ответ* представляет собой брошюру в 39 страниц мелкого шрифта, в которой использованы пространные отрывки из *Платформы* и которая содержит обычную критику всех ее основных положений. Имеются расхождения, касающиеся самой основы, как, например, по поводу слабости анархистского движения, которую можно объяснить, по мнению авторов *Ответа*, не отсутствием организации или коллективной практики, а многими другими причинами:

- а) Неясность ряда основных наших идей.
- б) Трудность восприятия анархистских идей современным обществом.
- в) Умственное состояние современных масс, не имеющих ни возможности, ни желания *искать, обдумывать, сравнивать*, и потому идущих по легчайшему пути, по линии наименьшего сопротивления, согласно предлагаемым демагогами разных оттенков «готовым» рецептам.
- г) Жестокость и всеобщность репрессий по отношению к анархистскому движению, едва только оно начинает обнаруживать серьезные успехи.
- д) Сознательный отказ анархистов от обычного и могущественного в руках всевозможных политических партий (особенно – партии большевиков) оружия: демагогии и выступления в роли безошибочного вождя, руководителя, спасителя.
- е) Отказ анархистов от *искусственно* построенной организации и *искусственной* дисциплины, создающих временную (*но по существу бесплодную*) силу политических партий.

Главный предмет спора – отказ авторов *Платформы* принимать во внимание Синтез. Другой пункт разногласия – понятие анархистской партии, которая тотчас была отождествлена с классической авторитарной политической партией. Далее в *Ответе* идут нападки на анархизм

как классовую концепцию, так как он является, согласно тексту, в одинаковой мере общечеловеческим и индивидуальным. За руководством массами и событиями, подозревается в *Ответе*, скрывается стремление к господству над массами, вместо того, чтобы «служить им, быть их сотрудниками и их помощниками».

Что касается переходного периода, *Платформа*, согласно *Ответу*, отрицает его «платонически, на словах», тогда как на деле «признает его более чем кто-либо в наших рядах», и в действительности, якобы, является только «попыткой мотивировать эту идею и привить ее анархизму». Конструктивная часть *Платформы* была подвергнута столь же резкой критике, все было представлено в отрицательном свете. По поводу *защиты революции* рекомендовалось отдать предпочтение вооружению трудящихся и отдельных местных отрядов, а не повстанческой армии с общим командованием. Здесь урок русской революции не принят во внимание: вооруженные трудящиеся были быстро превращены в красногвардейцев, даже против воли, а отдельные вооруженные отряды легко уничтожены регулярной армией. Но предмет разговора в *Ответе* другой: он стремится доказать любой ценой антианархистский характер *Платформы*, и для этой цели годится любая чрезмерность, например, когда повстанческая армия почти естественно превращается в красную! Разумеется, со своим политическим сыском, своей Чека, якобы предусмотренной *Платформой*! Цель *Ответа* состоит в утверждении, что *Платформа* хотела «создания руководящего политического центра, организации армии и полиции, которые находились бы в распоряжении этого центра, что означает по сути введение переходной политической власти государственного характера».

Организационная часть *Платформы* также стала объектом подобного псевдоортодоксального гнева: *Ответ* обнаруживает в ней стремление к централизованной Анархистской партии, которой нечему было бы позавидовать даже у большевиков. В заключение *Ответ* заявляет без обвиняков: «Да, идеологическая сущность большевиков и *платформистов* одинакова». *Платформа* – это только «скрытый ревизионизм в сторону большевизма и признания переходного периода», все в ней «неприемлемо: ее основные принципы, ее сущность и сам ее дух».

Эта атака по всем направлениям слишком систематична и пристрастна, чтобы ее принимать всерьез: она попахивает сведением личных счетов. Как можно представить себе авторов *Платформы*, в особенности, Аршинова и Махно как скрытых большевиков? Когда они их били с оружием в руках, когда им пришлось терять своих лучших товарищей, погибших от рук большевиков? Их отделяет от большевиков пропасть, полная крови. Напротив, сам Волин многократно поддерживал двусмысленные отношения с большевистскими властями; но это не самое главное, в *Ответе* поражает отсутствие, за исключением идеализированного Набата, всяких ссылок на идеи и практику анархистс-

кого движения. Тем не менее авторы *Платформы* утверждали сами, что они не вносят ничего нового, а только повторяют приобретения идей и опыта движения. Мы сами видели, что уже Бакунин задумал создание специфической организации с «единством мысли и действия», то есть с коллективным методом действия и с «братским и постоянным контролем каждого всеми», что соответствует понятию «коллективной ответственности» в *Платформе*. Каждому, кто достаточно изучил историю движения, родство между *Платформой* и бакунинскими *Братствами* должно бы быть очевидным и не подвергаться никакой дискуссии. *Ответ* отличается тем, что слишком много места в нем занимает предвзятая критика и желание очернить.

Группа русских анархистов не ввязывалась в эти исторические и личные рассуждения: несколько месяцев спустя она публикует *Ответ анархо-хаотикам в анархизме*, в котором едкая критика, содержащаяся в *Ответе* Волина и компании, отклоняется пункт за пунктом, ее несостоятельность становится очевидной. Обвинение в желании «большевизировать анархизм» отброшено как самая подлая клевета. А этот аргумент в последующем стал расхожим для всех хулителей *Платформы*. Однако, уже в это время становятся известными и другие точки зрения, полные здравого смысла, как например, мнение Л.Г., опубликованное в газете *Ле Либертэр*:

«*Платформа* в том виде, в каком она представлена на обсуждение, не является символом веры, не подлежащем критике: я сам и многие другие видят в ней некоторые довольно спорные положения. *Ответ*, который мне недавно довелось прочесть, содержит также немало ошибочных положений. Я приведу одно, чтобы не занимать много места в газете, а именно, желание видеть в одной организации собак, кошек, волков и ягнят, для того чтобы быстрее достичь цели, сказано в *Ответе*. Мне это смешно, так как в этой группировке будут только ссоры, укусы и раздутая ненависть. Я чувствую в *Ответе* много уловок, которые свидетельствуют о полном отсутствии толерантности. Исходя из всего этого, я хотел бы, чтобы оставили хоть немного эту пространную фразеологию о том, что будет завтра, и чтобы спустились на землю в современной пропаганде»¹⁴⁷.

Два года спустя Волин, Флешин, Штеймер, Соболев и Шварц опубликуют обличительную статью против *Дела труда*, обвинив его в этот раз в проведении кампании против анархистов-интеллектуалов. Рабоче-крестьянский анархизм журнала квалифицирован в ней как «настоящий анархо-хулиганизм» (!?), сравнимый с антисемитизмом¹⁴⁸! Во всем этом не хватало одной мелочи: дело в том, что кроме всей этой шумихи они были не в состоянии сочинить какой-нибудь текст, в котором были бы наконец изложены их собственные концепции. В этом нет ничего удивительного, такое поведение в общем встречается довольно часто:

неспособные сами сочинить хоть что-нибудь положительное и конструктивное, некоторые индивиды, неважно, анархисты или нет, провозглашают свою принадлежность к тенденции скорее радикальной, по крайней мере, на бумаге, готовы наброситься на любое свершение с лупой в руке, чтобы провозгласить, что является хорошим, а что плохим. Зато эти надоедливые мухи, которые бестолку суетятся, не придают никакой важности мерзким запахам, в которых они живут и им это нравится. Действительность и ветер Истории их бесповоротно сметают, но следует знать, что подобное явление существует и время от времени появляется вновь.

На протяжении этого времени собрания по обсуждению *Платформы*, организованные *Делом Труда*, регулярно продолжались. 12 февраля 1927 года на таком собрании присутствовали активисты со всех частей света: Аршинов, Махно и четыре других члена представляли русскую группу; Пьер Одеон – анархистскую молодежную организацию Франции; Ранко был делегатом от польской группы; присутствовало несколько представителей Испании – Оробон Фернандес, Карбо и Хибанель; и некоторые участники, присутствовавшие по собственной инициативе – Уго Феделли, болгарин Павел, китаец Чэн, француз Дофэн-Менье и др. Собрание проходило в небольшом зале одного из парижских кафе; делегаты пользовались разными языками: звучали русский, немецкий и, разумеется, французский.

Первым выступил, как обычно, Аршинов, напомнивший основные тезисы своей группы и добавивший, что их выполнение касается также Франции и международного движения. Поскольку они в большинстве своем беженцы, им трудно действовать во Франции, им не хватает социальной базы и желательно создать международный орган на французском языке, который рассматривал бы основные вопросы движения. После него выступил товарищ из Испании и поделился подобными заботами в своем национальном движении. Одеон заявил, что он поддерживает *Платформу* и спросил, имеют ли присутствующие полномочия, чтобы принимать решения. Ранко предложил непосредственно избрать Временный комитет с целью создания Анархистского Интернационала. Многие из присутствовавших проявили сдержанность, тем не менее была создана Временная комиссия, состоявшая из Махно, Ранко и Чэна. Эта комиссия 22 февраля 1927 года разослала письмо всем интересующимся с кратким изложением сути дела на основе *Платформы* Русской группы. За ним последовал призыв созвать 20 марта в Бург-Ла-Рэн, в зале одного из кинотеатров Международную конференцию.

В назначенный день, перед многочисленными присутствующими Махно напомнил все ключевые положения, содержащиеся в *Платформе* как в программе. Аудитория отреагировала по-разному. Луиджи Фабри предложил незначительное изменение, поддержанное францу-

зами и испанцами. Было достигнуто согласие о принципе создания международной организации, исходя из следующих положений, а именно признавать:

- 1) борьбу всех обездоленных и угнетенных против Государства и Капитала как самый важный фактор в анархистской системе;
- 2) борьбу рабочих и профсоюзов как важные методы революционного действия анархистов;
- 3) необходимость в каждой стране возможного общего Союза анархистов, имеющего ту же конечную цель и ту же практическую тактику, основанную на коллективной ответственности;
- 4) необходимость положительной программы действия и осуществления для анархистов в социальной революции¹⁴⁹.

В то время, когда шла дискуссия по этому предложению итальянских товарищей, французская полиция ворвалась в помещение и всех арестовала. Какой-то шпик или противник *Платформы* предупредил фараонов о том, что там что-то замышляется. Проект, тем не менее, не провалился, и временный секретариат, состоявший из Махно, Ранко и Чэна разослал 1 апреля 1927 года письмо, в котором создание Международной либертарной коммунистической федерации рассматривалось как факт и в котором были повторены в неизменном виде предложения русской группы без учета поправок итальянцев. Это выглядело преждевременным и, в особенности, бестактным по отношению к итальянцам, которые не замедлили заявить, что они не могут «пока» присоединиться к этой инициативе. Другие участники собрания сделали также подобные заявления. Ситуация, таким образом, была заблокирована излишней поспешностью, или, если хотите, энтузиазмом Ранко и Махно.

На парижском съезде Союза французских анархистов, осенью 1927 года, сторонники *Платформы* одержали победу над приверженцами Синтеза и остальными сдержанно настроенными анархистами. «Синтезисты» во главе с Себастьяном Фором пошли на раскол и основали Федеральную Ассоциацию Анархистов. Старый трибун не был ни противником организации, ни пассивным, напротив, он хотел «организацию прочную, мощную, способную объединить в момент, определенный серьезностью обстоятельств, все бунтарские силы, состоящие из многочисленных и энергичных групп» и «пролетариат, втянутый в решающую борьбу серией беспорядков, выступлений, забастовок, бунтов, восстаний»¹⁵⁰. В нем нет ничего общего с дилетантизмом Волина, и с давних пор он ощутимо жертвовал своей собственной персоной. Он возражал против положений *Платформы*, потому что считал их слишком сектантскими и предпочитал единодушие, разумеется в чувствах, типа «большой семьи», или, как он сам выражался с юмором, «общих объятий»; это достаточно приятно и пре-

исполнено доброй воли. Старый пропагандист чувствовал, что анархистам вскоре чрезвычайно потребуется добрая воля и взаимопомощь, так как угроз социального и военного столкновения было предостаточно¹⁵¹.

В Италии вот уже несколько лет был установлен фашизм Муссолини и царила реакция. Эррико Малатеста находился под домашним арестом, его переписка проверялась цензурой. Ему удалось все же познакомиться с *Платформой* и написать критический отзыв, опубликованный вначале в *Ревзй анаршист* (Анархистское Пробуждение) в Женеве, а затем брошюрой в Париже. Хотя он также был сторонником организации, он не принимает ни понятие коллективной ответственности, ни существование Исполнительного комитета. Он считает, что авторы *Платформы* не могут «избавиться от навязчивой мысли об успехе большевиков в их стране; они хотели бы, подобно большевикам, объединить анархистов в какую-то дисциплинированную армию, которая под идеологическим и практическим руководством нескольких вождей пошла бы сплоченно на штурм существующих режимов и которая, одержав материальную победу, руководила бы строительством нового общества». Аршинов опубликовал в *Деле труда* статью *Старое и новое в анархизме*, в которой он отвечает на критические замечания и повторяет с неустанным терпением основные положения *Платформы* Русской группы. Махно также направил длинное письмо старому товарищу Бакунина, в котором их разногласия рассматривает как недоразумение. Малатесте из-за цензуры пришлось ждать почти год, прежде чем он смог его прочесть, и он сразу же дал ответ. Возможно, перевод затемнил смысл слов, но он по-прежнему остается враждебным по отношению к коллективной ответственности, которой он противопоставляет ответственность моральную, и к созданию Исполнительного комитета, который он считает подобным «правительству в правильной и должной форме» со всеми полицейскими и бюрократическими атрибутами! Махно ему ответил во второй раз:

«Я считаю, что подлинно социальное движение, как я понимаю, анархистское движение не может выработать положительную политику прежде чем найдет более или менее постоянные организационные формы, которые дадут ему разные необходимые средства борьбы против различных авторитарных социальных систем. Именно отсутствие этих средств, особенно в революционный период, приводит к тому, что анархистская борьба вырождается в какой-то местный индивидуализм, все это потому, что анархисты, провозглашая себя врагами 'всех конституций вообще', увидели, что массы удаляются от них, так как они не внушают никакой надежды на какое-либо практическое осуществление.

Чтобы бороться и победить, нужна тактика, характер которой должен быть выражен в программе практического действия (...). В области практических свершений автономные анархистские группы должны

быть способны в каждой новой появляющейся ситуации сформулировать проблемы, которые должны быть решены, и ответы, которые на них следует дать, без колебаний и без искажения анархистских целей и духа»¹⁵².

Малатеста затем несколько изменил свое отношение к «коллективной ответственности», которая ему «кажется более уместной в армейской казарме», так как он ее понимал как «слепое подчинение всех некоторым». Он соглашается, что, возможно, дело в словах, так как речь идет о «согласии и солидарности, которые должны существовать между членами объединения (...), мы были бы близки к взаимопониманию»¹⁵³. Конечно, это непонимание со стороны ветерана движения было вызвано некоторой изоляцией и языковой проблемой.

Лидер ГКТРС (ГТК Революционного Синдикализма) и теоретик анархосиндикализма Пьер Бэнар принимает без колебаний коллективную ответственность. В статье об *ответственности*, помещенной в *анархистской Энциклопедии*, он возводит ее в фундаментальный принцип либертарного коммунизма. Она никак не упраздняет индивидуальную ответственность всех членов объединения, между ними нет никакого противоречия. Они дополняют и перекрывают друг друга:

«индивидуальная ответственность является *изначальной* формой ответственности; она имеет источником сознание. Коллективная ответственность является ее социальной и конечной формой. Она распространяет ответственность индивида на коллектив: расширяя ее таким образом в соответствии с принципом естественной солидарности, который является одновременно физическим законом, действующим как для социальных составляющих, так и для других частей любого тела, одушевленного или неодушевленного, она делает каждого индивида ответственным за свои поступки перед целым коллективом. И, соответственно, *путем контроля*, она делает коллектив ответственным перед всеми индивидами. Как и сам федерализм, одним из основных элементов которого она впрочем является, коллективная ответственность действует в двух направлениях: восходящем и нисходящем. Она вменяет индивиду в *обязанность* отвечать за свои поступки перед многими и многим отвечать за свои перед индивидом. Следовательно, можно сказать, что обе формы ответственности взаимопределяют друг друга. *Коллективная ответственность освящает и уточняет ответственность индивидуальную*»¹⁵⁴.

Бэнар видел в этом позитивный фактор, придававший организации одновременно методичность и гибкость вместе с максимумом силы *сжатия и расслабления*.

Мария Изидина также опубликовала статью – *Организация и партия*, содержащую критику коллективной ответственности, которой она противопоставляет ответственность моральную. В особенности, она не

согласна с принципом принятия большинством решения, которое меньшинство должно безропотно выполнять. Аршинов немного спустя напечатал на нее ответ.

Махно выступил с резким ответом на критические замечания, авторы которых пытались показать якобы антианархистский характер *Платформы*. Он отвергает, в частности, критику Малатесты по поводу тактического единства, и выступает против использования любой тактики любым членом анархистской организации, взгляда, который он приписывает старому итальянскому агитатору. Распыление сил не может привести ни к чему, и во время революционной ситуации невозможно таким образом пойти навстречу массам, – замечает он¹⁵⁵.

В том же номере журнала напечатана статья В.Худолея, русского анархиста, оставшегося в СССР, и горячего приверженца *Дела Труда*. Автор раскрывает новизну положения, внесенного *Платформой* и касающегося превосходства политики над экономикой, то есть объединенной идеологической группы над профсоюзом. Так, Либертарная коммунистическая партия является для него «сознательным меньшинством, направляющим своим примером революционное движение к либертарным целям». Рабочие и крестьянские организации, профсоюзы и кооперативы составляют действующее меньшинство, которое совершает революцию. Чтобы показать корни этой концепции, он ссылается на Бакунина. По названию «Всеобщий союз анархистов» можно подумать, что все анархисты должны бы чувствовать себя обязанными стать его членами, тогда как на самом деле это не так. Худолей предпочитает термин «партия» как более точный, так как она объединяет только часть анархистов, отобранных на основе теоретической близости и общего желания вступить в нее, что вовсе не предполагает раскол с остальными анархистами внутри движения. Короче говоря, не следует препятствовать приверженцам единой теории объединяться в партию. Как бы там ни было, группы остаются автономными и могут выдвигать критерии принадлежности, которые им подходят. В конечном счете, автор удивлен тем, что проект, который каждый может принять или нет, вызвал столько шума.

Все в том же номере журнала Аршинов напечатал отчет о дискуссии, которую вызвала *Платформа*. Он называет четыре распространенных реакции: враждебность, непонимание, преднамеренное и непреднамеренное незнание и благожелательность или даже энтузиазм. Результаты им оцениваются как слабые, принимая во внимание поставленные цели, но это можно объяснить упадком анархизма во многих странах. Несмотря на это, *Платформа* является единственной за последние десять лет попыткой сделать практический и положительный шаг в направлении развития движения. Аршинов цитирует однако очень критическое письмо одного товарища из СССР:

... «Я считаю, что вы чересчур перегнули палку в сторону организации, партии и т. д. Ваша мысль мне представляется таковой: большевики победили организацией, значит и мы должны иметь организацию. Конечно, наша армия будет не красной, а черной, наше ГПУ будет не государственное, а что-нибудь другое, наша партия будет не централистская, а вроде федералистической; но армия, ГПУ и партия как-нибудь у нас должны быть. С этим и я и многие здешние товарищи не согласны. Дело не во внешней победе, которая может быть таким способом обретається, а в настоящем приближении к анархизму. Очень ценны ваши усилия, чтобы выбраться из болота общих мест, использовать опыт последних лет... но я считаю, что вы поддались соблазну большевизма».

Корреспондент считал необходимым, несмотря на все, подчеркнуть ценность журнала, его серьезность и хладнокровие в постановке вопросов. Для него и его товарищей это служит знаком, что анархизм жив.

Аршинов приводит другие разногласия по многим положениям *Платформы*: производству, защите революции или же употреблению некоторых терминов. Он замечает, тем не менее, что враждебные отклики до этого дня упустили главный факт: «понимание нашего подхода к организационной проблеме и методу ее решения». Прежде всего *Платформа* является попыткой решения определенной практической проблемы. Тот, кто не боится смотреть прямо на настоящее положение движения, поймет ее без труда. Например, в русском анархистском движении в настоящий момент существует две тенденции: одна, вносящая путаницу, обосновавшаяся в Соединенных Штатах вокруг журнала *Рассвет* и поддерживающая двусмысленные отношения с русской реакционной эмиграцией; вторая, мистическая, в Москве. В движении сосуществует также целая серия других тенденций или оттенков, которые не имеют ничего общего с рабочим революционным анархизмом. В этом нет ничего нового, так было во все времена, и именно из-за этого движение никогда не могло действовать сплоченно и согласованно, его действия были противоречивыми и даже антагонистскими и сводили на нет всю практическую работу. Его среда в такой мере обременена этими противоречиями, что стремление объединить ее или «синтезировать» напрасно. Единственным путем для выхода из хаоса и оздоровления движения является отбор и формирование ядра активных борцов на основе четко определенной и единой теоретической и практической программы и проведение идеологического и организационного размежевания. Именно к этому призывает *Платформа*. Теоретически и тактически объединенная организация (партия) устранил из нашего движения все грубые противоречия, как внутренние, так и внешние, которые отталкивают трудящихся, продемонстрирует могущество идей и тактики либертарного коммунизма и объединит вокруг

него, вне всякого сомнения, революционную часть крестьянства и рабочего класса. Наконец, пусть те, кто не согласен с этим выступлением и этими идеями, выдвинут свои, чтобы стала ясной альтернатива.

Во второй части своей статьи Аршинов дает ответ на замечания по некоторым пунктам. По поводу производства, некоторые сочли, что предложенное единство противоречит децентрализации, что рабоче-крестьянские советы, фабрично-заводские комитеты больше соответствовали бы строю свободных советов, чем идее анархистской коммуны. Единство производства означает, что весь его процесс является коммунистическим и принадлежит всем, а не отдельным группам или индивидам, в противном случае это будет реставрация капитализма. Это единство никоим образом не влечет за собой централизм, совершенно напротив. Если мы его противопоставили децентрализации, то исключительно для того, чтобы оно не стало принадлежностью отдельных, конкурирующих между собой групп. Что касается роли советов, она имеет исполнительный и технический характер, как в производстве, так и в потреблении. Они не имеют ничего общего с политическими советами, члены которых не имеют никакого отношения к производству. В *Платформе* набросана только схема первого этапа пути построения анархистской коммуны. Если в ней имеются ошибки или неточности, коллективный разум движения их заметит и исправит. Авторы первыми пойдут им навстречу, так как их забота не в том, чтобы скрывать проблемы, а в том, чтобы их решать, это в духе самого настоящего анархизма. Впрочем, они будут решены коллективной мыслью и практикой движения.

По вопросу организации более всего подвергалась критике форма «партии», поскольку она, по всей видимости, противоречила принципам анархизма. Это необоснованно, так как ложно и абсурдно считать, что партия должна обязательно быть авторитарной организацией, стремящейся к власти. Это попросту объединение лиц, разделяющих определенные убеждения и стремящихся к точно намеченным целям, которые автоматически не являются завоеванием власти. Исполнительный комитет, подвергшийся такой резкой критике, как указывает его название, является чисто исполнительным, то есть осуществляет технические задачи, которые ему поручает съезд. Впрочем, подобные комитеты всегда существовали среди анархистских организаций, например теперешний анархистский профсоюзный Интернационал имеет в качестве эквивалента Секретариат. В заключение Аршинов констатирует, что большинство критических замечаний основывается на ложной интерпретации или на преднамеренном искажении; вследствие этого он отправляет авторов первых внимательнее прочесть текст *Платформы*, а в отношении авторов вторых признает свое бессилие. На этом он заканчивает подведение итогов трех лет различных дискуссий и полемики.

В конце этого номера журнала опубликовано письмо коллектива анархистов Москвы, подписанное Боровым, Бармашем и Рогдаевым, которое приветствует выступление *Дела Труда* как единственное, что может вытащить революционный анархизм, застрявший в наезженной колее. Возможно, это служит сигналом, но в анархистских кругах СССР, которые до сих пор режим с трудом терпел, ГПУ провело облаву. Подписавшиеся под письмом в *Дело Труда* Худолей и десятки других были схвачены, брошены в тюрьму, отправлены в лагеря. Все связи с Западом, разумеется, прерваны и запрещены. Любопытно, что одновременно французская полиция задержала Аршинова, которому вменялась в вину деятельность, несовместимая со статусом политического беженца: в январе 1930 года он был выдворен в Бельгию. Под совместными ударами сталинских и республиканских репрессий работа по разъяснению и связям, предпринятая *Делом Труда*, оказалась свернутой в Европе. После нескольких месяцев перерыва журнал все же появляется вновь, но в этот раз в Соединенных Штатах в Чикаго. Аршинов продолжает свое сотрудничество с ним, но нерегулярно. Неожиданно, как гром с ясного неба, он публикует брошюру, в которой, ссылаясь на работу Ленина *Государство и революция*, он признает необходимость *диктатуры пролетариата* как единственный выход из теоретического исторического тупика того времени. В результате испанского революционного движения 1931 года он видит для испанских анархистов только одну альтернативу – установить диктатуру пролетариата или же эволюционировать в сторону реформизма и оппортунизма. Этому неожиданному анализу соответствует совет, приводящий в еще большее замешательство: установить контакт с посольством СССР и коммунистическими партиями всех стран!

Это отступничество однако уравновешено резкими статьями против большевизма и Сталина, появившимися в то же время. Как объяснить это сбивающее с толку противоречие? Единственный логический ответ можно найти в свидетельстве Николы Чорбаджиева, близкого друга Махно и Аршинова, с которыми он жил несколько лет в Венсэне. Вследствие решения о выдворении из Франции, отмененного некоторое время спустя благодаря вмешательству нескольких известных французских личностей, Аршинов испытывал значительные трудности материального плана, а также в отношениях со своей женой, уставшей от жизни в изгнании. Разочарованный постоянными спорами и подавленным состоянием анархистского движения, он обратился к Серго Орджоникидзе, в то время близкому к Сталину и всемогущему, с которым он лично познакомился двадцать лет назад, когда они сидели в одной камере в тюрьме. Орджоникидзе пообещал ему помочь вернуться на родину, но, разумеется, поставив определенные политические условия: он должен был отказаться от всех своих критических выступлений против большевизма и порвать с анархистским движением. Аршинов

решился это сделать, не без мук совести, так как ему было трудно отказать от всей своей прошлой деятельности, не только от двадцати пяти лет анархистской борьбы, но и от пяти лет созидательной работы в *Деле Труда*. Поэтому в двух брошюрах, которые он опубликовал, чтобы признать существование диктатуры пролетариата и «рабочего» государства в СССР, не содержится никакой критики собственной деятельности, а только подробная констатация отрицательного итога анархизма в разных странах мира, так что на почти пятидесяти страницах текста содержится всего три или четыре действительно компрометирующих в политическом смысле высказываний, как, например, совет установить контакт с советским посольством и защищать рабочее государство от растущей опасности мировой реакции. Прежде чем Аршинов вернулся в СССР в 1933 году, Никола Чорбаджиев поставил ему вопрос: «Ты стал большевиком?». Аршинов ему ответил: «Ты считаешь, что я способен на это?» и объяснил ему свое возвращение отсутствием перспектив активной борьбы во Франции и в Европе, тогда как в СССР он был готов даже поступить в Коммунистическую партию, чтобы продолжать работать для анархизма¹⁵⁶.

Таким образом, это больше похоже на поступок, мотивированный личным отчаянием, чем на действительную политическую эволюцию. Во всяком случае, Аршинов был расстрелян в 1937 году в Москве по обвинению в попытке «реставрировать анархизм в советской России». Следовательно, он, кажется, приступил к осуществлению своего плана подпольной деятельности. Это нам представляется вполне соответствующим его фанатичному рабочему анархизму, его воинствующему экстремизму и сильной воле, качествам, которые он неоднократно проявлял ранее.

Как повезло противникам *Платформы*! Их злейший враг своим поведением неожиданно подтверждал их обвинения. Они не преминули заявить об этом громогласно и без тени смущения. Дальше всех зашел, наверное, Макс Неттлау. Не будучи лично знаком с Аршиновым, он хладнокровно заявил, что тот никогда не был анархистом: он, якобы, сохранил еще с 1904 года свои большевистские убеждения, и в анархизме его привлекала только радикальная и террористская сторона. По той или иной причине, он не вернулся с повинной в 1917 году и сейчас исправляет эту ошибку, и Неттлау желает ему «счастливого пути» и радуется этому избавлению от третьего лишнего¹⁵⁷.

На наш взгляд, это было несколько поспешно, так как Аршинов, хотя и был глашатаем *Платформы*, не был ее единственным автором, и, кроме того, следовало также установить явную причинно-следственную между этим текстом – постулатом которого было беспощадное осуждение большевизма – и его возвращением в СССР. Нам кажется, такая связь отсутствует. В самом деле, существует одно обстоятельство, которое нельзя упускать из виду, если действительно иметь жела-

ние понять выступление *Дела Труда*. Ведь Махно и Аршинов более пятнадцати лет, с 1906 по 1921, участвовали в анархистском движении, они начинали с тактики прямого действия, затем была ссылка и наконец революция и замечательное украинское повстанческое движение, известное под именем махновского. Поэтому в *Платформе* они изложили на бумаге уроки и опыт всей своей деятельности и вооруженной борьбы. Отбросить *Платформу* значит «выплеснуть младенца вместе с водой», то есть отбросить самый радикальный, наряду с Испанией 1936–1939 годов, революционный опыт столетия. Вот почему мы считаем неуместной и особенно непоследовательной всю эту мелочную критику *Платформы*, подвергавшую «допросу под пыткой» ее авторов, взвешивавшую миллиметровые оттенки и постоянно выискивавшую «лукавого» – пресловутую большевизацию анархизма – между строк этого текста, прозрачного, как вода горного источника. Такое отношение граничит с «негативизмом», относительным или абсолютным, неисправимым пороком определенной анархистской традиции.

Что же столь чрезвычайного представляет собой эта знаменитая *Платформа*? Чтобы избавиться от постоянной нечеткости и распыленности идей, она рекомендовала выработать связную теорию и последовательную сплоченность в действии. Это неизбежно означало определение либертарной коммунистической программы и последовательной политической линии. Все это должно было осуществляться коллективно, а не несколькими признанными лидерами или вождями. На самом деле это означало возврат к бакунинской традиции Альянса и Братств в свете боевого и исторического опыта, приобретенного авторами этого текста. Кто мог возражать против этого? Все те же, извечные слабовольные, неисправимые болтуны, все те, у кого, несмотря ни на что, было что терять: то ли свое мелкое тщеславие, то ли свое, в конечном счете, удобное положение в существующем обществе. Как бы там ни было, главное противостояние исходило со стороны русской эмигрантской среды, которая не имела ничего общего с махновскими украинскими крестьянами, и нескольких престарелых патриархов анархизма. Поэтому синдром Маркса, который нанес большой ущерб до 1914 года, был выгодно заменен на синдром Ленина и монолитной партии, так что говорить о «партии» стало все равно, что размахивать веревкой в доме повешенного. Возможно, Аршинов, Махно и их товарищи должны были действовать более осмотрительно, использовать эвфемизмы, расставить повсюду вопросительные знаки, идти более осторожно, тогда как они как «достойные казаки» сопротивлялись и рубили шашками бестолковые головы Анархии!

Отступничество Аршинова не помешало Махно продолжить распространение основных идей *Платформы*. Он обратился с пламенным призывом к участникам Съезда Революционного Коммунистического Анархистского Союза, состоявшегося в мае 1930 года в Париже¹⁵⁸. Без-

результатно, поскольку сторонники *Платформы* оказались на нем в меньшинстве, 7 групп против 14. Верно, что Аршинов нашел в них тенденцию уклона к централизму, какое-то буквальное применение организационных принципов, не сохраняя при этом их дух. Пришлось ждать 1934 год, прежде чем внутри Союза Анархистов (определения «коммунистический» и «революционный» между тем были сняты) установится «священный союз», из-за все более тревожного международного положения и попытки переворота крайних правых сил во Франции 6 февраля 1934 года. В это время сформировалась однородная тенденция «платформистов» под названием Либертарная Коммунистическая Федерация. Затем Народный Фронт и события в Испании поляризовали внимание и усилия, так что практическое единство стало преобладать над теоретической разобщенностью.

XVII

Испанские анархисты в 1936–1939

Если Франция была родиной анархизма, то Испания была его «землей обетованной», которую приводили в качестве примера для подражания уже во времена Бакунина. Либертарный коллективизм здесь насчитывал десятилетия существования и неустанной деятельности. Национальная Конфедерация Труда (НКТ), откровенно анархистский профсоюз, основанный 1 ноября 1910 года по образцу французской либертарной ГКТ, имел гегемонистские притязания: в 1919 году всем испанским пролетариям было предложено присоединиться к нему в трехмесячный срок, в противном случае они будут объявлены предателями, и отношение к ним будет соответствующим. Отказавшись вскоре от этого максималистского требования, Конфедерация, тем не менее, объединяла в своих рядах все более внушительное количество членов: в 1936 году их число составляло два миллиона. Что касается Иберийской Анархистской Федерации (ИАФ), она была создана в июле 1927 года по инициативе групп беженцев во Франции. Вынужденная оставаться в подполье до 1931 года, она выполняла функцию специфической организации, наблюдавшей за ортодоксальностью доктрины НКТ. Опираясь на тесно связанные между собой первичные группы, она более походила на организацию заговорщиков типа бакунинского Альянса, чем на Всеобщий Союз Анархистов, за который ратовала *Платформа*. Только впоследствии, в особенности в период 1937–1939 годов, двойная принадлежность к НКТ–ИАФ стала почти обязательной для ее членов. Приведем в связи с этим случай – с Пьером Бэнаром, лидером французских анархо-синдикалистов. Приглашая его на международный анархистский съезд в Барселоне в 1937 году, ему задали вопрос, является ли он членом Французской Анархистской Федерации (ФАФ), созданной в 1936 году и конкурировавшей с Союзом анархистов. Это было сделано для того, чтобы его участие в съезде не вызвало «трудностей с некоторыми анархистскими товарищами»¹⁵⁹. Не имея возможности и не желая оправдываться относительно этого условия, он отказался принимать участие в съезде.

Если *проект Платформы* и мог кого-нибудь заинтересовать, так это было, конечно, испанское движение: все вопросы, изложенные в ней или затронутые письменно в *Деле Труда*, были основной заботой, тревожившей испанских товарищей. В конце 1927 или в начале 1928 года группа Призма из г. Безье (Франция) издала брошюрой испанский перевод *Платформы*. Перевод был сделан с французского текста, то есть повторял выражения и отрывки, оспариваемые *Делом Труда*. Эти сведения нам предоставил Франк Минц и указал также другой перевод части текста, с недоброжелательными комментариями, появившийся в *Ла Протеста* в Буэнос-Айресе¹⁶⁰. Он добавил, что

«особые условия иберийского движения сделали дискуссию очень тяжелой, практически несуществующей. В изгнании, после участия некоторых анархистов в налете, совершенном совместно с каталонскими сепаратистами на испанской границе в 1926 году, затем мобилизации в поддержку Сакко и Ванцетти и освобождения Асказо и Дурутти, не считая выступлений, касающихся Испании, не находим никаких откликов на дебаты о Платформе»¹⁶¹.

Однако по просьбе нескольких испанских региональных комитетов, *Платформа* была включена в повестку дня учредительной конференции ИАФ. Поскольку испанский перевод еще не был доступным, дискуссия по ней не могла состояться и вопрос был отложен до следующего созыва. Свидетельство одного из членов ИАФ подтверждает впечатление о том, что она оставалась неизвестной:

«*Платформа* мало повлияла на движение в изгнании и внутри страны. Защитников было мало. Ты знаешь, насколько мы были в то время 'радикализованными' и с какой сдержанностью мы относились к любому изменению и пересмотру. *Платформа* была попыткой обновления, чтобы придать спаянности, размаха и реалистического характера международному анархистскому движению, в свете опыта русской революции и, особенно, Украины. Сегодня, после нашего собственного опыта, мне кажется, что мы недооценили эту попытку»¹⁶².

Многие испанцы, как мы видели, участвовали во встречах-обсуждениях, организованных *Делом Труда*. В 1927 году, по выходе из французской тюрьмы, Асказо и Дурутти долго беседовали с Нестором Махно о его украинском опыте. Изгнанник передал им уроки, которые он извлек из всей своей деятельности и, вероятно, изложил смысл и содержание проекта *Платформы*. Впрочем, он следил за ситуацией в Испании, и в 1931 году встал вопрос о его выезде туда для руководства партизанской войной на севере страны. Хотя основные направления *Платформы* были известны, кажется все же, что она не была прочитана и, в особенности, обсуждена. По этому поводу следует принимать во внимание еще один фактор: некоторую «обособленность» испанцев. Учитывая

давность их существования, их богатый собственный опыт, они, должно быть, не считали приемлемым для себя получать «уроки» извне и проявляли большое доверие к собственным способностям, а, вероятно, существовал и комплекс превосходства над международным рабочим движением, которое жалким образом провалилось в 1914.

Чтобы дополнить это краткое рассмотрение возможного влияния *Платформы* на испанское либертарное движение, приведем еще слова Сезара М.Лоренцо, автора авторитетного труда об этом периоде, который пишет, что *Лос Солидариос*, известная группа активистов, таких как Дурутти, Асказо, Гарсия Оливер, Ховер, Виванкос и другие, «просто констатировали, что *Платформа* совпадает с их собственными взглядами»¹⁶³. Это следует принимать с оговорками, так как, под влиянием Гарсия Оливера, эти товарищи несколько отклонились от концепции роли, возложенной на специфическую анархистскую организацию, к типично авангардистской стратегии: они прямо проповедовали ее стремление

«захватить политическую, административную и экономическую власть посредством собственных профсоюзов, разрушив до этого старый государственный аппарат. Эта власть, на которую будет возложена прежде всего организация производства и распределения в новом либертарном обществе, была бы, таким образом, негосударственной повстанческой властью синдикального типа, идущей от периферии к центру и представляющей собой совокупность объединенных в федерацию революционных комитетов, определенного рода демократическую «диктатуру пролетариата», обуздывающую правые силы, бывших собственников, церковь и т.д. В качестве переходной власти она не предполагала бы диктатуру в банальном смысле этого слова. Руководствуясь либертарной идеологией (а не марксизмом, догматической доктриной без гуманистического содержания), она превозносила бы свободу народа, инициативу масс, и пригласила бы другие левые организации к сотрудничеству в деле возрождения»¹⁶⁴.

Но как осуществить этот «захват власти»? Это следовало делать не посредством специфической и даже профсоюзной организации, а при помощи «революционной армии», «централизованной профсоюзной милиции под командованием уважаемого национального штаба».

Различие с *Платформой* было, таким образом, значительным, роль, которую она отводила специфической организации, была чисто политической по отношению к базовым организациям пролетариата, тогда как «революционная армия» полностью их подменяла. Это был, если перефразировать определение ленинизма Шарля Раппопорта, «бланкизм под каталонским соусом»! Однако именно такой концепции строго придерживались в 1936 году, как мы это увидим ниже.

Тем временем члены группы *Лос Солидариос* получили от своих противников в НКТ прозвище «анархобольшевиков». Это не помешало

им выступить решительным образом на съезде Конфедерации в июне 1931 года, чтобы устранить марксистов, франкмасонов и реформистов из руководящих органов НКТ, затем присоединиться к ИАФ и оказать влияние на ее ориентацию. Они проповедовали «непрерывную классовую войну, твердость в отношении компартии и реформизм, как социал-демократический, так и либертарный». Среди последних сторонников назовем группу «Тридцати» во главе с Пейро, которые считали себя более конструктивными, но были отнесены к «реформистам». По их мнению, либертарный идеал

«сохраняет ценное основание, но следует отбросить некоторые пред-
рассудки и ошибочные тактические приемы, которые превозносились
до сих пор. Следовало, в частности, привлечь интеллигенцию и тех-
ников, создать производственные и потребительские кооперативы,
прибыли от которых послужат целям пропаганды, подготовки образо-
ванных борцов и строительства рабочих культурных центров. Необ-
ходимо также создать прочную и дисциплинированную организацию
и повести наступление на неграмотность, на недостаточное знание
марксизма и анархизма, который был прежде всего толерантным, ан-
тидогматическим и благородным, его главный интерес составляла
мораль и философия»¹⁶⁵.

Подавляющее большинство анархистов из НКТ находилось между этими двумя противостоящими тенденциями. Однако, именно активистской тенденции следует приписать восстания 1932 и последующих годов, кульминацией которых стала Коммуна Астурии (совместно с социалистами и синдикалистами). Все они были беспощадно и кроваво придушены властью, иногда левой, иногда правой. Действительно, отметим решающее участие анархистов в местных испанских выборах: в 1931 году своим голосованием в пользу левых они свергли монархию; в 1933, разочарованные левыми, стоявшими у власти, они заставили маятник отклониться в другом направлении и своим воздержанием привели к власти правых. Наконец, опять та же игра: чтобы добиться амнистии 30 000 политических заключенных (попавших за решетку в результате восстаний) в феврале 1936 года они проголосовали за Народный фронт и добились его триумфа. И, в довершение всего, для таких постоянных сторонников восстания, которыми они не переставали быть с незапамятных времен, они вынуждены были столкнуться 19 июля 1936 года с восстанием националистических мятежников. Им пришлось защищать «республиканскую законность»! Движимые обостренной страстью и безумным героизмом, они одержали легкую победу в Барселоне и в Каталонии, которую полностью взяли под свой контроль. В остальной части страны это менее очевидно и добрая ее половина остается в руках Франко и его мавров. Антифашисты и НКТ удерживали все же самую богатую часть страны. Именно здесь начинаются

проблемы, и теоретические пробелы становятся очевидными: как сделать так, чтобы осуществление этой власти стало эффективным без установления государства, в «буржуазном» смысле этого термина, то есть, чем заменить правительство, министров, администрацию, полицию, армию и все колесики государственной машины? До сих пор речь шла об установлении коммунистической либертарной республики, замене «правления людей управлением вещами», установлении свободной федерации коммун, организации среди них производителей и потребителей, а теперь было необходимо, среди прочего, обеспечить защиту революции, не оттолкнув при этом потенциальных союзников, каковыми были социалисты, каталонские республиканцы и другие Пумисты (троцкисты) – их вчерашние злейшие враги, – не оказавшись также в изоляции в международном плане от английской и французской «демократий». Короче, это были все те волнующие и жизненные аспекты, которые недавний съезд НКТ, проходивший с 1 по 10 мая 1936 года в Сарагоссе, постарался обойти, погрузившись в определение «конфедеративного понятия либертарного коммунизма». Асказо и Гарсия Оливер попытались предложить съезду создание отрядов конфедеративной милиции, способных разгромить военный путч, на что Сиприано Мера ответил: «Товарищи Асказо и Гарсия Оливье могли бы, конечно, нам сказать, какого цвета генеральские повязки они хотят иметь»¹⁶⁶.

По иронии истории сам Мера стал настоящим генералом в качестве командующего IV армейского корпуса и не шутил ни с дисциплиной, ни с соблюдением иерархии. Бывшие члены *Лос Солидариос*, перегруппировавшиеся в *Носотрос*, думали создать предпосылку для повстанческой армии, объединив комитеты защиты НКТ–ИАФ, существовавшие с 1931 года, но не имевшие никакой координации и никакого штаба. Этот момент, рассмотренный в *Платформе* и статьях Нестора Махно, следовало бы детально изучить за годы до этого.

Как только победа была обеспечена благодаря вооруженной борьбе, барселонская НКТ собралась 20 и 21 июля 1936 года на пленарное заседание и приняла двусмысленное постановление: региональное правительство Женералитат сохраняется как вывеска для международного употребления, а настоящая революционная власть создается в форме Центрального комитета отрядов антифашистской милиции. Он состоял вначале из пятнадцати членов, представлявших поровну три главных тенденции левого движения: НКТ–ИАФ, Марксистов (сталинистов, присоединенных без их согласия к Пумистам) и каталонских республиканцев. Вскоре он разделился на несколько комитетов и комиссий: снабжения, образования, расследования (безопасности), права и Совет по экономике, который играл основную роль в производстве и административной организации. Контрольные патрули, включавшие 700 человек (325 из которых анархисты) и подчинявшиеся центральному комитету из 11 членов (4 из которых анархисты) смотрели за обществен-

ным порядком. Все ключевые посты в этих комитетах находились в руках анархистов. Гарсия Оливер был «душой и неутомимым вдохновителем» центрального комитета отрядов милиции, и представлял собой «фигуру несомненного революционного вождя». Он на деле осуществлял то, что проповедовал десять лет назад вместе с *Лос Солидариос*.

Центральный комитет отрядов милиции сохранил престиж всех антифашистских сил, скрепив их единство. Тем не менее, каждая организация располагала, кроме того, своими собственными вооруженными группами, своими колоннами, отправленными на фронт и даже своей полицией и своей тюрьмой. Во всей Каталонии революционные комитеты, организованные по более-менее одинаковому образцу, взяли в свои руки власть на местах, управление социальной и экономической жизнью.

Руководствуясь неотложными соображениями, как, например, снабжение оружием как со стороны национального правительства в Мадриде, так и из-за границы, руководство НКТ пересмотрело свое отношение к этим революционным структурам и присоединилось к классическому правительству, вначале в Каталонии, затем в Мадриде.

Какова была альтернатива и как она возникла? Ответ имеет принципиальное значение, так как сотрудничество с «буржуазным» правительством станет впоследствии ахиллесовой пятой испанского либертарного движения. Все решилось на Пленуме местных и кантональных федераций Либертарного движения Каталонии в конце августа 1936 года. Особым обстоятельством явилось то, что этот Пленум, собравший всех руководящих участников движения, которые не были на фронте, был тайным. Напомним, что создание Центрального комитета отрядов милиции представляло собой уже отклонение от доктрины, требовавшей прямого установления либертарного коммунизма, но это было наименьшим злом, так как анархисты контролировали ситуацию. Однако мнение базовых органов НКТ-ИАФ уже не было принято во внимание. Теперь, после продолжительных дискуссий, выбор предложил Гарсия Оливье: «Или мы сотрудничаем, или мы навязываем диктатуру». Сезар Лоренцо, рассказавший об этом эпизоде, комментирует, утверждая, что «речь на самом деле не шла о том чтобы вернуться к старой аполитической традиции и к 'безвластным' идеям, полностью отброшенным, устаревшим в свете новых событий, но кое-кто упорствовал, защищая их наперекор стихиям»¹⁶⁷. Это последнее замечание указывает, что некоторым этот «суп» пришелся не по вкусу. На то, однако, были причины, они не могли так легко отказаться от того, что было смыслом жизни и борьбы нескольких поколений борцов. Альтернатива, выдвинутая Гарсией Оливером также не была точной: как можно называть «диктатурой» власть, осуществляемую анархистами, – занимавшими господствующее положение в этих условиях, – в согласии с почти всем трудящимся населением. В этом являлось явное злоупот-

ребление терминологией. Тем не менее, Гарсия Оливер, которого поддерживали старые члены *Лос Солидарис* и *Носотрос*, был сторонником взятия власти НКТ со «всеми сопутствующими этому рисками и опасностями». Он «хотел, чтобы политические партии были устранены, ВСТ (Всеобщий Союз Труда, социалистический профсоюз) превращен в вассала, Женералитат упразднен и чтобы Центральный комитет отрядов милиции, обновленный, получивший большие полномочия, стал высшей властью». Это было что-то среднее между Комитетом общественного спасения по бакунинской повстанческой линии и большевистским Советом народных комиссаров октября 1917 года. На выбор. Большинство руководителей НКТ избрали сотрудничество, а именно, участие в автономном каталонском правительстве. Диего Абад де Сантильян, главный защитник такого решения, позже объяснил, что его главным мотивом было получить оружие, валюту и сырье для промышленности и что ради этого следовало перестать «поддерживать народную власть».

Решение участвовать в правительстве Женералитат было ратифицировано региональным съездом единных профсоюзов, состоявшемся 24–26 сентября и собравшем 505 делегатов, представлявших 327 профсоюзных организаций, на его «тайном» заседании при закрытых дверях. Разница состояла в том, что с этого момента каталонское правительство стало называться «Совет Женералитат». В его состав вошли три «советника» от НКТ.

Это вошло в привычку, и не оставалось ничего другого как поступить так же в других районах страны и даже по всей территории. Заметное исключение составлял Арагон, оказавшийся на передовой линии фронта. Оплот анархо-синдикализма Сарагосса был потерян из-за просчета одного из руководителей, Абоса, который предпочел поверить гражданскому губернатору Вера Коронелю и генерал-губернатору Кабанелласу, которые были как и он масонами, а не своим собственным опасениям, и, что еще хуже, который сумел заставить поверить большинство своих товарищей в вымыслы своих друзей-масонов¹⁶⁸. Результат оказался катастрофическим: оставшись без оружия, от 15 до 30 тысяч революционеров стали жертвами репрессий мятежников и заплатили своей жизнью за легкомыслие и наивность нескольких «руководителей». В ответ на это арагонские анархисты стали более радикальными и непримиримыми. Они без колебаний создали региональный Совет, состоявший исключительно из анархистов, во главе с младшим братом Асказо, Хоакеном. То, что каталонские анархисты не решились осуществить, было сделано арагонцами. Тем не менее им пришлось пройти под кавдинским ярмом центрального правительства и умерить свои притязания.

После общенационального Пленума 15 сентября 1936 года НКТ потребовала создания Национального совета обороны, который состоял

бы из пяти представителей НКТ, пяти представителей ВСТ (социалистов) и четырех республиканцев. Это явилось логическим следствием принятой политики антифашистского единства и отражало действительное соотношение экономических и социальных сил на федералистской основе относительно соответствовавшей анархистским принципам, так как государство не представляло собой больше министерства, армию, полицию, офицеров, все эти названия поменялись на «департаменты, военная милиция и народная милиция, военные техники». Генеральный секретарь НКТ, Горасио Прието, ожесточенно боролся против этого проекта из-за «полного отсутствия в нем реализма, учитывая присутствие иностранных держав и интернациональный характер войны». Ему удалось убедить общенациональный Пленум региональных федераций, состоявшийся 18 октября, в необходимости открытого и прямого сотрудничества с правительством, таким, как оно есть. Организационным последствием этого реформистского выбора стало усиление власти Национального комитета НКТ, который «больше не избирается федерацией по месту своего нахождения, а формируется из постоянных делегатов региональных федераций и из представителей аппарата, более многочисленных и специализированных». Сезар Лоренцо (попутно заметим, являвшийся сыном Горасио Прието) указывает, что «НКТ получила с этого момента, центральный орган, сложный и эффективный, свободный от давления местных активистов». Действительно, перед бюрократизацией Конфедерации открылась просторная дорога.

Как хитрый Грибуй, который бросается в воду, спасаясь от дождя, руководители НКТ-ИАФ, по крайней мере, их большинство, побоялись начать революцию под тем предлогом, что они хотели вначале выиграть войну, и покатались от отступления к увиливанию, от компромиссов к капитуляциям. Этот скользкий склон оказался фатальным: роспуск Центрального комитета отрядов милиции Барселоны, милитаризация отрядов милиции, рост влияния сталинистов, устранение Пума, роспуск Совета Арагона, разрушение либертарных общин, майские дни 1937 года в Барселоне (где руководители НКТ отняли у повстанцев их победу над сталинскими провокаторами).

Структуры НКТ-ИАФ отражают это политическое отступление и следуют за ним: Национальный комитет обороны потерял свою самостоятельность и стал простым военным отделом Национального Комитета Конфедерации. В Барселоне, 2 апреля 1938 года, состоялась региональная ассамблея НКТ, ИАФ и ИФЛМ (Иберийской Федерации Либертарной Молодежи). Выступивший на ней Гарсия Оливер жаловался на отсутствие дисциплины и беспорядок, царившие внутри движения, и предложил создать Исполнительный комитет, который «располагал бы всей властью, контролировал бы и руководил всем: прессой, конфедеративными войсками, экономикой». Он получил единодушную под-

держку. Этот Исполнительный комитет либертарного движения Каталонии, состоявший всего из десяти членов, имел «право исключать лиц, комитеты, профсоюзы, федерации, которые не будут выполнять его решений. Его исполнительная сила распространялась как на фронт, так и на тыл. Он ставил своей задачей непреклонно проводить военизацию, интенсифицировать всеми средствами производство и способствовать вхождению НКТ в центральное правительство Женералитат и во все административные структуры государства. Для помощи в осуществлении своих функций комитет назначал военную комиссию и политическую комиссию»¹⁶⁹. Это был большевизм «чистой воды», насколько мы в этом понимаем. Национальный Комитет НКТ не мог терпеть подобную ересь. Горасио Прието, считавшийся, однако, «большим бюрократизатором», заявил, что можно считаться только с Каталонским региональным комитетом и что этот Исполнительный комитет, не утвержденный никаким съездом, не может иметь законного существования. В результате этого противодействия проект был действительно отклонен.

В августе 1938 года Горасио Прието опубликовал серию статей, в которых публично изложил идеи, представленные уже год назад узкому кругу. По его мнению,

«Либертарный коммунизм может быть только далекой целью, стремлением, а анархизм – моралью, философией. Чтобы достичь этого коммунизма необходим продолжительный переходный период, во время которого реализация либертарных идей возможна, но не систематически. Следует проявлять оппортунизм, гибкость, не колеблясь участвовать в правительстве, во всех высоких государственных обязанностях и даже в парламенте с намерением захватить власть. Следует постоянно, а не по обстоятельствам, заниматься политикой; революционный аполитизм мертв»¹⁷⁰.

«Обедня была отслужена», и либертарный коммунизм отложен в долгий ящик, если вообще не в музей антиквариата и утопии. Очевидно, ИАФ должна была превратиться в озабоченную успехом на выборах и политиканскую партию, взявшую на себя обязанность представлять интересы НКТ. Впоследствии Прието назвал это «политикой использования возможностей», присоединившись, поверх Пиренеев и времени, к подходу Поля Брусса. Однако он не получил поддержки большинства национального Пленума региональных федераций либертарного движения Барселоны, собравшегося с 6 по 30 октября 1938 года, чтобы определить свое отношение к этому проекту и выработать стратегию. Отметим также существование Политических вспомогательных комиссий (ПВК), органов, созданных с июня или июля 1937, перед которыми стояла задача информировать «членов по всем вопросам, выходящим за чисто профсоюзные рамки и давать им советы,

как *наилучшим образом действовать в политике*»¹⁷¹ (выделено нами). Они состояли из самых известных руководителей и стали «настоящими центрами управления НКТ» (Лоренцо). Как мы видим, федерализм НКТ был только фасадом, и в организационной практике все больше насаждался настоящий демократический централизм якобинского типа.

«Руководители» решили все и за всех. После того, как была совершена ошибка – участие в правительстве Женералитат, – повлекшая за собой все остальные, стечение этих сложных обстоятельств раздавило доктрину, добрые намерения и революционную волю. Поражение стало неизбежным, так как оно уже присутствовало внутри лагеря революции. В очередной раз уроки предшествующего опыта не были усвоены: самые радикальные революционеры – анархисты и близкие к ним – оказались одни против всех, и только в борьбе против всех сразу, то есть осуществляя самую полную революцию, можно было достичь победы. Остановиться на этом пути означало вырыть собственную могилу, как когда-то сказал Сен-Жюст.

Следует сказать, что этот вкус к «политике» не был оценен всеми членами и активистами НКТ-ИАФ. Существовала группа *Друзей Дуррути* (разоблаченная как «провокационная» руководителями НКТ), *Железная Колонна*, которой Региональный комитет Валенсии помешал наказывать по заслугам сталинистов и которая продолжительное время отказывалась от военизации. Когда в марте 1937 года, зажатая со всех сторон, она должно быть на это решилась, в ее рядах из около 20 000 оставалось 3000–4000 бойцов, «все стальные предпочли дезертировать, чтобы не превратиться в солдат-роботов». То же происходило и в других колоннах, но не в таких масштабах¹⁷².

Следует, тем не менее, отметить, что подавляющее большинство рядовых членов пассивно восприняли резкие повороты руководства. Как это объяснить? Прежде всего, необходимостью заняться самыми неотложными делами, а именно: антифашистской войной и сохранением хотя бы минимума революционных завоеваний, затем чрезмерным доверием к своим руководителям. Эта харизма, убивающая всякое критическое отношение, является, по утверждению Бакунина, врагом революционера, и в данном случае также можно отметить ее вредность. Среди руководителей те, кто колебался, как Дуррути, предпочли уйти сражаться, чем вести пустые разговоры. Трудно переоценить потерю, которой стала смерть Франсиско Асказо, который вместе с Буэнавентурой Дуррути составлял совершенную пару. Если бы он пережил 19 июля 1936 года, вероятно, отвагой, дерзостью и изобретательностью он мог бы изменить военную ситуацию, например, быстро захватив Сарагосу. Более того, смерть Дуррути стала катастрофой, как военной, так и политической. Как пишет Абель Паз, его убили вторично, приписав ему выдуманную фразу, которую можно выворачивать во всех на-

правлениях «отказаться от всего, кроме победы!». Напомним эпизод с золотом банка Испании, который приводит А.Паз: Пьер Бэнар настоятельно советовал не повторить ошибку Парижских Коммунаров в 1871 году, когда они не посмели воспользоваться золотом банка Франции. Более того, он нашел консорциум торговцев оружием, который брал на себя обязательство поставлять все необходимое современное оружие за звонкую и полновесную монету, конечно же. Дуррути подготовил нападение на банк в Мадриде, в котором хранилось золото, силами в 3000 бойцов анархистской колонны *Тьерра и либердад* (Земля и Воля) с тем, чтобы переправить золото в Барселону и совершить сделку. Диего Абад де Сантильян имел неосторожность сказать об этом в Национальном Комитете НКТ, который, испугавшись напряжения, которое могло возникнуть из-за этого между Мадридом и Барселоной, провалил все дело, заявив о нем публично. Дуррути сделал Сантильяну хорошую «взбучку», но дело потерпело неудачу. Вот от чего может зависеть судьба революции: от нерешительности и в особенности от отсутствия отваги у некоторых «ответственных лиц»¹⁷³.

Однако именно низы, плебс, народ, обездоленные, нищие, как бы не называли этих крестьян и рабочих Каталонии, Леванта, Арагона, Андалузии, Кастилии и других мест, именно они спасли честь анархизма, взяв свою судьбу в свои собственные руки, организуя замечательные общины, в которых даже те, кто никогда не слышал о либертарном коммунизме или был враждебно к нему настроен, с усердием осуществляли его на местах. По свидетельству Гастона Леваля, таких общин было около 1600, возможно, с небольшим отклонением. Каждая из них, как и каждый из маленьких городков, организованных в коммунальную форму, заслуживают, наверное, отдельной книги, по мнению этого автора (сына парижского коммунара, умершего в СССР). Вся творческая активность, инициативы, преобразования в человеческих отношениях были «замечательным расцветом». «Полностью отдавая себе отчет в значимости слов, без гипербол, без тени демагогии я повторяю: никогда за всю историю мира, насколько она нам известна до нынешнего дня, подобное социальное творчество не было осуществлено нигде. Это было сделано за несколько месяцев, если не за несколько недель или даже дней, в зависимости от конкретного случая»¹⁷⁴. Поправим старого пропагандиста (делегата от НКТ на съезде Красного Профсоюзного Интернационала в Москве в 1921 году), напомнив подобные свершения махновских повстанцев в Украине 1917–1921. Приведем в пример также замечательных ополченцев из анархистских колонн, которые в сандалиях и майках, вооруженные какими-то плохонькими винтовками, на стареньких грузовиках, двинулись на завоевание нового мира. Здесь речь вовсе не идет о том, чтобы причислить этих бойцов и строителей социальной революции к фракции руководителей, которые «играли в политику». Ни в коей мере не желая смягчить ответственность этих ру-

ководителей, напомним общую враждебность в международном плане, которую вызвала испанская революция 19 июля, постоянный шантаж вооруженного вмешательства со стороны западных стран и Сталина и постыдное поведение, в частности, правительства французского Народного Фронта во главе с Леоном Блюмом, который «наложил в штаны от страха» перед Гитлером и Муссолини, согласившись на невмешательство, тогда как малейшее усилие с его стороны быстро обеспечило бы победу республиканского лагеря в Испании. Что касается французских пролетариев, они воспользовались «оплачиваемым отпуском» – миской чечевицы, на которую они променяли солидарность, – в момент, когда их братья по ту сторону Пиренеев погибали из-за нехватки оружия.

Могла ли более решительная политика анархистов изменить это враждебное отношение? Приведем по этому поводу мнение Виктора Альбы, автора истории Пума:

«Если бы НКТ устремила свои силы на завоевание власти в Каталонии, а она бы смогла ее захватить менее чем за два дня, ситуация на остальной республиканской территории могла бы измениться. За политическое устранение коммунистов можно было бы выторговать английское, чешское и французское оружие (как ответ на шантаж советским оружием), или же можно было бы поставить Москву перед альтернативой оставить испанскую революцию или помочь ей, даже если коммунисты ее не контролировали, в обмен на принятие политического существования этих последних с надлежащим контролем над ними»¹⁷⁵.

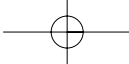
Во всем этом нет уверенности, однако стоило, наверное, сделать попытку. Но историю не переделать. Сделаем из этого вывод, что любой союз анархистов с политиками, левыми или ленинско-сталинскими – как на Украине и в Китае в 1925-30 годах – оборачивался каждый раз для них политическим и физическим поражением. Поражение 1939 года в Испании знаменует, во всяком случае, продолжительный закат либертарных идей, и только пройдя почти тридцатилетний путь по пустыне, они вновь ярко проявили себя в мае 1968 года во Франции и в мире.

Несмотря на свою малочисленность, французские анархисты сделали все возможное чтобы помочь своим испанским товарищам. Сотня *Себастьяна Фора* сражалась в рядах *Колонны Дуррути*, провиант и вооружение, в ограниченном количестве (2 грузовика в неделю), регулярно отправлялись по ту сторону Пиренеев, велась интенсивная пропаганда в поддержку иберийской революции. Чисто либертарный Комитет за свободную Испанию, по просьбе испанских товарищей, уступил место французской секции Антифашистской Международной Солидарности (АМС), с более широким представительством, включавший

представителей левых и синдикалистов из ГКТ, таких как Жуо, Дюмулэн и Ренэ Белэн. АМС насчитывала до 15 000 членов, издавала еженедельник, имевший 5500 подписчиков в феврале 1939 года, и постоянно проводила митинги. Именно в этот последний период, соответствовавший концу гражданской войны в Испании, была необходима солидарность, чтобы победить враждебное отношение французского правительства и апатию значительной части населения. Как и полагается, среди 500 000 испанских беженцев именно анархисты были лишены средств к существованию; республиканцы и социалисты более легко находили прибежище в Южной Америке. Анархисты жили в ужасных условиях на побережье и в глубине Русильона (французская юго-западная сторона Пиренеев) и заплатили дополнительную цену (16 000 умерших от болезней, недоедания и холода) социальной революции и всеобщему безразличию. Помощь французских товарищей и части местного населения несколько облегчила их участь.

Гитлеровско-сталинский Пакт и начало военных действий в сентябре 1939 года еще раз обнажили организационную и практическую слабость анархистов. Несмотря на публикацию большого числа пацифистских призывов и листовок Луи Лекуэном и Николя Фосье, которых сразу же арестовали, анархисты вынуждены были искать индивидуальные решения, чтобы «спасти свою кожу» в этом чуждом им конфликте. Некоторые эмигрировали в Швейцарию или в другие места, в зависимости от своих возможностей; другие ринулись в подполье со всем присущим ему риском: Морис Жуае, несмотря на свою расторопность, вновь оказался в тюрьме и к 1945 году, в возрасте тридцати пяти лет, насчитывал уже десять лет заключения в военных карательных учреждениях¹⁷⁶. Те, кто был мобилизован и согласился идти в огонь, погибли в нем, как Фремон, секретарь Союза Анархистов.

Оказавшись между двух огней, испанские анархисты, включились в борьбу против немецких оккупантов и их вишистских сообщников. Некоторые из них, как Хуан Пейро, идеолог группы «30» в 1931 году, были выданы Франко и, отказавшись идти на компромисс, были расстреляны (как и Компанис, бывший председатель Женералитет Барселоны). Некоторые были депортированы в немецкие концентрационные лагеря. Значительное число испанских либертариев вошли в состав маки юго-запада и сыграли решающую роль в освобождении этого региона. Другие, бежавшие в Северную Африку, вошли в состав 2-ой бронетанковой дивизии генерала Леклерка и вступили освободителями в Париж на танках, носивших имя «Дуррути» и «Асказо». Все они имели законную надежду рассчитывать на взаимную благодарность и получить возможность освободить в свою очередь свою родную землю, но напрасно, так как западные союзники в своих расчетах решили по-иному.

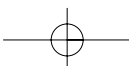

XVIII

Итог: выработать средства для осуществления своих целей

В ходе нашего исследования анархистских концепций и их организационной и социальной практики мы избрали для рассмотрения три страны – Францию, Россию, Испанию, которые нам показались исторически благоприятными для анархизма. Кроме того, они представляют собой достаточно известные случаи. Между тем, чтобы составить себе более полное представление о теме, следовало также рассмотреть анархистское движение, иногда очень мощное в определенные периоды, таких стран, как Болгария, Италия, Португалия, Китай, Корея, Япония, Мексика, ФОРА в Аргентине, не говоря уже о Соединенных Штатах. Это не представлялось возможным из-за отсутствия места и времени (пришлось бы увеличить в десять раз объем этой книги). С другой стороны, мы воздерживались от чрезмерных комментариев к цитируемым работам и точкам зрения – в большинстве своем неизвестным и недоступным – по уже указанным соображениям, и полагаемся на читателя, который сам выработает необходимое критическое отношение. Вот так мы определили границы нашего исследования.

Значительную трудность представляло решение проблем терминологии, вызванное употреблением терминов с неустоявшимся значением, часто исторически датированных, иногда переведенных в искаженном виде, поиск эквивалентов для которых оказался делом весьма деликатным. Чисто анархистский словарь также вызывал трудности. Для слов «анархист» и «либертарий», двух синонимов, появившихся параллельно в 1840-1850 годы, имеется устоявшееся употребление. Напротив, для терминов «анархо-коммунист» и «либертарный коммунист», также возникших одновременно – в 1876 и 1881 годах – мы отдали предпочтение систематическому употреблению второго, содержащего одновременно в своем значении «обобществление и свободную коммуну», а не первого, ставшего размытым эквивалентом термина «анархо-большевик». Разумеется, термин «коммунизм» был также из-

вращен большевиками, которые, впрочем, приняли его довольно поздно, в 1918 году, но то же можно сказать и о слове «революция», которым манипулировали во всех направлениях. Желательно иметь максимально точную терминологию, так как смешение и недоразумения могут вызвать настоящие трагедии, если взять, например, «совет» или «власть советов», использованные Лениным в качестве приманки, чтобы установить тоталитарный деспотизм. Не следует играть со словами, они могут убить – вот урок, который из этого можно извлечь. Им следует придать или восстановить первичный смысл.

Для анархистов некоторые слова представляют собой, и не без основания, табу, например «вождь», «партия», «центр» и «государство». Другие употребляются, на наш взгляд, неправомерно: в частности «марксизм», систематически отождествляемый с ленинизмом-сталинизмом, тогда как его следует применять в экономических анализах и, в крайнем случае, по отношению к немецким социал-демократам до 1914 года. «Большевик» часто употребляется вместо «якобинец» или «бланкист». «Политика» используется в значении «политиканство», в то время как ему следовало бы вернуть аристотелевский смысл, а именно «общественная жизнь». «Власть» стало синонимом центральной власти, государства, тогда как принять решение и применить его – это акт власти; существует власть над собой, своей собственной жизнью и власть над другими, господство над ними. Можно провести различие между властью решения и властью исполнения. Короче говоря, следовало бы знать, о чем идет речь и регулярно пересматриваемая лексика могла бы принести большую пользу. Таким образом, надлежит иметь в виду эти различные нюансы, прежде чем взяться за какой-либо текст, это облегчит его чтение и понимание.

Точно так же теперь должно быть очевидным, что либертарная организация не является инструментом для повиновения приказам сверху или из центра, а местом осуществления взаимной помощи и средством осуществления индивидуальных усилий для того, чтобы придать им тем самым более сильный общественный резонанс. Должна ли эта организация быть постоянной, недолговечной, созданной по обстоятельствам, специфической или широкой? Ответим прописной истиной: все зависит от ее цели. Здесь, нам кажется, не следует смешивать виды: существуют организации пропагандистского типа, по политическим симпатиям, для социальной битвы и военной борьбы, в зависимости от того, соответствуют ли они распространению либертарных идей, изданию журнала или газеты, профессиональному или синдикальному объединению или революционному восстанию. Все это зависит также от условий того места, где мы находимся: среди нескольких десятков стран мира, где существуют формальные свободы, «действительно» позволяющие пропаганду, или же на остальной, большей части планеты, где сами слова *Анархия* и *свобода* изгнаны из обывденного языка.

Отсюда выбор между официальным и подпольным характером организации, стратегия и тактика, приспособленные к местной действительности. Уточним все-таки, что насильственные действия – вооруженные или террористические – представляются нам не только неуместными, но даже подлежащими исключению в странах, где допускается свободная пропаганда идей. Опыт показывает, что они приводят зачастую к полицейским провокациям или к очень сомнительным манипуляциям.

Тем не менее, мы это видели, организация представляет собой нечто большее, чем простую сумму индивидов, это коллективная сила – синергия, – которая может оказывать значительное влияние на действительность. Если ей не хватает гибкости, мобильности или динамизма, она неминуемо превращается в окостеневший аппарат если не в откровенную бюрократию. Как установить согласованное гармоническое равновесие между сознательным и автономным индивидом и стремлением к организации? Индивид является одновременно силой и слабостью анархизма, как эзопов язык он может быть одновременно наилучшим и наихудшим. В качестве решения мы отдаем предпочтение идее, предложенной Бакуниным: «братский постоянный контроль каждого всеми»; это нам представляется лучшим противоядием против всякого сползания в сторону бюрократии. На этой стадии организация имеет ценность только благодаря индивидам, которые входят в ее состав: если они откажутся от всякого критического отношения и потеряют бдительность, не помогут и наилучшие организационные уставы. Безответственных лидеров, руководителей и вождей создают пассивные, инертные, «молчуны». Не стоит питать иллюзии, организационная и социальная практика далеко не ангельская, и многие зачастую идут по линии наименьшего усилия. Добавим к этому неизбежный разрыв между мыслью, сказанным и написанным словом и делом, чтобы подчеркнуть необходимую ясность ума каждого, которая является единственным гарантом *степени* соответствия между этими четырьмя уровнями выражения и действия. Здесь следует быть четким и категоричным: данного слова и принятого обязательства необходимо придерживаться, иначе все становится невозможным. Осуществление является абсолютным критерием, позволяющим избежать потери времени и энергии.

Практические структуры функционирования составляют наименьшее зло для посредничества между индивидами. Их инициатива ни в коем случае не может быть обуздана принятием правил организационной игры: голосование, выдвижение, точно определенные и обязательные полномочия. Доброжелательность и братская воля к взаимопониманию должны предшествовать внутренним отношениям. Таким образом, большинство и меньшинство должны уметь, если понадобится, идти на необходимые уступки, в противном случае совместная дея-

тельность останется невозможной. То, что объединяет, должно чувствоваться сильнее, чем то, что разъединяет. Как бы там ни было, в желанном свободном обществе будет именно так. Если общим знаменателем для анархистов является отрицательное отношение – отказ подчиняться системам угнетения, оно должно быть уравновешено положительным отношением – волей к объединению. Разумеется, существует буква и дух, и следует уметь придерживаться первой, вдохновляясь вторым. Любой организационный фетишизм – обязательные членские билеты, марки взносов, культ бесконечных заседаний и т. д. – представляется нам устаревшим и опасным, его следует избегать. Он с успехом может быть заменен интенсивным и постоянным движением информации.

Оставаясь меньшинством, иногда незначительным, по отношению ко всей массе общества, революционеры ведут борьбу как для себя, так и для всех. Быть анархистом означает не только протестовать против любого посягательства на собственную автономию – любая здоровая личность полностью способна на это, – но и быть последовательным в своем поведении, как выражении своей этики, по отношению к самому себе и к другим. Именно благодаря этому бунтарь не укладывается в стержневую для современного общества пару угнетающий–угнетенный. Его воля, утвержденная коллективно, определяет либертарный коммунизм, самую совершенную форму прямой демократии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

ГЛАВА II

1. *Max Stirner, Œuvres complètes*, L'Unique et sa propriété. Lausanne, Ed. L'Age d'Homme, 1972, с. 347 и следующие.
2. *P.J. Proudhon, De la justice dans la révolution et l'Eglise*. Paris, 1858, T I, с. 117.
3. Там же, *T. III*, с. 228.
4. Там же, *T. I*, с. 225.
5. *P.-J. Proudhon, Du principe fédératif*. Paris, 1957, Rivière, с. 361.
6. *P.-J. Proudhon, Confessions d'un révolutionnaire pour servir à l'histoire de la révolution de février*, Paris, 1852, с. 35 и 37.
7. *L'Anarchie*, Journal de l'ordre, par A. Bellegarrigue, *Paris, n° 1, avril 1850, с. 6*.
8. *J. Déjacque, A bas les chefs !* Paris, Champ Libre, 1971 (La question révolutionnaire), с. 47.

ГЛАВА III

9. Цитируется Жаном Лонге (внуком Маркса) in Jean Longuet la *Politique internationale du marxisme*, Paris, 1918, с. 130.
10. Н.Е. Kaminsky, *Bakounine, la Vie d'un révolutionnaire*. Paris, Aubier-Montaigne, 1938, с. 213.
11. Здесь и далее цитируется Программа, воспроизведенная Даниэлем Гереном в антологии: Daniel Guérin, *Ni Dieu, ni maître*, Paris, Maspéro, 1970, T. I, с. 167-223.
12. Michel Bakounine, *De la guerre à la Commune*. Paris, Anthropos, 1972. Lettre à A. Richard du 4 décembre 1868, с. 435-436.
13. *Ni Dieu, ni maître*, *цит. соч.*, с. 219.

ГЛАВА IV

14. *De la Commune à la guerre*, *цит. соч.*, с. 471-472.
15. Archives Bakounine, изданное Arthur Lehning, Leiden. 1961-1982, 7 томов, изданных в восьми книгах. Это издание было воспроизведено издательством les Editions Champ Libre под заглавием *Œuvres complètes* de Bakounine, опубликовано 8 томов. Все ссылки даются по этому самому распространенному изданию. В данном случае: том 7, с. XXXI.
16. *James Guillaume, l'Internationale, Documents et Souvenirs*, T. I, Paris, 1905, с. 130.
17. Michaël Confino, *Violence dans la violence. Le Débat Bakounine-Netchaiev*, Paris, Maspéro, 1973, с. 106-149.
18. Там же.
19. *Œuvres complètes*, T. 6, с. 184-197 и 368-370.
20. *De la guerre à la Commune*, *цит. соч.*, с. 465.
21. Н. Arvon, *Bakounine*, 1966, сс. 9-14. Среди других публикаций автора отметим гнусную книжонку из серии «Que sais-je ?» об анархизме. Этот автор издал два опуса об американских (либертарных) анархо-капиталистах. Эта «жила» ему, должно быть, кажется более выгодной, чем бакунинофобия.
22. В.Г.Графский. *Бакунин*, Москва, 1985, сс. 5-7, 104-105.

ГЛАВА V

23. *Гаагский съезд Первого интернационала*, Протоколы, Москва, 1972, с. 119 (на фр. языке).
24. *Œuvres complètes*, II, с. 462.
25. Там же, с. 121
26. I.Tchernov, *Le parti républicain au coup d'Etat et sous le Second Empire*, Paris, 1906, с. 482.
27. Bakounine, *La liberté*, textes présentés par F.Munoz, Paris, 1965, Pauvert, с. 195–196 (Lettre à Morago, du 21 mai 1872, in *Archives Nettlau*).
28. Там же.
29. К.Маркс и Ф.Энгельс. Манифест коммунистической партии. Сочинения. Т. 4, с. 437–439.
30. К.Маркс. *Заметки о государственничестве и Анархии Бакунина*, в кн. К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин, Об анархизме и анархо-синдикализме, Москва, 1973, с. 169 (на фр. языке).
31. К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Москва, 1955, Т. 4, с. 538–539.
32. Karl Marx, Jenny Marx, F. Engels, *Lettres à Kugelmann*, Paris, Editions sociales, 1970, с. 146–163 для всех цитат из Маркса.
33. *Bulletin de la Fédération Jurassienne*, Lettre de J. Hales aux Internationaux belges, № 20–21, 10 novembre 1872.
34. Маркс-Энгельс-Ленин. *Об анархизме...*, указ. соч., с. 166.
35. Михаил Бакунин. Избранные сочинения. Голос Труда, Петербург–Москва, 1922 Т. V, с. 7.
36. Там же, Т. IV, Политика Интернационала, с. 7.
37. Там же, Организация Интернационала, с. 74–75.
38. Otto Ruhle. *Karl Marx*, Paris, Grasset, 1937, с. 320–321.

ГЛАВА VI

39. *La Première Internationale*, Recueil de documents publiés sous la direction de Jacques Freymond, T. 3I, Genève, Droz, 1971, приведенные цитаты см. с. 7 и сл.
40. J. Freymond, *La Première Internationale*, *цит. соч.*, Т. III, с. 104
41. Там же, Т. IV, с. 53
42. Alexandre Zévaès, *De l'introduction du marxisme en France*. Paris 1947, Rivière, приведенные цитаты находятся на сс. 59–63.
43. J. Freymond, *La Première Internationale*, *цит. соч.*, Т. I, с. 41 и 68.
44. Там же, с. 80.
45. Bakounine, *Œuvres complètes*, *цит. соч.*, Т. 2, с. 391.
46. Bakounine, *Œuvres complètes*, Т. 6, с. 233–235.
47. Arthur Lehning, *M.Bakounine et les autres*, Paris, 1970, 10/18, с. 372.
48. J. Freymond, *La Première Internationale*, *цит. соч.*, Т. IV, с. 514.

ГЛАВА VII

49. Цитируется Жаном Мэтроном: Jean Maitron, *Histoire du mouvement anarchiste en France (1880–1914)*, Paris. 1951, с. 73–74.
50. Louis Andrieux, *Souvenirs d'un préfet de police*, Paris, 1885, Т. 2, L'Anarchie subventionnée, с. 337 и след. Отметим, что Луи Андрие был внебрачным отцом поэта-сталиниста Луи Арагона, автора известного «Нам нужно иметь ГПУ» и шутовских дифирамбов Сталину – «отцу и солнцу народов». Что касается Луи

Андріє, он обладад не только республиканскими и полицейскими достоинствами: имея склонность к вольным шуткам и коварным поступкам, он обрел себе постоянных врагов, и в один прекрасный день, войдя в кабинет к своему министру со словами «У меня для вас хорошая новость!», он услышал в ответ: «Благодарю вас за то, что вы подали в отставку!» («*Le Crapouillot*», juillet 1937). Как настоящий «юморист» он предпочел умолчать об этой забавной подробности в своих мемуарах.

51. Jean Grave, *Quarante ans de propagande anarchiste*, Paris, Flammarion, 1973, с. 401–405.

52. Там же.

53. Jean Galtier-Boissière, *Les mystères de la police secrète. Le Crapouillot*, juillet 1936, с. 114–117.

54. Отчет о съезде, опубликованный *Le Révolté*, n° 13, 20 août 1881. Цитируется Жаном Гареном: J. Garin, *L'Anarchie et les anarchistes*, Paris, 1885, с. 46–50.

55. Там же.

56. *Les Mémoires* de M. Goron, ancien chef de la sûreté, tome I, *De l'invasion à l'anarchie*. Préface par Emile Gautier, Paris, Flammarion, без даты, с. XIV.

57. Приведено Ж.Мэтроном: J. Maitron. *цит. соч.*, с. 106.

58. *La Révolte*, № 3, 1890.

ГЛАВА VIII

59. Gaetano Manfredonia, *L'individualisme anarchiste en France (1880–1914)*, thèse ronéotée pour le doctorat de troisième cycle, présentée à l'Institut d'Études politiques de Paris, 1984, 559 p. Цитируется с. 54.

60. *Le procès des anarchistes devant la police correctionnelle et la cour d'appel de Lyon*, Lyon, 1883, с. 10 и 152.

61. Приведено по Felix Dubois, *Le péril anarchiste*, Paris 1894, с. 165–174.

62. Jean Longuet et Georges Silber, *Les dessous de la police russe. Terroristes et policiers*. Préface de V. Bourtsev, Paris, Librairie Félix Juven, 1909, p. 223. Эти годы тайных козней и полицейских провокаций были тонко проанализированы в замечательном труде Анри Роллена: Henri Rollin, *l'Apocalypse de notre temps*, Paris, Gallimard, 1939 (ставшем библиографической редкостью в связи с тем, что большинство экземпляров было уничтожено сразу же после вступления немцев в Париж).

63. *Ravachol et les Anarchistes*, présentés par Jean Maitron, Paris, 1964, с. 40.

64. *Les Mémoires* de M. Goron, *цит. соч.*, Т. I, с. 194.

65. Там же, с. 204

66. Ernest Raynaud, *Souvenirs de police. La Vie intime des commissariats*, Payot, Paris, 1926, с. 33–46.

67. Jacques Prolo, *les Anarchistes*, Rivière, 1912, с. 62

68. Henri Varennes, *De Ravachol à Caserio*, Garnier, без даты, с. 101.

69. Goron, *Mémoires*, *цит. соч.*, tome IV, с. 210–220.

ГЛАВА IX

70. Charles Malato, *Philosophie de l'anarchie*, Paris, Stock, 1897, с. 236.

71. «Башмачник» на профессиональном жаргоне.

72. Jean Grave, *L'anarchie, son but, ses moyens*, Paris, Stock, 1899, с. 220–222.

73. Etudiants Socialistes Révolutionnaires Internationalistes de Paris, *Rapport*

sur la nécessité d'établir une entente durable entre les groupes anarchistes et communistes révolutionnaires. Paris, 1900.

74. Действительно, эти годы прошли под знаком этого дела. Оно повлекло за собой запутанную сумятицу, в которой революционной кошке, должно быть, трудно было узнать своих детенышей! Его причиной стало несправедливое осуждение одного капитана потому что он был иудейского вероисповедания – миллионера и сына миллионера (во франках того времени). Многие анархисты позволили втянуть себя в эту сомнительную историю. Так, Себастьян Фор даже основал на еврейские деньги ежедневную газету, и многие хорошие товарищи пробовали в ней свое перо. Можно догадаться, что этот инцидент был использован либертариями для того, чтобы лучше нападать на армию и дискредитировать ее, ту армию, руководители которой умыли руки в крови Коммунаров. Это стало в какой-то мере посмертным реваншем, но по окольному пути.

75. Jean Grave, *Organisation, Initiative, Cohésion*, Paris, 1900, с. 3–15.

76. J.Grave, *L'anarchie, son but, ses moyens*, цит. соч., с. 34–45.

77. Fernand Pelloutier, *Le congrès général du Parti Socialiste Français – 2–8 décembre 1899, précédé d'une lettre aux anarchistes*, Paris, Ed. Stock, 1900, с. III–IX.

78. Так Пеллютье называет соответственно Жюля Гэда и Эдуарда Вайяна.

79. F.Pelloutier. *L'organisation corporative et l'anarchie, dans l'Art social*, 1896, цитируется Виктором Дейвом, F.Pelloutier, *Histoire des bourses du travail*. Préface par Georges Sorel, notice biographique par Victor Dave. Paris, Costes, 1921, с. 18–19.

80. A roublard, roublard et demi. *Le Père Peinard*, octobre 1894.

81. *Encyclopédie du mouvement socialiste*, fascicule 1 (janvier 1912), статья В.Гриффюлеса: V.Griffuelhes, *L'Action directe*, с. 12–17.

82. Э.Пужэ отлично описывает этот идеальный революционный процесс в своем социальном романе, написанном в соавторстве с Пато: E.Pouget et Pataud, *Comment nous ferons la révolution*, Paris, 1911.

83. E.Pouget, *La Confédération Générale du Travail*, Paris, Ed. Rivière, без даты (1908?), с. 44–46.

84. J.Prolo, *Les Anarchistes*, цит. соч., с. 72.

85. E.Pouget, *La CGT*, цит. соч., с. 36–37.

ГЛАВА X

86. *L'Anarchie*, n° 26, 5 octobre 1905, «Réflexions» par Redan, цитируется Ж.Мэтроном: J. Maitron, цит. соч., с. 395.

87. Paraf-Javal. *L'Absurdité des soi-disant libres-penseurs, les faux-libres-penseurs et les Vrais*, Paris, Edition du Groupe d'études scientifiques, 1908, с. 4.

88. Там же. *Theorème des anarchistes libres-penseurs*, с. 8, и *Une variété de faux libres-penseurs, les faux anarchistes*, с. 9. См. также René Bianco. *Paraf-Javal, une figure originale de l'anarchisme français*. Marseille, 1980, с. 13.

89. *L'Anarchisme comme vie et comme activité individuelles*. Rapports présentés au Congrès libertaire d'Amsterdam par E. Armand & Mauricius, Paris, 1907, с. 8.

90. Цитируется Ж.Мэтроном: J. Maitron, цит. соч., с. 255.

91. E. Armand, *Sa vie. sa pensée, son œuvre*. La Ruche ouvrière, Paris, 1964. *E.Armand, tel que je l'ai connu* par Mauricius, с. 104-124.

92. Там же.

93. *Русская революция и анархизм* (доклады и выводы 1906 г.), издано Федерацией русских групп анархо-коммунистов Соединенных Штатов и Канады, 1922, 60 с.

94. Новомирский. *О программе анархо-синдикализма*, Одесса, 1907, с. 172–173.

95. Там же, с. 184.

96. Robert Brécy. *La Grève générale en France*, EDI, Paris, 1969, *Un Apôtre nommé Judas*, с. 76–70 et Maurice Dommange, *La Chevalerie du Travail française 1893–1911*, Éditions Rencontre, Lausanne, 1967, с. 98–101.

97. Roger Hagnauer. *L'Actualité de la charte d'Amiens*, préface de Pierre Monatte, Paris, 1956, с. 5.

ГЛАВА XI

98. Congrès anarchiste tenu à Amsterdam, août 1907. *Compte-rendu analytique des séances et résumé des rapports sur l'état du mouvement dans le monde entier*. Paris, 1908, 116 стр.

99. Там же, с. 57. Pages libres.

100. Там же, с. 61.

101. Там же., с. 62 и след.

ГЛАВА XII

102. E. Pouget. *Le Parti du Travail*, Paris, Bibliothèque syndicaliste, без даты, с. 28.

103. E. Pouget. *Le Syndicat*, Nancy, Bibliothèque de documentation syndicale, без даты, с. 22–23.

104. E. Pouget. *La CGT*, *цит. соч.*, с. 51–54.

105. Edouard Dolléans. *Histoire du mouvement ouvrier*, Paris, Armand Colin, 1948, Т. II, с. 145.

106. Alexandre Zévaès. *La CGT*, Paris, Editions du journal « La Concorde », 1939, с. 72.

107. G. Dumoulin. *Les syndicalistes français et la guerre*, in Alfred Rosmer. *Le Mouvement ouvrier pendant la guerre*. De l'union sacrée à Zimmerwald, Paris, Librairie du Travail, 1936, с. 523–542.

108. Jean Grave. *Réformes, Révolution*, Paris, Stock, 1910, с. 36.

109. Jean Grave. *L'Entente pour l'action*. Temps nouveaux, 1911, с. 5–13.

110. P. Kropotkine. *L'Entr'aide*, Paris, Alfred Costes, 1938, с. 326.

111. P. Kropotkine. *La Science moderne et l'Anarchie*, Paris, Stock, 1913, с. 132.

112. P. Kropotkine. *Communisme et Anarchie*. Paris, без даты La Librairie sociale, с. 10.

113. Jean Maitron. *Histoire du mouvement anarchiste*, *цит. соч.*, с. 416–421.

114. André Lorulot. *L'Individualisme-Anarchiste et le Communisme*, Romainville, 1911, с. 10.

115. André Lorulot. *Les Théories anarchistes*, Paris, Giard et Brière, 1913, с. 238.

116. *L'Anarchie*, n° 42, 25 janvier 1906, цитируется Ж. Мэтроном: J. Maitron, *цит. соч.*, с. 395.

117. Victor Méric. *Les Bandits tragiques*, Paris, Simon Kra, 1926, с. 142–143.

118. *L'Anarchie*, n° 419, 24 avril 1913, цитируется Ж. Мэтроном: J. Maitron, De Kibaltchiche à Victor Serge, *Le Mouvement social*, № 47, 1964, с. 68.

119. Les Bandits, par Le Rétif, *L'Anarchie*, № 352, 4 janvier 1912.

120. Mauricius. *L'Apologie du crime*, без указания места и даты, с. 16.
121. Victor Méric. *Les Bandits tragiques*, *цит. соч.*, с.153.
122. Mauricius. *Mon anarchisme*, rapport présenté au Congrès de Paris (15 août 1913), Paris, éditions de *l'Anarchie*, с. 4–5.

ГЛАВА XIII

123. Alexandre Zévaès. *La Faillite de l'Internationale*, Paris, 1917, La Renaissance du livre, с. 143–144.
124. Annie Kriegel et Jean-Jacques Becker. 1914, *La Guerre et le Mouvement ouvrier français*, Paris, 1964, Armand Colin, с. 135–143.
125. G.Dumoulin, *Les Syndicalistes français et la Guerre*, цитируется А.Росмером: А.Росмер, *цит. соч.*, с. 530.
126. G.Dumoulin. *Carnets de route* (Quarante années de vie militante), Lille, 1938, Editions de *l'Avenir*, с. 76–77.
127. Edouard Dolléans, *Histoire du mouvement ouvrier*, *цит. соч.*, Т. II, с. 221.
128. Там же, с. 222.
129. Цит. Эт.Мартэн-Сен-Леоном: Et. Martin-Saint-Léon. *Les Deux CGT, Syndicalisme et Communisme*. Paris, 1923, Plon, с. 20.
130. James Guillaume. *Karl Marx pangermaniste*, Paris, 1915, Armand Colin, с. 85, и К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, Москва, 1964, Т. 33, с. 13.
131. *Une infamie, l'affaire Sébastien Faure*, les Dessous d'une odieuse machination, Paris, без даты, 32 стр.
132. *Les Anarchistes et le cas de conscience*, Paul Savigny, Louis Lecoïn, Emile Cottin, Alphonse Barbé, Eugène Bévent, Paris, La Librairie sociale, 1921, 32 стр.

ГЛАВА XIV

133. *Les Temps nouveaux*, № 19-21, mars 1921, специальный номер, посвященный Петру Кропоткину, с. 14–17.
134. Воспроизведено, А. Skirda, *Les Anarchistes dans la révolution russe*, Paris, La Tête de Feuilles, 1973, с. 129–161.
135. Цит. Ж.Мэтроном: J. Maitron, *Le Mouvement anarchiste en France*, Paris, 1975, Maspéro, Т. II, с. 41–55.
136. Max Hirschiller, *Le Mirage du soviétisme*, préface de A.Merrheim, Paris, 1921, Payot, с. 21–22.
137. Цит. Ж.Мэтроном: J. Maitron, *цит. соч.*, с. 81.
138. Подробнее см. А. Skirda, *Les Anarchistes dans la révolution russe, op. cit.*
139. *Noir & Rouge, Kropotkine* par Camillo Berneri, janvier 1964, с. 13–14 и П.А. Кропоткин и его учение, Чикаго, 1931, с. 204.
140. Первая конференция анархистских организаций Украины, 12-16 ноября 1918, Курск, издано в 1922 году в Аргентине.

ГЛАВА XV

141. Аршинов опубликовал в 1927 году брошюру «Два побега», в которой рассказал о своей деятельности. Это позволило одному из бывших руководителей Охранки, также эмигрировавшему в Париж, узнать в нем одного из самых опасных террористов, которого ему пришлось когда-то разыскивать.
142. *Дело Труда*, № 3, август 1925.
143. Там же, № 4, сентябрь 1925.

144. Там же, № 5, октябрь 1925 № 7–8, декабрь 1925–январь 1926. Ср. статью Махно в его антологии *La Lutte contre l'Etat et autres écrits*, J.-P. Ducret, 1984, с. 75–76.

ГЛАВА XVI

145. *Le Libertaire*, № 103 (25 mars 1927), 106, 107 et 112 (27 mai 1927).

146. Ср. нашу работу *Nestor Makhno, le cosaque de l'anarchie*, с. 323–326 и Nestor Makhno, *La Lutte contre l'Etat*, цит. соч., с. 136–143.

147. *Le Libertaire*, № 133, 21 octobre 1927.

148. *Голос Труда*, 1 ноября 1928.

149. Приводится по рецензии Уго Феделли, опубликованной в газете *Volonta*, № 6–7, 15 января 1949.

150. S.Faure. Les Anarchistes, qui nous sommes, ce que nous voulons, notre révolution. Paris (1925?), с. 15.

151. Ср. *La Synthèse anarchiste* в *Le Trait-d'union libertaire*, bulletin de l'AFA, № 3, 15 mars 1928. Синтетическое исследование прессы того времени и обсуждения *Платформы* в газете *Le Libertaire* можно найти в диссертации Элизабет Бюрелло: Elisabeth Burello, *Le Problème de l'organisation dans le mouvement anarchiste de l'entre-deux guerres (1926-1930) : Le Débat sur la Plate-forme*, Paris, Centre d'histoire du syndicalisme, 1972, (машинопись), 155 стр.

152. Errico Malatesta, *Anarchie et organisation*, Paris, 1927, многократно переиздававшаяся с тех пор, см., в частности: E. Malatesta, *Articles politiques*, Paris, 10/18, 1979, которая содержит также его переписку с Махно, за исключением 2-го письма этого последнего, напечатанного в *Le Libertaire*, № 269, 16 августа 1930.

153. *Le Libertaire*, № 252, 19 avril 1930.

154. P.Besnard, *La Responsabilité*, la brochure mensuelle, septembre 1933, и в *Анархистской энциклопедии*, изданной Себастьяном Формом.

155. *Дело Труда*, № 48–49, 1929.

156. П.Аршинов, *Анархизм и диктатура пролетариата*, октябрь 1931, 16 с. и *Анархизм и наша эпоха*, январь 1933, 30 с. См. свидетельство Николы Чорбаджиева в видеофильме, снятом нами совместно с Мари Шеврие: Nestor Makhno raconté par son ami Nikola, Paris, 1987, 36 минут.

157. Макс Неттлау, *От «Платформы» к «тесному контакту» с пролетарским государством СССР*, в *Очерках истории анархистских идей*, Детройт, США, 1951, с. 370–379.

ГЛАВА XVII

159. *Anarcho-syndicalisme et anarchisme*, rapport de Pierre Besnard, secrétaire de l'AIT au Congrès anarchiste international, без даты, 16 стр.

160. В *литературном приложении* от января 1927, затем в четырех последующих номерах.

161. Текст Франка Минца, отправленный автору 10 февраля 1987 года: *L'influence de la Plate-forme d'Archinov sur le mouvement libertaire de langue castillane*, 3 страницы машинописи.

162. Там же.

163. César M. Lorenzo, *Les Anarchistes espagnols et le pouvoir*, 1868-1969, Paris, Le Seuil, 1969, с. 60–61. Эта работа несколько раз использовалась автором в качестве оправдания позиции его отца Горацио М.Прието, пламенного ревизиониста и сторонника политического сотрудничества НКТ. Мы же усмат-

риваем в ней, благодаря точности и богатству сведений и в особенности благодаря объективности автора, беспощадный обвинительный акт против этого самого «сотрудничества».

164. Там же.

165. Там же, с. 64.

166. Там же, с. 94.

167. Там же, с. 121–125. Все следующие цитаты и ссылки в нашем тексте взяты из данной работы.

168. Там же, с. 140–141.

169. Там же, с. 292–293.

170. Там же, с. 294.

171. Там же, с. 294–300.

172. Там же, с. 188. Колонна состояла из центурий (сотен), подразделенных в свою очередь на 10 десятков вооруженных человек, которые выдвигали своих делегатов, формировавших в совокупности Военный комитет колонны.

173. Abel Paz, *Durruti. le peuple en armes*, Paris, 1972, La Tête de Feuilles, с. 384–388.

174. Gaston Leval, *L'Anarchisme et la révolution espagnole*, dans *Anarchie e anarchia nel mondo contemporaneo*, Fondazione Luigi Einaudi, Torino, 1971, с. 118–123.

175. Victor Alba, *Histoire du POUM* (Parti Ouvrier d'Unification Marxiste), Paris, 1975. Champ libre, с. 266–267. Уточним, что недоверие НКТ–ИАФ по отношению к Пуму (Объединенной Марксистской Рабочей Партии) было оправданным из-за намерений и суровых суждений ее лидера Хоакена Морэна об анархизме: *Окончательное устранение анархизма является трудной задачей для страны, где рабочее движение несет в себе полстолетия анархистской пропаганды. Но мы их победим...* in S. Maurin. *L'Anarcho-syndicalisme en Espagne*, Paris, 1924, Librairie du Travail, p. 47, и *Анархист, который начинает ясно видеть, поднимается, учится, перестает быть анархистом*, in С. Maurin, *Révolution et contre-révolution en Espagne*, Paris, 1937. Editions Rieder, с. 124.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Платформа привлекла наше внимание уже в 1964 году, когда мы начали исследование махновского движения. Этот документ представлялся нам как итог опыта, проведенного в рамках движения двумя главными составителями, Аршиновым и Махно, хотя по свидетельству Иды Мэтт, члена группы *Дело Труда*, записанному в 1970–1971 годах, его обсуждение было коллективным. Уже в 1967 году мы подготовили перевод этих основополагающих для либертарного коммунизма текстов на французский язык. Требовалось также установить их теоретическую последовательность, время создания, актуальность и, особенно, познакомить читателей с украинским повстанческим движением, которым они вдохновлялись. В настоящее время, после публикации нашего исследования *Нестор Махно, казак свободы* и антологии политических сочинений Нестора Махно, эта задача выполнена. Платформа и ее обсуждение вписываются, таким образом, в серию работ об этом исключительном историческом событии и способствуют прояснению жизненно важной для анархизма проблемы: его организованной практики.

А.С.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПЛАТФОРМА ВСЕОБЩЕГО СОЮЗА АНАРХИСТОВ

(Проект)

ВВЕДЕНИЕ

Анархисты!

Знаменателен тот факт, что, несмотря на силу, положительность и бесспорность идей анархизма, несмотря на прямоту и цельность анархических позиций в социальной революции, несмотря на героизм и неисчислимые жертвы, принесенные анархистами в борьбе за Анархический Коммунизм, – несмотря на все это, анархическое движение всегда оставалось слабым и в истории борьбы рабочего класса по большей части являлось маленьким фактом, эпизодом, а не фактором.

Это противоречие между положительностью и бесспорностью анархических идей и жалким состоянием анархического движения имеет ряд причин, из коих самой большой и главной является отсутствие в анархическом мире организационных начал и организационных отношений.

Анархическое движение во всех странах обходится местными организациями, живущими противоречивой идеологией и тактикой, не имеющими перспектив завтрашнего дня и преемственности в работе и обычно гибнущими, не оставляя после себя почти никакого следа.

Такое состояние рядов революционного анархизма, если на него посмотреть в целом, можно назвать одним именем – общей хронической дезорганизованностью. Дезорганизованность эта, как желтая малярия, въелась в организм анархического движения и десятилетиями трепает нас.

Несомненно, однако, и то, что сама дезорганизованность гнездится в некоторых уродствах идеологического порядка, – в извращенном представлении личного начала в анархизме, в отождествлении его с безответственностью. Любители *самоуправления ради личного услаждения* упорно держатся за хаотическое состояние анархического движения и в защиту этого состояния ссылаются на незыблемые принципы анархизма и на учителей.

Однако, и незыблемые принципы, и учителя говорят как раз обратное.

Распыленность – преддверие смерти; сплоченность – залог жизни и развития. Этот закон социальной борьбы равно относится, как к классам, так и к партиям.

Анархизм является не красивым воображением, с кабинетной мыслью философа, а социальным движением трудовых масс и уже по одному этому он должен сплотить свои силы в общую, постоянно действующую организацию, как того требуют действительность и стратегия социально-классовой борьбы.

– «Мы убеждены, – говорит Кропоткин, – что образование анархической партии в России не только не повредит общему революционному делу, но в высшей степени желательно и полезно». (Предисловие к Парижской коммуне Бакунина, 1892 г.)

Никогда не возражал против общей анархической организации и Бакунин. Наоборот, его организационные устремления и деятельность в первом рабо-

чем Интернационале дают все основания видеть в нем активного поборника именно такой организации.

И вообще все почти активные работники анархизма боролись против работы «врассыпную» и помышляли о спаянном единстве цели и единстве тактики анархическом движении.

Необходимость общей организации нагляднее и могучее всего сказалась в годы русской революции 1917 г. Именно в процессе этой революции анархическое движение явило крайнюю степень раздробленности и путанности. Отсутствие общей организации толкнуло многих работников анархизма к большевикам; многих держит в состоянии пассивности, мешая выявиться их, подчас огромным, силам.

Нам жизненно необходима организация, которая, объединив большинство участников анархического движения, установила бы общую тактическую и политическую линию в анархизме и стала бы направляющей для всего движения.

Пора анархизму выбраться из трясины дезорганизованности, уйти от безконечных шатаний в области важнейших вопросов теории и тактики и стать на путь ясно осознанной цели и организованной коллективной практики.

Однако, недостаточно констатировать жизненную необходимость такой организации. Необходимо еще установить метод ее создания.

Мы отвергаем, как теоретически и практически несостоятельную, мысль создать организацию по рецепту «синтеза», т. е. организацию из сторонников различных течений в анархизме. Включив в себя разнородный теоретически и практически элемент, организация эта явится ничем иным, как механическим соединением лиц, смотрящих по разному на все вопросы анархического движения, и при ближайшем жизненном испытании неминуемо распадется.

Метод анархо-синдикализма не разрешает организационной проблемы анархизма, так как анархо-синдикализм вообще не ставит во главу угла этой проблемы, а занят, главным образом, идеей своего проникновения и укрепления в рабочей среде. Однако, при отсутствии общеанархической организации немного можно сделать в рабочей среде, даже в той или иной степени укрепившись в ней.

Единственным методом, ведущим к разрешению общеорганизационной проблемы, мы считаем сбор активных работников анархизма на почве определенных идеологических, тактических и организационных положений, т. е. на почве более или менее законченной *однородной программы*.

Выработка такой программы является одной из главных задач, возлагаемых социальной борьбой последних десятилетий на анархистов. И этой задаче Группа Русских Анархистов Заграницей посвятила значительную часть своих усилий.

Печатаемая ниже «Организационная Платформа» представляет собою остов, скелет этой программы и должна послужить первым шагом к собиранию анархических сил в один активный дееспособный революционный анархический коллектив, – во Всеобщий Союз Анархистов.

Мы не обманываемся относительно тех или иных пробелов платформы. Как и во всяком новом практическом и в то же время ответственном шаге, пробелы в платформе несомненно имеются. Быть может ряд существенных положений не вошел в платформу; ряд положений недостаточно разработан, иные, наоборот, слишком детализированы или повторяются. Все это может быть. Но не это важно. Важно заложить фундамент общей организации, а это в необхо-

димой степени достигается выработанной платформой. Дело общего коллектива – Всеобщего Анархического Союза – эту платформу потом расширить, углубить, сделать ее законченной программой всего анархического движения.

И еще в другом мы не обманываемся.

Мы предвидим, что очень многие представители так называемого индивидуализма и хаотического анархизма с пеной у рта набросятся на нас и обвинят в нарушении анархических принципов. Мы знаем, однако, что под анархическими принципами индивидуалистический и хаотический элемент разумеет то разгильдяйство, ту распущенность и безответственность, которые нанесли нашему движению почти неизлечимые раны и против которых мы со всей своей энергией и страстностью боремся. Поэтому мы спокойно можем отвести в сторону атаки из этого лагеря.

Свои надежды мы возлагаем на других – на тех, оставшихся верными анархизму работников, которые перестрадали трагедию анархического движения и в муках ищут выхода.

И еще мы возлагаем большие надежды на анархическую молодежь, которая, родившись под дуновением русской революции, сразу попала в цикл конструктивных проблем и поэтому неизбежно будет требовать осуществления организационных и положительных начал в анархизме.

Призываем все русские анархические организации, рассеянные в разных странах мира, и отдельных работников анархизма сплотиться в один революционный коллектив, на общей организационной платформе.

Пусть платформа эта явится революционным паролем и сборным пунктом для всех работников русского анархического движения и положит начало Всеобщему Союзу Анархистов.

Да здравствует организованное анархическое движение!

Да здравствует Всеобщий Анархический Союз!

Да здравствует Социальная Революция трудящихся мира!

Группа Русских Анархистов Заграницей, –

Секретарь Группы П.Аршинов

20-го июня, 1926-го года.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

I. КЛАССОВАЯ БОРЬБА, ЕЕ РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ.

Нет единого человечества.

Есть человечество Классов

- рабов и господ.

Как и все предшествовавшие ему общества, современное буржуазно-капиталистическое общество – не едино. Оно разбито на два лагеря, резко отличающихся между собой по своему социальному положению и по своим социальным функциям: на пролетариат в широком смысле слова и буржуазию.

Удел пролетариата спокон веков – нести бремя тяжелого физического труда, плоды которого, однако, поступают не ему, а другому, привилегированному классу, владеющему собственностью, властью и произведениями духовной культуры (наукой, образованием, искусством) – буржуазии.

Социальное порабощение и эксплуатация трудовых масс составляют основу, на которой держится современное общество и без которой оно существовать не может.

Этот факт породил веками длящуюся классовую борьбу, принимавшую то явно бурный характер, то незаметный, тихий, и в своей основе направленную на пересоздание современного общества в общество, отвечающее нуждам, потребностям и понятиям справедливости трудящихся.

Вся человеческая история в области социальной представляет собою сплошную цепь борьбы трудовых масс за их права, свободу и лучшую жизнь. Эта классовая борьба в истории человеческих обществ всегда являлась тем главным фактором, который определял форму и строение этих обществ.

Социально-политический строй каждой страны есть прежде всего продукт классовой борьбы. Его структура служит показателем того, на каком пункте и в каком состоянии остановилась и находится теперь классовая борьба. Малейшее изменение в ходе классовой борьбы, в соотношении борющихся классовых сил незамедлительно производит изменения в тканях и структуре классовых обществ.

Таково всеобщее универсальное значение классовой борьбы в жизни классовых обществ.

II. НЕОБХОДИМОСТЬ НАСИЛЬСТВЕННОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В основе современного общества лежит принцип насильственного порабощения и насильственной эксплуатации масс. Все области этого общества – экономика, политика, общественные отношения – держатся на классовом насилии, служебными органами которого являются власть, полиция, армия, суд. Все в этом обществе, начиная с отдельной фабрики и кончая всей государственной системой, представляет собою крепости капитала, где ни на одно мгновение не спускают глаз с трудящихся и где всегда имеются наготове силы, предназначенные для пресечения всякого движения трудящихся, угрожающего в какой бы то ни было степени устоям или даже спокойствию современного строя.

Одновременно с этим система нынешнего общества автоматически удерживает трудовые массы в состоянии невежества и умственного застоя; насильственно препятствует поднятию их духовного и культурного уровня, дабы легче было справляться с ними.

Прогресс современного общества – техническое развитие капитала, усовершенствование его политической системы, укрепляя силы господствующих классов, делает более трудной борьбу с ними и отдалает решающий момент освобождения труда.

Анализ современного общества устанавливает, что иного пути, кроме пути насильственной социальной революции для пересоздания капиталистического общества в общество свободных тружеников, нет.

III. АНАРХИЗМ И АНАРХИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ.

Классовая борьба, создаваемая неволей и вековыми стремлениями трудящихся к свободе, породила в среде угнетенных идею анархизма – идею полного отрицания классовой и государственной системы общежития и замены

последней свободным безгосударственным обществом самоуправляющихся тружеников.

Не из абстрактных размышлений ученого или философа вырос, таким образом, анархизм, а из той борьбы, которую трудящиеся вели непосредственно с капиталом, из их нужд и потребностей, из их психологии, из их стремлений к свободе и равенству, которыми трудовые массы особенно живут в лучшие героические эпохи своей жизни и борьбы.

Выдающиеся мыслители анархизма – Бакунин, Кропоткин и др. – не создавали идею анархизма, а находя ее в массах, силою своей мысли и своих знаний лишь помогали ее выявлению и ее распространению.

Анархизм не продукт индивидуальных творений и не предмет индивидуальных упражнений.

Точно также анархизм не есть в какой бы то ни было степени продукт общечеловеческих стремлений. Единого человечества нет. Всякая попытка сделать анархизм принадлежностью всего человечества в его теперешнем виде, навязать ему общечеловеческий характер явится исторической и социальной ложью, которая неизбежно приведет к оправданию современного строя и новой эксплуатации.

Анархизм общечеловечен лишь в том смысле, в каком идеалы трудовых масс оздоравливают жизнь всех людей и в каком судьба настоящего и будущего человечества связана с судьбою поработанного труда. Победят трудовые массы – и возродится все человечество. Не победят – в мире по-прежнему будут царствовать насилие, эксплуатация, рабство, угнетение.

Зарождение, расцвет и осуществление анархических идеалов коренится в жизни трудовых масс, в их борьбе и неразрывно связаны с общей их судьбою.

Анархизм стремится к пересозданию современного буржуазного капиталистического общества в такое общество, которое обеспечило бы трудящимся плоды их труда, свободу, независимость, социальное и политическое равенство. Этим обществом является Анархический Коммунизм. В нем находят полное свое выражение не только общественная солидарность, но и идея свободной личности, при чем развитие обеих идей находится в тесной между собою связи.

Анархический коммунизм находит, что единственным творцом всех общественных ценностей является труд – физический и умственный – и ему одному принадлежит право руководства всей хозяйственной и общественной жизнью. Поэтому Анархический Коммунизм ни в какой степени не оправдывает и не допускает существования нетрудовых классов.

Поскольку эти классы сохраняются *наряду* с Анархическим Коммунизмом, последний не берет на себя обязанности в отношении их. Лишь в случае, когда нетрудовые классы решат стать трудовыми и пожелают жить в общественном строе Анархического Коммунизма на общих основаниях, – они займут в нем равное со всеми остальными положение, т. е. положение свободных членов общества, пользующихся правами этого общества и несущих на себе общие обязанности.

Анархический Коммунизм стремится к устранению всякой эксплуатации и всякого насилия над личностью и трудовыми массами. В целях этого он выдвигает такую экономическую и социальную базу, которая сведет в одно целое всю хозяйственную и общественную жизнь страны, обеспечит каждой личности равное со всеми положение и даст максимум благ. Этой базой является обобществление в форме *социализации* всех средств и орудий производ-

ства (промышленности, транспорта, земли, источников сырья и т. д.) и построение органов народного хозяйства на основе самоуправления и равенства трудовых классов.

В пределах этого самоуправляющегося общества тружеников Анархический Коммунизм устанавливает принцип равноценности и равноправности каждой личности (не личности «вообще», не «мистической личности», не «личности-идеи»).

Из принципа равноценности и равноправности личности, а также из того, что ценность труда каждой отдельной личности не может быть измерена и оценена, вытекает основной, социально-правовой и экономический принцип Анархического Коммунизма: *«От каждого по способностям, каждому по потребностям».*

IV. ОТРИЦАНИЕ ДЕМОКРАТИИ.

Демократия представляет собою одну из форм буржуазно-капиталистического общества.

Основа демократии – сохранение противоположных классов современного общества – труда и капитала – *и сотрудничество этих классов на почве капиталистической частной собственности. Выражением этого сотрудничества являются парламент и однонациональное представительное правительство.*

Формально демократия провозглашает свободу слова, печати, организаций, равенство всех перед законом.

Однако, все эти свободы носят определенно условный характер: они допускаются постольку, поскольку не противоречат интересам господствующего класса, т. е. буржуазии.

Демократия оставляет в неприкосновенности принцип частной капиталистической собственности. Тем самым она оставляет право за буржуазией держать в своих руках всю экономику страны, всю прессу, образование, науку, искусство, что фактически делает буржуазию полновластным хозяином страны. Монопольное положение буржуазии в экономике страны позволяет ей установить свою полную неограниченную власть и в области политической. И действительно, парламент, представительное правительство в демократиях являются исполнительными органами буржуазии.

Таким образом, демократия является одним из видов буржуазной диктатуры, замаскированной обманными формулами фиктивных политических свобод и демократических гарантий.

V. ОТРИЦАНИЕ ГОСУДАРСТВА И ВЛАСТИ

Идеологи буржуазии определяют государство, как орган регулирующий сложные социально-политические, гражданские и общественные отношения людей внутри современного общества и охраняющий правопорядок этого общества. Анархисты с этим определением вполне согласны, добавляя лишь, что в основе правопорядка современного общества лежит факт порабощения огромного большинства народа ничтожным меньшинством и что именно этому делу порабощения служит современное государство.

Государство одновременно является организованным насилием буржуазии над трудящимися и ее исполнительными органами.

Левые социалисты и из них, в частности, большевики также считают буржуазную власть и буржуазное государство слугами капитала. Однако, они находят, что власть и государство в руках социалистических партий могут служить могучим средством делу освобождения пролетариата. Поэтому они за социалистическую власть и за пролетарское государство. Причем часть из них стоят за завоевание власти мирным, парламентским путем (социал-демократы), часть за завоевание власти революционным путем (коммунисты, левые с.-р.).

Анархизм находит оба положения в корне ошибочными, вредными делу освобождения труда.

Власть всегда связана с эксплуатацией и порабощением народных масс. Она вырастает из этой эксплуатации или создается для нее. Власть без насилия и эксплуатации теряет под собою всякое основание.

Государство и власть отымают у масс инициативу, убивают дух самостоятельности и воспитывают в них рабскую психологию подчинения, ожидания в надежде на верхи, на начальство. Между тем освобождение трудящихся возможно лишь в процессе непосредственной революционной борьбы широких трудовых масс и их классовых организаций с капиталистической системой.

Завоевание власти социал-демократическими партиями парламентским путем в рамках современного строя ни на шаг не подвинет дела освобождения труда уже потому, что фактическая сила, а значит и фактическая власть, остаются у буржуазии, держащей в своих руках всю экономику и политику страны. Роль социалистической власти сводится в этом случае к реформам, *к улучшению буржуазного же строя* (пример Мак-Дональда, социал-демократических партий Германии, Швеции, Бельгии, достигших власти в капиталистическом строе).

Захват власти в порядке социального переворота и организация так называемого пролетарского государства также не могут служить делу подлинного освобождения труда. Государство строяемое вначале, якобы в целях защиты революции, неизбежно обрастает специфическими, ему одному свойственными потребностями, становится затем самоцелью, взращивает вокруг себя социальные привилегированные касты, на которые опирается, и насильственно подчиняет массы своим потребностям и потребностям привилегированных каст и, таким образом, восстанавливает основу капиталистической власти и капиталистического государства – насильственное порабощение и насильственную эксплуатацию масс (пример «рабоче-крестьянского» государства большевиков).

VI. РОЛЬ МАСС И РОЛЬ АНАРХИСТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ БОРЬБЕ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Главными силами социального переворота является рабочий класс города, крестьянство и отчасти трудовая интеллигенция.

Примеч.: Трудовая интеллигенция хотя и представляет собою, подобно батрацкому и городскому пролетариату, порабощенный и эксплуатируемый класс, однако, благодаря экономическим привилегиям, представляемым буржуазией некоторым ее частям, она более рабочих и крестьян расслоена. Поэтому в первые дни социальной революции активными деятелями революции смогут оказаться лишь наименее обеспеченные слои интеллигенции.

Роль масс в социальной революции и в социалистическом строительстве характерно отличается от той, какую отводят им государственные партии. В то время как большевизм и родственные ему течения считают, что трудовая масса является носителем лишь революционно-разрушительных инстинктов, будучи неспособна на революционно-творческую деятельность, ввиду чего эта творческая деятельность должна перейти в руки людей, концентрируемых в государстве или в Ц.К. партии – анархисты, наоборот, считают, что трудовая масса содержит в себе огромные творческие возможности и стремятся к устранению преград, препятствующих их выявлению.

Главной в этом отношении преградой анархизм считает государство, узурпировавшее все права масс и отнявшее почти все функции общественной и хозяйственной жизни. Государство должно отмереть не когда-то, в обществе будущего. Оно должно быть разрушено трудящимися в первый же день их победы и ни в какой иной форме не должно быть восстановлено. Место его займет система федеративно объединенных самоуправляющихся производственно-потребительских организаций трудящихся. Эта система исключает, как организацию власти, так и диктатуру той или иной партии.

Русская революция 1917 года и наметила такое именно направление социально-освободительного процесса, создав систему рабочих и крестьянских советов и фабрично-заводских комитетов. Но печальной ошибкой с ее стороны было то, что она не ликвидировала вовремя государственной организации власти, – вначале власти временного правительства, а затем власти большевиков. Последние, воспользовавшись доверием рабочих и крестьян, реорганизовали буржуазное государство в соответствии с обстоятельствами момента и затем убили этим государством творение революционных масс, – свободный строй советов и фабрично-заводских комитетов, намечавший первые шаги безгосударственного строительства.

Деятельность анархистов разбивается на два периода, – на период предреволюционный и период революционный. В одном и другом случае свою роль анархисты смогут выполнить лишь в качестве организованной силы, точно знающей, как цели своей борьбы, так и пути, ведущие к осуществлению этих целей.

В период предреволюционный основной задачей Всеобщего Анархического Союза является подготовка рабочих и крестьян к социальному перевороту.

Отрицая формальную (буржуазную) демократию, отрицая власть и государство, возвещая о полном освобождении труда, анархизм максимально заостряет принципы суровой классовой борьбы, развивает в массах революционное классовое самосознание и революционную классовую непримиримость.

В духе классовой непримиримости, анти-демократии, анти-государственности, в духе идеалов Анархического Коммунизма и должно вестись анархическое воспитание масс. Но одного воспитания недостаточно. Необходима еще известная анархическая организованность масс. Для ее осуществления работа должна вестись в двух направлениях, – в плоскости отбора и группирования революционных рабоче-крестьянских сил на идейной базе анархизма (идейные анархические организации) и в плоскости группирования революционных рабочих и крестьян на производственной и потребительской базе (революционные производственные организации рабочих и крестьян, свободные рабоче-крестьянские кооперативы и др.).

Рабочий класс и крестьянство, организованные на производственной и потребительской базе и проникнутые идеологией революционного анархизма,

явятся первичными опорными пунктам социальной революции, и чем больше анархического сознания и анархической организованности будет внесено в их среду теперь, тем больше анархического направления, анархической устойчивости и анархического творчества будет проявлено ими в момент революции.

Что касается рабочего класса России, то после 8-ми лет диктатуры большевиков, сковавшей естественные потребности масс в самостоятельности и лучше других показавшей истинную природу всякой власти, он таит в себе огромные возможности создания массового анархического и анархо-синдикалистского движения. Организованные работники анархизма должны со всей полнотой своих сил немедленно пойти навстречу этим потребностям и возможностям и не позволить им выродиться в меньшевизм.

Столь же незамедлительно и полно анархисты должны отдать свои силы на организацию низового крестьянства, придавленного властью, ищущего выхода и таящего в себе огромные революционные возможности.

Роль анархистов в революционный период также не может ограничиться одной проповедью лозунгов и идей анархизма.

Жизнь являет собою не только арену проповеди тех или иных людей, но в такой же степени и арену борьбы, стратегии и стремления этих же идей к руководству. Более чем какая-либо другая идея, анархизм должен стать руководящей идеей в социальной революции, ибо лишь на почве идей анархизма социальная революция придет к полному освобождению труда.

Руководящее положение анархических идей в революции в то же время означает *идейное руководство анархистов событиями*. Не должно, однако, смешивать этого руководства с политическим руководством государственных партий, переходящим, в конце концов, в государственное руководство.

Анархизм не стремится к захвату политической власти, к диктатуре. Главное его стремление – помочь массам выйти на верную дорогу соц. переворота и социалистического строительства. Но не достаточно *стать* массам на путь социальной революции. Необходимо еще *удержать направление революции и ее цель*, – ниспровержение капиталистического общества во имя общества свободных тружеников. Как показал опыт русской революции 1917-го г., задача эта не легкая, главным образом ввиду многочисленных партий, стремящихся направить движение в противоположную от социальной революции сторону.

Хотя массы в социальных движениях и живут глубоко анархическими тенденциями и лозунгами, однако, эти тенденции и лозунги распылены, не связаны в определенную систему и поэтому не имеют той организованной руководящей идейной силы, которая необходима для сохранения в социальной революции анархического направления и анархической цели. Этой идейной руководящей силой может быть лишь специально выделенный массами идейный коллектив. Таким коллективом будут организованные анархические силы и организованное анархическое движение.

Идейные и практические обязанности анархического коллектива, т. е. Всеобщего Анархического Союза, во время революции велики.

Он должен будет проявить инициативу и полное участие во всех областях социальной революции: в области направления и характера революции, в области гражданской войны и защиты революции, в области положительных заданий революции, в вопросе нового производства, потребления, земли и т. д.

По всем этим и множеству других вопросов масса потребует у анархистов ясного и точного ответа. И раз анархисты выступают с идеей анархической ре-

волюции и анархического строения общества, они обязаны будут на все эти вопросы дать точный ответ, связать решение этих вопросов с общей идеей анархизма и отдать все свои силы на воплощение их в жизнь.

В этом случае Всеобщий Анархический Союз и анархическое движение выполнят свою полную идейно руководящую роль в социальной революции.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Под переходным периодом у социально-политических партий понимается определенная фаза жизни народа, характеризующаяся разрывом со старым строем и установлением новой экономической и политической системы, которая, однако, еще не содержит в себе полного освобождения трудящихся.

В этом смысле все программы-минимум социально-политических партий, например, демократическая программа оппортунистических социалистов или программа коммунистов «диктатуры пролетариата» – являются программами переходного периода.

Существенной стороной этих программ-минимум является то, что они, считая невозможным в данный момент полное осуществление идеалов трудящихся, – их независимость, свободу и равенство – удерживают целый ряд институтов капиталистической системы: принцип государственного принуждения, частную собственность на средства и орудия производства, наемничества и многое другое, – в зависимости от того, каким целям приспособлена та или иная программа политических партий.

Анархисты всегда были принципиальными противниками подобных программ, находя, что само построение переходных систем, принцип эксплуатации и принуждения масс, удерживаемые этими системами, неизбежно поведут к новому росту рабства.

Вместо политических программ-минимум анархисты всегда отстаивали лишь социальную революцию, лишаящую капиталистический класс политических и экономических привилегий и передающую средства и орудия производства и все функции общественно-хозяйственной жизни в руки трудящихся.

И по сию пору анархисты стоят на этой позиции.

Идея переходного периода, по которой в результате социальной революции должно образоваться не анархическое общество, а некий «икс», несущий в себе элементы и пережитки старой капиталистической системы, противонархична по своему существу. Она таит в себе угрозу укрепления и развития этих элементов до их первоначальных размеров и повернет события вспять.

Ярким примером этого служит установленный большевиками в России режим «диктатуры пролетариата», который по убеждению большевиков должен был явиться всего-навсего переходной ступенью к полному коммунизму, но который в действительности привел к восстановлению классового общества, на дне которого оказались по-прежнему рабочие и беднейшие крестьяне.

Центр тяжести в деле построения анархич. общества заключается не в том, чтобы каждому индивиду на первый же день революции предоставить неограниченную свободу удовлетворения своих потребностей, а в том, чтобы завоевать социальную базу для этого общества и установить принципы отношений между людьми. Вопрос большего или меньшего материального достатка есть вопрос не принципа, а технический.

Основной принцип, на котором будет построено новое общество, который составит содержание этого общества и который ни в какой мере нельзя урезать, состоит в *равенстве отношений, в свободе и независимости трудящихся*. А этот принцип и является тем основным начальным требованием масс, во имя которого они только и подымутся на соц. революцию.

Одно из двух: – или соц. революция закончится поражением трудящихся, – в этом случае надо будет снова готовиться к борьбе, к новому наступлению на капиталистическую систему; или она приведет к победе трудящихся, – тогда последние, овладев позициями самоуправления – землей, производством, общественными функциями – приступят к построению свободного общества.

Это и будет *началом построения* анархического общества, которое, раз начавшись, пойдет затем непрерывно дальше, укрепляясь и совершенствуясь.

Овладение трудящимися производственными и общественными функциями проложит, таким образом, резкую грань между эпохой государственности и эпохой безгосударственности.

Анархизм, чтобы стать знаменем борющихся масс и социально-революционной эпохи, должен не прятать свои основные принципы, – не приспособлять свою программу к пережиткам старого, к оппортунистическим тенденциям переходных систем и периодов, а наоборот, – максимально их развить и возвысить.

АНАРХИЗМ И СИНДИКАЛИЗМ

Мы считаем противопоставление анархического коммунизма синдикализму и обратно совершенно искусственным, лишенным всякого основания и смысла.

Понятия коммунизма и синдикализма лежат в двух различных плоскостях. В то время, как коммунизм, т. е. свободное общество равных тружеников, является целью анархической борьбы, – синдикализм, т. е. революционно-профессиональное рабочее движение, является лишь одной из форм революционной классовой борьбы.

Объединяя рабочих на производственной почве, рев. синдикализм, как всякое профессиональное движение, не имеет в то же время своей определенной идеологии, не является мировоззрением, отвечающим на все сложные социально-политические вопросы современной действительности. На нем постоянно отражаются идеологии отдельных политических группировок, в зависимости от того, какая из этих последних ведет наиболее интенсивную работу в его рядах.

Из сказанного вытекает наше отношение к рев. синдикализму. Не решая здесь вопроса о роли рев. синдикатов на второй день революций, т. е. являются ли они организаторами всего нового производства или уступят эту роль рабочим советам или фабрично-заводским комитетам, мы находим, что в революционный синдикализм, как в одну из форм рабочего революционного движения, анархисты должны войти.

Однако сейчас вопрос заключается не столько в том, входить ли анархистам в революционный синдикализм или не входить, сколько в том, как и с какой целью следует в него войти.

Мы считаем весь предыдущий период, вплоть до наших дней, – когда анархисты входили в движение рев. синдикализма в качестве индивидуальных ра-

ботников и индивидуальных проповедников, периодом кустарного отношения к рабочему профдвижению.

Анархо-синдикализм, стремящийся упрочить анархическую идеологию в левом крыле рев. синдикализма путем создания синдикатов анархического типа, является шагом вперед в этом отношении, но все же всего кустарничества он не преодолевает. Дело анархизирования синдикалистского движения анархо-синдикализм не ставит в неременную связь с организацией анархических сил во вне этого движения. А между тем лишь при наличии такой связи возможно анархизирование рев. синдикализма и предотвращение в нем уклонов в сторону оппортунизма.

Находя рев. синдикализм лишь профессиональным движением трудящихся, не имеющим своей определенной социально-политической идеологии, – а потому и бессильным самостоятельно разрешить социальную проблему, мы считаем, что задачей анархистов в рядах этого движения является развитие в нем анархической идеологии, идейное руководство им в целях превращения его в активную армию соц. революции. Необходимо всегда помнить, что если синдикализм своевременно не получит опоры в анархической идеологии, то он волей-неволей обопрется на идеологию какой-либо государственной политической партии.

Французский синдикализм, блиставший некогда анархическими лозунгами и анархической тактикой, затем подпавший под влияние частью коммунистов, а большею частью правых оппортунистических социалистов, является разительным примером этого.

Однако, задача анархистов в рядах революционного профдвижения может быть выполнена в том случае, если их работа там будет теснейшим образом связана и согласована с деятельностью анархической организации во вне синдиката. Иными словами говоря, мы должны входить в рев. профдвижение в качестве организованной силы, ответственной за работу в синдикатах перед общей анархической организацией и руководимой этой организацией.

Не ограничиваясь созданием анархических синдикатов, мы должны стремиться идейно воздействовать на весь рев. синдикализм в целом во всех его формах. (Индустр. Раб. Мира, русские профсоюзы и т. д.) А этого мы сможем достигнуть, подойдя к задаче строго организованным анархическим коллективом, но отнюдь не мелкими кустарными группками, к тому же не имеющими между собою организационной связи и идейной согласованности.

Фабрично-заводские анархические группы, работающие над созданием анархических синдикатов, ведущие борьбу в рев. синдикатах за преобладание анархической идеологии в синдикализме, за идейное руководство им, направляемые в своей деятельности общей анархической организацией, к которой принадлежат – вот смысл и форма анархического отношения к революционному синдикализму и родственным ему революционным профдвижениям.

КОНСТРУКТИВНАЯ ЧАСТЬ

Проблема первого дня социальной революции.

Основная цель борющегося труда – это утверждение, путем революции, свободного равенственного анархо-коммунистического общества, построен-

ного на принципе: «от каждого по его силам, каждому по его потребностям».

Однако общество это в своем законченном виде не сложится само по себе в силу лишь социального переворота. Осуществление его представит собою более или менее длительный социально-революционный процесс, направляемый организованными силами победоносного труда по определенному пути.

Задача наша – теперь же указать этот путь и определять те конкретные положительные задачи, которые в первый же день соц. революции встанут перед трудящимися и от правильного разрешения которых будет зависеть судьба самой социальной революции.

Само собой разумеется, построение нового общества возможно лишь после победы трудящихся над современной буржуазно-капиталистической системой и ее носителями. Нельзя приступить к постройке новой экономики и новых общественных отношений, раз не сломлена мощь государства, охраняющего рабский строй, и раз рабочие и крестьяне в революционном порядке не переняли в свои руки промышленное и земельное хозяйство страны.

Поэтому первой задачей социальной революции будет разрушение государственной машины капиталистического общества, лишение буржуазии и вообще всех социально-привилегированных элементов власти и повсеместное утверждение воли восставшего труда, выраженной в основных принципах соц. революции. Эта разрушительно-боевая сторона революции лишь расчищает путь тем положительным заданиям, которые составляют смысл и сущность соц. революции.

Задачи эти следующие:

- а) Решение в анархическом смысле вопроса производства (промышленности) страны.
- б) Решение в таком же смысле земельного вопроса.
- в) Решение вопроса продовольственного.

ПРОИЗВОДСТВО:

Исходя из того факта, что промышленность страны создавалась усилиями многих поколений трудящихся и что отдельные отрасли промышленности теснейшим образом между собою связаны, мы рассматриваем все современное производство, как единую мастерскую производителей, принадлежащую в целом всем трудящимся и никому в отдельности.

Производственный механизм страны является единым и принадлежит всему рабочему классу. Это положение определяет характер и форму нового производства. Оно также будет единым, общим в том смысле, что продукты, вырабатываемые производителями, будут принадлежать всем. Продукты эти, к какой бы категории они не относились, составят общий продовольственный фонд трудящихся, из которого каждый участник нового производства будет получать все необходимое на равных со всеми основаниях.

Новое производство полностью уничтожит наемничество и эксплуатацию в какой бы то ни было форме и утвердит на место их принцип товарищеского сотрудничества работников.

Тот промежуточный класс, который в настоящем капиталистическом обществе занимается посредническими функциями, – торговлей и др., а также буржуазия, должны будут на равных со всеми основаниях войти в новое производство. В противном случае они сами поставят себя вне трудового общества.

Хозяина – в виде ли частного собственника-предпринимателя или в виде собственника – государства, каковым в настоящее время является государство большевиков, не будет. Организаторские функции в новом производстве перейдут к специально созданным рабочими массами органам управления – рабочим советам, фабрично-заводским комитетам или рабочим фабрично-заводским управлениям. Органы эти, связанные между собою в пределах города, области и затем всей страны, образуют городские, областные и наконец всеобщие (федеральные) органы руководства и управления производством. Будучи избираемы массой и находясь под ее постоянным контролем и воздействием, они постоянно будут обновляться, осуществляя идею подлинного самоуправления масс.

Единое производство, в котором орудия производства и продукты производства принадлежат всем, заменившее наемничество принципом товарищеского сотрудничества и установившее для всех производителей равенство прав, руководимое избранными массами органами рабочего управления – вот первый практический шаг по пути осуществления анархического коммунизма.

ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Продовольственный вопрос в революции встанет в виде двойной проблемы. Первая – принцип изыскания продовольствия. Вторая – принцип его распределения.

Что касается распределения продовольствия, то решения в этой области могут быть указаны в самых общих формах, ибо при решении этого вопроса большую роль будет играть количество имеющегося продовольствия, принцип целесообразности и другое.

Соц. революция, берущая на себя перестройку всего современного строя, тем самым берет на себя обязанность позаботиться о жизненных потребностях всех людей. Исключение составит, та часть нетрудящихся, которая откажется принять участие в новом производстве по контр-революционным соображениям. Вообще же за исключением указанной категории лиц, потребности всего населения территории соц. революции будут удовлетворяться из общереволюционного продовольственного фонда. При этом в случае, когда продовольствия будет в недостаточном количестве, оно будет распределяться по принципу наибольшего требования, т. е. в первую очередь между детьми, больными и рабочими семьями.

Более трудной проблемой окажется организация общереволюционного продовольственного фонда.

Вне всякого сомнения, в первые дни революции города не будут располагать необходимым для жизни продовольствием. В то же время недостающее для городов продовольствие будет в достатке иметься у крестьян.

Для анархистов не может быть никакого сомнения относительно характера взаимоотношений трудового города и трудовой деревни. Анархисты считают, что соц. революция может быть осуществлена лишь совместными усилиями рабочих и крестьян. Следовательно, и решение продовольственного вопроса в революции возможно лишь на почве революц. сотрудничества этих двух трудовых классов.

Для установления этого сотрудничества рабочий класс города, взявший производство в свои руки, должен немедленно позаботиться о насущных нуж-

дах деревни, постаравшись наряду с предметами повседневного потребления доставить крестьянству средства и орудия коллективной обработки земли. Коллективная забота рабочих о нуждах крестьян вызовет со стороны последних подобный же отклик, т. е. коллективное же снабжение города продуктами крестьянского труда, и в первую очередь продовольствием.

Общие рабоче-крестьянские кооперативы являются первичными органами обслуживания продовольственных и хозяйственных нужд города и деревни. Наделенные затем более широкими и постоянными функциями – доставлять все необходимое для поддержания и развития общественно-хозяйственной жизни рабочих и крестьян, кооперативы эти тем самым могут быть превращены в постоянные органы снабжения города и деревни.

Решенный таким путем продовольственный вопрос позволит городскому пролетариату создать постоянный продовольственный фонд, что благотворным и решающим образом скажется на судьбе всего нового производства.

ЗЕМЛЯ

Главными революционно-созидательными силами при решении земельного вопроса мы считаем трудовое, неэксплуатирующее чужого труда, крестьянство и батрацкий пролетариат деревень. Их задачей будет совершить черный передел земли с целью установления землепользования и землеобработки на коммунистических началах.

Подобно индустрии, земля, обрабатываемая и культивируемая поколениями трудящихся, также есть продукт усилий этих трудящихся. Она также принадлежит всему трудовому народу в целом и никому в отдельности. Как общая собственность трудящихся, земля не может быть предметом купли-продажи. Она также не может быть сдаваема в аренду кем бы то ни было и кому бы то ни было и не может служить средством эксплуатации чужого труда.

Земля – своего рода общенародная мастерская, в которой рабочий люд вырабатывает средства пропитания. Но это такого рода мастерская, где каждый работник (крестьянин) в силу исторических условий привык вести свою работу самостоятельно и реализует свой труд независимо от других производителей. В то время, как в индустрии общинный (коммунистический) метод работы является насущно-необходимым и единственно-возможным, в земледелии он не является единственно-возможным в настоящее время. Большинство крестьян пользуется индивидуальным способом ведения хозяйства.

Поэтому с переходом земли и средств ее обработки к крестьянам, без возможности продажи и сдачи ее в аренду, вопрос о формах пользования ее и способах ее обработки (коммунально или семейно) не примет сразу такого общего и окончательного решения, какое примет вопрос индустрии. Первое время будут, вероятно, прибегать к одному и другому способу.

Окончательную форму землепользования и землеобработки установит само революционное крестьянство. Никакое давление извне в этом вопросе невозможно.

Но так как мы считаем, что лишь коммунистическое общежитие, во имя которого и будет совершена социальная революция, избавит трудящихся от бесправия и эксплуатации, даст им полную свободу и равенство; – так как крестьяне составляют подавляющее большинство населения (в России около 85%), следовательно земельный крестьянский строй явится решающим фактором в

судьбах революции; – так как, наконец, частное земельное хозяйство, так же как и частное промышленное предприятие, ведет к торговле, накоплению частной собственности и восстановлению капитала, – то наша обязанность теперь же делать все необходимое, чтоб облегчать разрешение земельного вопроса в коммунальном смысле.

В целях этого мы теперь же должны повести среди крестьян усиленную проповедь коммунистического землепользования и коммунистической обработки земли.

Создание специфически крестьянского союза анархического направления в значительной степени облегчит эту задачу.

Огромное значение в этом отношении будет иметь технический прогресс, облегчающий развитие сельского хозяйства, и факт осуществления коммунизма в городах, гл. обр., в индустрии. Если в сношениях с крестьянами рабочие будут действовать не отдельными группами, а огромным коммунистическим коллективом, охватывающим целые отрасли производства; если при этом они позаботятся о насущных нуждах деревни и наряду с предметами ежедневного обихода доставят в каждую деревню орудия коллективной обработки земли, то это несомненно толкнет крестьянство к коммунизму в земледелии.

ЗАЩИТА РЕВОЛЮЦИИ

Вопрос защиты революции также относится к проблеме первого дня. Собственно, самым могучим средством защиты революции является успешное разрешение ее положительных проблем: проблемы производства, потребления и земли. Будут правильно разрешены эти проблемы и никакие силы контрреволюции не смогут изменить или поколебать свободный строй трудящихся. Однако, на ряду с этим трудящимся все же придется вынести жестокую борьбу с врагами революции, дабы отстоять ее физическое существование.

Социальная революция, угрожающая привилегиям и самому существованию нетрудовых классов современного общества, неминуемо вызовет отчаянное сопротивление этих классов, которое выльется в ожесточенную гражданскую войну.

Как показал опыт России, подобная гражданская война явится делом не нескольких месяцев, а нескольких лет.

Сколь бы успешны ни были первые шаги трудящихся в начале революции, тем не менее имущие господствующие классы на долгое время сохранят огромную силу сопротивления и в течение ряда лет будут переходить в наступление на революцию, стремясь отвоевать отобранные у них власть и привилегии.

Созданная из их многочисленных приверженцев армия, военная техника и военная стратегия, капитал – все будет брошено на победоносных тружеников.

Последние, чтобы удержать завоевания революции должны будут создать органы защиты революции, дабы всему этому противопоставить соответственную боевую силу. В первые дни революции такой боевой силой явятся все вооруженные рабочие и крестьяне. Однако лишь в первые дни, когда гражданская война еще не достигнет своего кульминационного пункта и когда борющиеся стороны не выдвинут еще правильно построенных военных организаций.

В соц. революции наиболее критическим моментом является не момент низвержения власти, а момент, который наступит после этого низвержения, момент всеобщего наступления низвергнутого строя на трудящихся, когда надо будет удерживать достигнутые завоевания,

Самый характер этого наступления, техника и развитие гражданской войны вообще потребуют от трудящихся определенных военно-революционных формирований. Сущность и основные начала этих формирований должны быть заранее определены. Отрицая государственнические властнические методы управления массами, мы тем самым отрицаем государственнический способ организации военной силы трудящихся, т. е. отрицаем принцип принудительной государственной армии. Согласно основным положениям анархизма в основу военных формирований трудящихся должен лечь принцип добровольчества. Как на пример таких формирований, можно указать на партизанские военно-революционные отряды рабочих и крестьян, действовавшие в русской революции.

Однако революционное добровольчество и партизанство не следует понимать в узком смысле этих слов, т. е. как борьбу с врагом местных рабоче-крестьянских отрядов, не связанных между собою оперативным планом и действующих каждый на свою ответственность. Партизанство и партизанская тактика в высшей стадии своего развития начинают руководствоваться общей военно-революционной стратегией в революции.

Гражданская война, подобно всякой войне, может быть успешно проведена трудящимися лишь при соблюдении двух основных принципов военного дела – единства оперативного плана и единства общего командования. Тот момент революции, когда буржуазия организованными силами пойдет на свержение революции, явится наиболее критическим моментом, и он потребует от трудящихся прибегнуть к этим принципам военного дела.

Таким образом, вооруженные силы революции, в силу требований военной стратегии и стратегии контр-революции неминуемо должны будут слиться в общую революционную армию, имеющую общее командование и общий оперативный план.

В основу этой армии лягут следующие принципиальные основания: а) классовый характер армии; б) добровольчество (исключается какое бы то ни было принуждение в деле защиты революции); в) революционная самодисциплина (Добровольчество и рев. самодисциплина, вполне согласуясь между собою, сделают рев. армию в духовном отношении сильнее любой государственной армии); и г) полное подчинение рев. армии рабоче-крестьянским массам в лице тех, общих для всей страны, организаций рабочих и крестьян, которые в момент революции будут поставлены массами на руководящие посты хозяйственно-социальной жизни страны. Иными словами, – орган защиты революции, несущий на себе обязанности борьбы с контр-революцией, как на открытых военных фронтах, так и на фронтах скрытой гражданской войны (заговоры буржуазии, подготовка выступлений и т. д.) находится в полном ведении высших производственных рабоче-крестьянских организаций, им подчиняется и ими политически направляется.

Примечание: Хотя революционная армия должна быть построена на определенных анархических принципах, тем не менее на самую армию не должно смотреть как на предмет принципа. Она – лишь следствие военной стратегии в революции, лишь стратегическое мероприятие, к

которому неминуемо приведет трудящихся процесс гражданской войны. Но на это мероприятие должно быть обращено внимание теперь же. Оно теперь же должно быть тщательно изучено, чтобы в деле обороны и защиты революции не случилось непоправимого запоздания, ибо опоздания в дни гражданской войны могут оказаться гибельными для исхода всей социальной революции.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЧАСТЬ

ПРИНЦИПЫ АНАРХИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Изложенные выше общие конструктивные положения составляют организационную платформу революционных сил анархизма.

Платформа эта, содержащая определенное идеологическое и тактическое направление, является тем минимумом, на котором необходимо сойтись всем участникам организованного анархического движения.

Задача ее - сгруппировать вокруг себя все здоровые силы анархического движения в одну общую, активную и постоянно действующую организацию, во Всеобщий Союз Анархистов. На создание этой организации должны быть направлены силы всех активных работников анархизма.

Основные организационные начала Всеобщего Союза Анархистов следующие:

1) Единство идеологии.

Идеология является силой, направляющей деятельность отдельных лиц и отдельных организаций по определенному пути и к определенной, цели. Она, естественно, должна быть единой для всех лиц и организаций, входящих в общий Союз. Деятельность общеанархического Союза, общего и частного характера, постоянно должна находиться в точной связи с исповедуемыми им идеологическими началами.

2) Единство тактики или коллективный метод действия.

Тактические методы, применяемые отдельными членами или группами Союза, также должны быть едины, должны находиться в строгой согласованности, как между собой, так и с общей идеологией и тактикой Союза.

Общая (единая) тактическая линия в движении имеет решающее значение для жизни организации и всего движения: она освобождает движение от засасывающей его трясины множественных, взаимно-уничтожающих тактик и группирует все его силы на одном определенном направлении, ведущем к определенной цели.

3) Коллективная ответственность.

В рядах анархического движения должна быть решительно осуждена и отвергнута практика действовать за личной ответственностью.

Области революционной и социально-политической жизни являются, прежде, всего областями глубоко коллективными по существу. Революционная общественная деятельность в этих областях не может базироваться на личной ответственности отдельных работников.

Исполнительный орган общего анархического движения – Анархический Союз – решительно выступающий против тактики безответственного индивидуализма, вводит в своих рядах принцип коллективной ответственности: за революционно-политическую деятельность каждого члена Союза ответствен

весь Союз; точно так же за революционно-политическую деятельность всего Союза ответствен каждый его член.

4) Федерализм.

Анархизм всегда отрицал централистическую организацию, как в области социальной жизни масс, так и в области своей политической деятельности. Система централизации держится на убиении в каждой личности духа критики, инициативы, независимости и на слепом подчинении широких масс «центру». Естественным и неизбежным продуктом этой системы является порабощенность и механизирование жизни общественной и партийной.

В противовес централизму анархизм всегда выдвигал и отстаивал принцип федерализма, в котором сочетались независимость личности или организации, их инициатива и служение общему делу.

Сочетая идею независимости и полноправности личности с служением общественным потребностям и инстинктам, федерализм тем самым открывает двери здоровому выявлению сил каждой отдельной личности.

Однако нередко федералистическое начало в рядах анархизма извращалось, понимаясь как право проявлять в организации, главным образом, свое «я» без несения обязанностей в отношении самой организации.

Такое извращение крайне дезорганизовало наше движение в прошлом и теперь ему необходимо решительно положить конец.

Федерализм означает свободный договор лиц и целых организаций ради совместной работы, направленной к достижению общей цели.

Но этот договор и федералистический союз, на нем построенный, становятся реальным делом, а не фикцией, не самообманом лишь в том случае, когда все участники этого договора и Союза самым полным образом будут выполнять взятые на себя обязанности и принятые сообща решения.

В общественном деле, на сколько бы широком федералистическом начале оно ни было построено, не может быть одних прав без обязанностей, не может быть одних решений без их выполнения. Тем более это не может быть в анархической организации, берущей на себя исключительно одни обязанности в отношении трудящихся и их социальной революции.

Следовательно, федералистический тип анархической организации на ряду с признанием за каждым членом организации независимости, права голоса, личной свободы и инициативы, возлагает определенные организационные обязанности на каждого члена, требует точного выполнения их и выполнения принятых сообща решений.

Лишь в этом случае федералистический принцип будет жизнен и анархическая организация будет правильно функционировать и идти к намеченной цели.

Идея Всеобщего Союза Анархистов ставит проблему координации (согласованности) действий всех сил анархического движения.

Каждая из организаций, входящих в союз, является отдельной жизненной клеткой Союза; каждая из них имеет свой секретариат, выполняющий и направляющий идейно политическую и техническую работу организации.

Для координации деятельности всех организаций, входящих в Союз, создается специальный орган в виде *Исполнительного Комитета Союза*. На обязанности этого Комитета будут лежать следующие функции: проведение в жизнь принятых и порученных ему Союзом решений; идейное и организационное направление деятельности отдельных организаций согласно общей идеологии и общей тактической линии Союза; освещение общего состояния движения;

поддержание деловых и организационных связей между всеми организациями Союза и другие.

Права, обязанности и практические задания Исполнительного Комитета устанавливаются Обще-Союзным Съездом.

Всеобщий Союз Анархистов имеет вполне определенную конкретную цель. Во имя успеха социальной революции он должен в первую очередь отобрать и впитать в себя наиболее критический и революционный элемент рабочих и крестьян.

Являясь, главным образом, организацией социальной революции, притом организацией безвластнической, стремящейся к уничтожению классового общества теперь же, Всеобщий Союз Анархистов равномерно опирается на два основных класса современного общества – на рабочих и крестьян и в равной мере служит делу освобождения их обоих.

В отношении городских рабочих и революцион. профорганизаций Всеобщий Союз Анархистов должен проявить все усилия, чтобы стать их пионером и идейным вождем.

Те же задачи Всеобщий Союз Анархистов ставит себе в отношении подневольного крестьянства, причем, в качестве опорных пунктов, играющих ту же роль, что и революционные профсоюзы рабочего класса, он должен стремиться развить сеть революционно экономических крестьянских организаций и кроме того – специфический Крестьянский Союз, базирующийся на безвластнических началах.

Плоть от плоти трудящихся, Всеобщий Союз Анархистов должен участвовать во всех областях их жизни, всегда внося организованность, настойчивость, дух активности и наступления.

Лишь в этом случае он сможет выполнить свое назначение, выполнить свою идейную и историческую миссию в социальной революции трудящихся и стать *организованным застрельщиком* их освободительного процесса.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПЛАТФОРМА

(Вопросы и ответы)

Как и следовало ожидать, Организационная Платформа Всеобщего Союза Анархистов вызвала к себе живой интерес многих работников русского анархического движения. Наряду с товарищами, целиком разделяющими общую идею «Платформы» и ее основные положения, некоторые товарищи подходят к «Платформе» критически, высказывая сомнения относительно отдельных положений ее.

Мы приветствуем, как положительное отношение к Платформе, так и подлинно критическое отношение к ней. Искренняя, деловая и нужная критика столь же важна в деле создания общепанархической программы и общепанархической организации, сколь важны положительные творческие начинания в этом деле.

Печатаемые ниже «вопросы» представляют собою именно такого рода деловую и нужную критику, и мы с большим моральным удовлетворением идем ей навстречу.

В сопроводительном письме автор вопросов – давний и заслуженный работник анархического движения – пишет: «Организационная Платформа», на-

печатанная в Д. Тр., очевидно, предлагается на обсуждение всем анархистам. Прежде чем составить об этой «Платформе» окончательное суждение и, может быть, высказываться о ней в печати, мне хотелось бы выяснить некоторые вопросы, которые в ней недостаточно ясно освещены. Возможно, что и многие другие читатели найдут в «Платформе» много неясного и что некоторые возражения на нее будут основаны на недоразумении. Поэтому мне хотелось бы прежде всего поставить вам ряд вопросов; ясный ответ на эти вопросы очень важен, потому что он определит общий дух «Платформы». Может быть вы найдете нужным ответить на эти вопросы в газете.

В конце письма товарищ добавляет, что он «хотел бы избежать полемики в Д. Тр.». Поэтому он и стремится первоначально выяснить ряд существенных пунктов Платформы.

Вопрос поставлен правильно. Нет ничего легче, как прибегнуть к полемике с мнением, с которым не согласен или кажется, что не согласен. Еще легче ограничиться одной полемикой, не позаботившись взамен критикуемого мнения дать нечто *свое* положительное. Гораздо труднее *разобрать* новое мнение, *понять его*, чтобы уже затем определить свое обоснованное отношение к нему. Этим последним, более трудным путем идет автор печатаемых ниже вопросов.

ВОТ ЭТИ ВОПРОСЫ.

1. «Центральный пункт «Платформы» – объединение большинства участников анархического движения на общей тактической и политической линии, образование общего Союза. Так как вы федералисты, – то, очевидно, Союз будет состоять из автономных групп, но вы предполагаете существование Исполнительного Комитета, который будет давать «идейное и организационное направление деятельности отдельных организаций». Такой тип организации существует во всех партиях, но он возможен только при признании принципа большинства. В вашей организации вольна ли будет каждая группа выбирать свою тактику и определять свое отношение к каждому данному вопросу? Если да, то ваше единство будет иметь чисто *моральный* характер (как было всегда в анарх. движении); если же вы хотите единства организационного, оно выйдет *принудительным*. И тогда, признав его внутри своей организации, на каком основании вы будете опровергать тот же принцип большинства в *общественном строительстве*?

Было бы желательно, чтобы вы более определенно высказались о вашем понимании федеративной связи, роли конгрессов и принципа большинства.

2. Когда вы говорите о «свободном строе советов», какими функциями вы наделяете эти советы, чтобы они стали «первыми шагами бесгосударственного строительства»? Что они будут решать и будут ли их решения обязательны?

3. Понятие об «идейном руководстве анархистов событиями» не совсем ясно. Значит ли это просто, что а-ты будут стараться о том, чтобы те организации (профессиональные, местные, кооперативные и т. д.), которые будут создавать новые порядки, были проникнуты анархическими идеями? Или это значит, что ан-ы возьмут *на себя* такое строительство? И в последнем случае, чем это отличается от «диктатуры партии»?

Выяснение этого вопроса очень важно. Такой же вопрос ставится по отношению к роли ан-в в профессиональных союзах. Что значит: входить в союз организовано? Значит ли это просто, что работающие в союзах товарищи

будут между собою сговариваться для выработки линии поведения? Или это значит, что анархический Исполнительный Комитет будет вырабатывать тактику рабочего движения, забастовки, манифестации и т. д., а анархисты, работающие в союзах, постараются занять там руководящие посты и будут своею властью диктовать эти решения рядовым членам? То, что говорится в вашей “Платформе” о том, что работающие в профессиональной среде анархические группы будут направляться в своей деятельности *общеанархической организацией*, возбуждает на этот счет всякие сомнения.

4. В главе о защите революции говорится, что армия будет подчинена *общим для всей страны организациям рабочих и крестьян, которые будут поставлены массами на руководящие посты, хозяйственно-социальной жизни страны*. На обыкновенном языке это называется выборной “гражданской властью”. Что же это у вас? Очевидно, что организация, заведующая фактически всею жизнью и имеющая в своих руках армию, есть ничто иное, как *государственная власть*. Это – пункт настолько важный, что авторы “платформы” должны остановиться на нем. Если это “переходная форма”, то почему отрицается идея “переходного периода”? А если это – форма окончательная, то почему “платформа” – *анархическая*?

5. Существуют некоторые вопросы, которые не выдвинуты в “Платформе”, а между тем они играют видную роль в разногласиях между товарищами. Укажу на такой вопрос:

Предположим территорию, находящуюся фактически под влиянием анархистов. Каково будет их отношение к другим партиям? Признают ли авторы “Платформы” возможность насилия по отношению к врагу, *не поднимающему оружия*? Или они, согласно анархической идее, провозглашают *полную свободу слова, печати, организации и т. д. для всех*? (Это – вопрос, который несколько лет тому назад звучал бы дико, но некоторые, известные мне мнения мешают теперь быть вполне уверенной в ответе).

И вообще, допустимо ли проведение в жизнь своих решений силой?

Допускают ли авторы “платформы” пользование властью хотя бы на минуту?

Как бы группа не ответила на все эти вопросы, я не могу не указать на одну идею “Платформы”, находящуюся в полном противоречии с *анархическим коммунизмом*, от имени которого “Платформа” выступает.

Вы предполагаете, что когда в обществе уничтожены наемный труд и эксплуатация, останутся все еще какие-то нетрудовые элементы, и их вы исключаете из общего солидарного союза трудящихся: они не имеют права на свою долю общественного продукта. Между тем, в основе анархизма всегда лежал принцип “каждому по потребностям”; анархизм всегда видел в нем лучший залог общественной солидарности. И когда ан-ам ставили вопрос: “а что вы будете делать с лентяями?” они отвечали: “лучше прокормить даром несколько лентяев, чем вносить из-за них ложный и вредный принцип в жизнь общества”. Теперь вы создаете какую-то категорию лентяев из политических соображений и в виде репрессий хотите морить их голодом. Но подумали ли вы (помимо даже моральной стороны дела) к чему это ведет? Нужно о всяком неработающем установить, почему он не работает, читать в сердцах, спрашивать о его убеждениях. Нужно, если кто-нибудь отказывается от *данной* работы, узнать по каким соображениям он это делает. Нужно смотреть, не саботирует ли работающий и нет ли в этом контр-революции. Результат: сыск, при-

нудительная работа, трудовая мобилизация и, в довершение всего – продукты, необходимые для жизни, в распоряжении власти, которая может *морить голодом оппозицию!* Пайки, как средство политической борьбы! Неужели то, что вы видели в России, не показало вам отвратительности такой системы? А о вреде ее для судеб революции я и не говорю: такое вопиющее нарушение общественной солидарности не может не создать ей опасных врагов.

В этом вопросе – ключ ко всему анархическому пониманию общественного строя. Если уступить в этом, придется скоро откинуть и все остальные понятия анархизма, потому что ваша постановка вопроса делает совершенно невозможным никакое *безгосударственное* общежитие.

Возможно, что мне придется писать по поводу “Платформы”, но я предпочитаю отложить это до того момента, пока все неясности ее будут выяснены».

Итак, Организационная Платформа вызвала ряд существенных вопросов, сконцентрированных в вышеприведенном письме – а именно: 1) вопрос *большинства и меньшинства* в анархическом движении; 2) вопрос о *структуре и характере вольного советского строя*; 3) вопрос об *идейном руководстве событиями и массами*; 4) вопрос о *защите революции*; 5) вопрос о свободе прессы и свободе слова; и 6) как надо понимать анархический принцип *каждому по его потребностям?*

1. Начнем по порядку.

Вопрос большинства и меньшинства в анархическом движении у автора связан с идеей Исполнительного Комитета Союза. Автор спрашивает, раз Исполнительный Комитет Союза наряду с другими функциями исполнительного характера будет также «идейно и организационно направлять деятельность отдельных организаций Союза», то не явится ли это руководство принудительным? Затем, вольны ли отдельные группы, входящие в Союз, выбирать свою тактику и определять свое отношение к каждому данному вопросу? Или они должны подчиняться общей тактике, общим отношениям, вырабатываемым большинством Союза?

Отметим сначала, что Исполнительный Комитет Союза не может, по-нашему, быть органом, наделенным какими бы то ни было полномочиями принудительного характера, как это существует в нейтралистских политических партиях, Исполком Всеобщего Анархического Союза является органом, *исполняющим* функции *общесоюзного* значения. Вместо Исполнительного Комитета этот орган можно бы назвать Главным Секретариатом Союза. Название Исполнительного Комитета предпочтительно, однако, потому, что оно лучше выражает *идею выполнительности* и инициативности. Исполком, нисколько не умаляя прав отдельных организаций, может идейно и организационно направлять их деятельность. Ибо всегда в Союзе будут отдельные группы, которые в различных вопросах тактической линии будут находиться в затруднении и идейная и организационная помощь которым всегда будет необходима. Само собой разумеется, что эту помощь удобнее всего оказывать Исполкому Союза, который по своему положению и по своим функциям всегда будет лучше осведомлен о тактической и организационной линии Союза в различных вопросах.

Но если все-таки отдельные организации захотят проводить свою тактическую линию, будет ли Исполнительный Комитет или весь Союз препятствовать

им в этом или нет? Иначе говоря, - будет ли тактическая и политическая линия Союза устанавливаться большинством, или каждая группа вольна поступить по своему и в Союзе будет, следовательно, несколько линий?

Как правило, мы считаем, что Союз в целом должен иметь одну тактическую и политическую линию. Ведь он проектируется для той именно цели, чтобы покончить с раздробленностью и дезорганизованностью в анархическом движении, чтобы вместо множественности тактических линий, приводящих анархистов к междоусобице, установить одну общую тактическую линию, которая бы позволила всем анархическим силам действовать в одном направлении и тем успешнее достигать цели. Без этого Союз теряет одну из важнейших сторон своего предназначения.

Однако, могут быть моменты, когда по тому или иному важному вопросу мнения в Союзе разойдутся, образуется большинство и меньшинство. Такие случаи в жизни всех организаций и партий часто имеют место и из них обыкновенно находят выход.

Мы считаем, во-первых, чтобы в этих случаях меньшинство, во имя целостности Союза, поступило бы своими расхождениями в пользу большинства. Это легко достижимо, когда расхождения между меньшинством и большинством не велики. Если же меньшинство сочтет невозможным отказаться от своих расхождений с большинством, тогда встанет вопрос о существовании двух различных мнений и двух различных тактик у большинства и у меньшинства Союза.

Вопрос должен быть обсужден всем Союзом и если при обсуждении его будет найдено возможным существование в одном Союзе двух различных отношений к одному и тому же вопросу, то это существование будет принято как факт.

И, наконец, в случае, когда между большинством и меньшинством невозможно никакое соглашение по разобщающим их политическим и тактическим вопросам, происходит раскол и меньшинство отделяется от большинства и создает свою отдельную организацию.

Таковы три возможных выхода в случае расхождения меньшинства с большинством. Во всех этих случаях вопрос решается не Исполнительным Комитетом, который, повторяем, является исполнительным органом Союза, а всем Союзом в целом - конференцией или Союзным съездом.

2. Вольный советский строй. Нынешнюю советскую (большевистскую) систему мы отрицаем на том основании, что она представляет собою не более, как политическую форму государства. Советы рабочих и крестьянских депутатов являются политическими органами государства, руководимого политической партией.

Этим органам мы противопоставляем *советы рабочих и крестьянских производственных и потребительских организаций*. Отсюда лозунг вольного строя советов и фабрично-заводских комитетов. Под этим строем мы разумеем такую социально-экономическую систему, при которой все отрасли и функции общественно-хозяйственной жизни будут сосредоточены в руках производственных и потребительских организаций трудящихся и ими будут направляться в целях удовлетворения потребностей всего трудового общества. Федерации этих организаций и их советы ликвидируют государство и капиталистическую систему и явятся главным стержнем вольного советского строя. Правда, строй этот не представит сразу полного идеала анархической коммуны, но он явится первым проявлением, первой практической поступью анархической коммуны

и с него откроется эра свободного безгосударственного строительства трудящихся.

Мы считаем, что свои решения, касающиеся различных областей социальной и экономической жизни, Советы рабочих и крестьянских организаций или Коммуны будут проводить в жизнь не насильем и декретами, а с общего согласия трудовых масс, принимающих в этих решениях непосредственное участие. Но решения эти должны быть обязательны для всех подававших за них голос и санкционировавших их.

3. Идеинное руководство анархистов событиями и массами. Идеинное руководство революцией событиями и революционным движением масс никаким образом не следует и нельзя понимать, как стремление анархистов взять в свои руки строительство нового общества. Строительство это под силу лишь всему трудовому обществу, ему одному принадлежит и всякая попытка взять у него это право должна считаться противоанархической. Вопрос идеинного руководства не есть вопрос социалистического строительства, а вопрос *идейно-политического влияния* на ход революционных политических событий. Мы не были бы революционерами и борцами, если бы не интересовались характером и направлением соц. револ. борьбы масс. А так как характер и направление этой борьбы помимо объективных факторов определяются еще воздействием субъективных причин, т. е. идеинным влиянием различных политических группировок, то наша обязанность – сделать все возможное, чтобы идеинное влияние анархизма на ход революции было максимальным. Нынешняя «эпоха войн и революций» с особенной резкостью ставит дилемму: либо революционные события будут идти под знаком государственнических идей, хотя бы и социалистических, либо под знаком безгосударственнических – анархических. А так как мы непоколебимо уверены в том, что государственническое направление приведет революцию к гибели, а массы к новому рабству, то отсюда с неумолимой логикой вытекает наша задача приложить все усилия, чтобы придать революции анархическое направление. Но прежний, кустарно кружковой метод нашей работы эту задачу не выполнит, наоборот, запутает. Нужен иной подход к делу. Силу *идейного влияния анархизма на ход событий надо организовать*, превратить ее из случайных мелких фактиков в постояннодействующий фактор. А это, по нашему мнению, достижимо лишь при условии, когда лучшие теоретические и практические работники анархизма организуются в один дееспособный, идеологически и тактически обоснованный анархический коллектив – во Всеобщий Союз Анархистов. В таком же смысле следует понимать идеинное руководство револ. синдикализмом. Входить в союзы организованно значит входить в них *с определенной идеологией, с определенным планом работы*, которая у всех анархистов, работающих в синдикатах, должна быть строго согласована. Ни вырабатывать тактику рабочего движения, ни разрабатывать забастовки и манифестации Анархический Союз не будет. Но *стремиться к распространению* в синдикатах своих взглядов на револ. тактику рабочего класса и на разные события момента он будет, ибо это его неотъемлемое право.

Однако в распространении своих взглядов анархисты должны быть точно согласованы как между собой, так и с работой той общей анархической организации, членом которой они состоят и от имени которой они ведут идеинную и организационную работу в синдикатах. Организованность анархической работы в синдикатах и согласованность ее ничего общего не имеют с элементами власти.

4. Возражение автора, сделанное против программного пункта о защите революции, более, чем какое-либо другое основано на недоразумении.

Указав на необходимость и неизбежность для трудящихся создания в период гражданской войны своей революционной армии, Платформа вместе с тем отмечает, что армия эта должна быть подчинена общим (высшим) рабоче-крестьянским производственным организациям.

Подчинение армии этим организациям вовсе не означает идею выборной гражданской власти. Ведь армия, сколь бы по духу и по названию ни была революционна и народна, не может, тем не менее, жить и действовать сама по себе, не будучи ни перед кем ответственна. Нет – являясь органом защиты революционных прав и революционных позиций трудящихся, армия тем самым должна целиком подчиняться трудящимся и *политически* направляться ими (мы говорим *политически* направляться, ибо давать ей военно-стратегическое направление, могут лишь военные органы, в самой армии имеющиеся и подчиненные высшим рабоче-крестьянским организациям).

Но кому непосредственно армия может политически подчиняться? Ведь трудящиеся в целом не представляют собой единого органа. Они будут представлены различными экономическими организациями. Вот именно этим организациям, в лице их высших соединений, и будет подчинена армия. О характере и социальных функциях этих органов сказано в пункте 2 этих ответов.

Идея революционной армии трудящихся либо должна быть отвергнута, либо должна быть признана. Но коль скоро армия признается, то также должен быть признан и принцип подчинения этой армии экономическим рабоче-крестьянским организациям. Иного решения вопроса мы не видим.

5. О свободе прессы, слова, организации и т. д.

Победивший труд не должен стеснять слово и прессу даже своих вчерашних врагов-угнетателей, ныне побежденных. Тем более он не должен стеснять свободу прессы и слова в пределах революционно-социалистических и анархических группировок, находящихся в его рядах.

Свободное слово и свободная пресса трудящимся необходимы, как для освещения и уяснения задач их социального и хозяйственного строительства, так и для уяснения лица врагов трудящихся, их аргументов, планов и намерений.

Неверно, будто капиталистическая и социал-оппортунистическая пресса развратит революционных трудящихся. Последние всегда смогут разобраться в ложной прессе и дать ей должную отповедь. Свобода прессы и свобода слова страшны для тех, кто как капиталисты и коммунисты, живут разными темными махинациями, которые вынуждены скрывать от взоров широких масс труда. Для трудящихся же свобода слова принесет огромное благо. Она даст им возможность все слышать и обо всем судить самим и тем укреплять их сознание и упрямить их поступки.

Монополия прессы и слова, насильственное втискивание их в рамки верования какой-либо одной партии подрывает всякое доверие к монополистам и их прессе. Раз свободное слово душится, – значит скрывается истина. Это блестяще доказали большевики, пресса которых держится на штыках и читается, главным образом, по необходимости – за неимением другой.

Однако, могут быть отдельные специфические моменты, когда пресса, вернее злоупотребление ею, могут быть стесняемы в порядке революционной целесообразности. Как пример, приведем случай из 1919 г.

Весь ноябрь 1919 г. г. Екатеринослав был занят войсками повстанческой армии махновцев. Но в то же самое время он был обложен войсками Деникина, которые, укрепившись на левом берегу Днепра в районе г. Амур и Нижнеднепровск, непрерывно обстреливали Екатеринослав артиллерийским огнем бронепоездов. И в то же время с севера, – со стороны Кременчуга на Екатеринослав двигалась деникинская группа во главе с ген. Слащевым.

В Екатеринославе в этот момент, на основах свободного слова, выходили следующие, газеты: «Путь к свободе» – орган махновцев; «Народовластие» – орган правых эсеров; «Борьба» – левых украинс. эсеров; «Звезда» – орган большевиков. Не выходило лишь органа кадетов, бывших в то время идейными вождями деникинского движения. Но если бы кадеты захотели в то время издавать в Екатеринославе свой орган, который несомненно играл бы подсобную роль деникинцам, то должны ли бы революционные рабочие Екатеринослава и повстанцы дать ему право выхода и позволили бы они ему выходить и после того, когда стала бы ясной его скорее *военная* роль в происходящих событиях? Мы думаем, что нет.

В период гражданской войны таких случаев может быть не один, и в этих случаях рабочим и крестьянам придется руководствоваться не общим принципом свободы слова и прессы, а той ролью, которую возьмут на себя вражеские органы в связи с происходящей военной борьбой.

Вообще же, опуская исключительные случаи гражданской войны, победивший труд должен представить свободу слова и прессы, как левым, так и правым мнениям. И эта свобода явится гордостью и украшением свободного общества свободных тружеников.

Революционное насилие в борьбе к классовым врагам анархисты признают и призывают к нему, но анархисты ни на минуту не согласятся пользоваться властью и силою навязывать свои решения массам. Их средства в этом – пропаганда, сила мнения, аргументация словом.

6. Правильное понятие анархического принципа – «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Принцип этот безусловно является краеугольным камнем Анархического Коммунизма. Никакой иной экономической и социально-правовой принцип не отвечает идеалу Анархического Коммунизма, как этот. Платформа находит также, что «соц. револ., берущая на себя перестройку всего современного строя, тем самым, берет на себя обязанность позаботиться о жизненных потребностях всех людей».

Однако, эта общая принципиальная постановка вопроса об анархическом строе. Ее надо отличать от практических моментов первых дней соц. рев. Как показал опыт Парижской Коммуны и Рус. Революции, нетрудовые классы современного общества побеждаются, но не сдаются окончательно. Первые моменты они заняты одной мыслью – собрать свои силы, опрокинуть революцию и восстановить потерянные привилегии.

В этих условиях было бы крайне рискованно и смертельно опасно для революции распределять имеющиеся в револ. стране продовольствие по принципу – «каждому по потребностям». Это вдвойне опасно; ибо помимо прямой поддержки враждебных революции классов, что морально и стратегически недопустимо, мгновенно возникнут новые классы, которые, видя, что революция обеспечила потребности каждого индивида, решат лучше заниматься пустым препровождением времени, а не работать. Ясно, что не считаться с этой

двойной опасностью для революции нельзя. Опасность эта в короткий срок свалит революцию, если против нее не принять соответствующих мер. Лучшей мерой будет обращение сил нетрудовых контр-революционных классов на полезное дело труда. В той или иной области, в той или иной мере классы эти должны заниматься полезным, необходимым для общества трудом и *обязывать* их к этому будет *право* пользования общественным продуктом, ибо нет прав без обязанностей. И наш прекрасный анархический принцип об этом именно и говорит. Он советует давать каждому по потребностям при условии, если этот каждый будет служить обществу по силам и способностям, а *не вообще никак*.

Исключение составят, дети, старики, больные, увечные. Все эти категории общество справедливо освободит от обязанностей заниматься трудом, оставив за ними право на удовлетворение всех своих потребностей.

Против принципа, – получать от общества по потребностям, а давать обществу по усмотрению, а то и вообще ничего не давать, глубоко возмущается моральное чувство трудящихся, столь долго расплачивавшихся за этот дикий принцип, а потому и непримиримо относящихся к нему. Против него восстает наше чувство справедливости и логика.

Иное дело, когда свободное общество трудящихся укрепитя и когда речь будет идти не о классах, саботирующих новое производство по контр-революционным воображениям, а об отдельных лентяях. В этом случае общество должно полностью осуществить анархический принцип – «от каждого по способностям, каждому по потребностям», ибо лишь на основе этого принципа жизнь общества будет дышать полной свободой и подлинным равенством.

Но даже и тогда, как правило, все здоровые, пользующиеся правами на материальные и духовные блага общества, будут нести те или иные обязанности в деле их производства.

Еще Михаил Бакунин, в расцвете своего анархического мировоззрения и анархической деятельности (в 1871 г. по предположению т. Нетлау), разбирая данный вопрос, писал: – «...Каждый должен будет работать, чтобы есть. И каждый, кто не пожелает трудиться, волен будет умереть с голода, если только он не отыщет какой-либо ассоциации или коммуны, которая согласилась бы из жалости кормить его. Но тогда, по всей вероятности, будет найдено справедливым не признавать за ним никаких политических прав, раз он будучи трудоспособным, предпочтет находиться в позорном положении и жить за счет чужого труда: ибо не будет никакого иного обоснования для общественных и политических прав, кроме труда несомого каждым»...

Группа Русских Анархистов Заграницей. 2-10-1926 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I	- Крах социализма и поражения анархизма	7
II	- От штирнеровского индивида до прудоновского производителя	13
III	- Бакунин: Программы революционного анархизма	19
IV	- Бакунинская организация	25
V	- Альянс, Интернационал и конфликт с Марксом	33
VI	- Антиавторитарный Интернационал: апогей и конец	43
VII	- Пропаганда фактом и «финансовая поддержка Анархии»	55
VIII	- Антиорганизационники и бомбисты	65
IX	- От свободного согласия к «Анархистской рабочей партии» (ГКТ)	75
X	- Индивидуалисты, Русская революция 1905 года и Амьенский съезд (1906)	87
XI	- Международный съезд анархистов в Амстердаме (1907)	97
XII	- Анархо-синдикалисты и «противозаконники» (Бонно и К°) в действии	113
XIII	- Священный союз и «последняя бойня»	125
XIV	- «Мираж советизма» и кризис анархизма	133
XV	- Организационная Платформа группы <i>Дело Труда</i>	144
XVI	- Обсуждение Платформы	155
XVII	- Испанские анархисты в 1936–1939	170
XVIII	- Выработать средства для осуществления своих целей	183
	Библиографические ссылки	187
	Приложение	195
	- Организационная платформа всеобщего союза анархистов (проект)	196
	- Организационная платформа (вопросы и ответы)	215

Напечатано во Франции

